

**Национальная Академия наук Республики Таджикистан
Институт языка и литературы им. Рудаки**

На правах рукописи

Солиев Хусейн Убайдуллоевич

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
САДРИДДИНА АЙНИ**

**10.01.03. – Литература народов стран зарубежья
(таджикская литература)**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Ш.А. Рахмонов

ДУШАНБЕ – 2022

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Литературное творчество С.Айни и его истоки.....	21
I.1.Путь С. Айни от публицистики к художественной литературе.....	21
I. 2. Становление и развитие творчества С. Айни как писателя нового художественного направления	33
Глава II. Литературоведческая концепция С. Айни и образование.....	65
2.1. Айни – литературовед	65
2.2. Отражение состояния просвещения в Бухаре в творчестве устода С.Айни.....	82
Глава III. Размышления С.Айни о литературном таджикском языке.....	115
3.1. С.Айни о необходимости самостоятельного таджикского литературного языка	115
3.2. Лексикология и лексикография.....	121
3.3. Текстологическая деятельность С.Айни.....	126
3.4. Самосознание и национальное самосознание.....	137
3.5. Обучение родному языку.....	142
Заключение	146
Список использованной литературы	150

ВВЕДЕНИЕ

Становление художественной прозы в новейшей таджикской литературе пришлось на тридцатые годы двадцатого века. Этот процесс теснейшим образом связан с творчеством таких признанных мастеров прозы, как Садриддин Айни, Джалол Икромӣ, Хақим Карим и Гани Абдулло. Ускорению этого процесса в тридцатых годах способствовали международные творческие взаимосвязи писателей Таджикистана и других народов Советского Союза того периода. На этой основе в таджикскую литературу начали проникать и довольно быстро закрепились литературные виды, жанры и формы, которые при её многовековой истории отсутствовали совсем или же присутствовали в зачаточном состоянии. Так, в этом отношении, драматургия как литературный вид может служить ярким примером, но нельзя не учитывать, что её развитие проявили исконно национальные черты данного искусства. Но многообещающие изначальные тенденции и последовавшие затем трагические события в истории Советского Союза (1937-1939), которые в дальнейшем так и не последовали путем освобождения творческой воли от идейно-партийной тирании, не могли не оставить свой отпечаток в литературной жизни Таджикистана. В качестве примера можно упомянуть то обстоятельство, что в Таджикистане, где новейшая литература требовала необходимых условий для развития, из еще очень малого количества литераторов были репрессированы или подвергнуты гонениям А. Хамди, Рахим Хашим, Рашид и Гани Абдулло, Дж. Икромӣ, Т.Зехни, Х. Мирзозода и другие.

Невзирая на многие препятствия, таджикская литература новейшего периода достигла достаточного развития во всех литературных жанрах и формах, многовековые творческие традиции в поэзии и прозе получили новые очертания. К ним добавилась и драматургия, не имевшая глубоких исторических традиций.

В средневековой таджикской литературе, которая уже с IX в. получила определение «новая литература», появились новые тенденции, главной чертой которых являлась синкретика жизни и творчества. Этико–просветительские устремления прозы обогатились творческими принципами и техникой в написании романов. Романтическая и высокая нравственно–философская поэзия уступила место приземленной поэзии, посвященной жизни простого труженника. В этих процессах особо ощутимы достижения в создании романов прозы, которая наиболее яркими проявлениями обязана творчеству новейшей таджикской литературы Садриддина Айни. Выросший на традициях классической таджикской поэзии, этико–нравственной, народно–сказительной прозы далекого прошлого и совсем недавней критико–просветительской прозы мыслителя и писателя Ахмада Дониша, С.Айни, тем не менее, стал основоположником новейшей таджикской прозы. Его романы своими яркими особенностями проявились в таких произведениях писателя, как «Рабы» («Ууломон»), «Бухарские палачи» («Джаллодони Бухоро»).

Особую мобильность и жизненность таджикская литература приобрела в период Великой Отечественной войны, когда она со всей ответственностью разделила тяжкую ношу народа в борьбе с фашизмом. С первых дней войны художественное слово становится средством и опорой подъема мужества и духа советских людей в эти тяжелые годы. В произведениях С. Айни, А. Дехоти, Дж. Икромии, С. Улуг–зода, Ф. Ниёзи и других писателей, поэтов и драматургов главным героем становится человек труда на полях ратного и трудового подвига. Таджикские писатели, сражавшиеся с врагом, не только острым художественным словом, но и боевым оружием, отдали свои жизни на полях ВОВ. Среди павших писателей были Хаким Карим, Хабиб Юсуфи, Абдушукур Пирмухаммадзода, Лутфулло Бузургзода. Военная тематика с ее трагизмом и последствиями важное место занимает в творчестве М. Турсун–

заде, С. Улуг–зода, Ф. Ниёзи, М. Каноата, А. Каххари и ряда других литераторов.

Наше диссертационное исследование, конечно, главным образом посвящено развитию художественной прозы двадцатых годов XX в. в творчестве С. Айни и его научной деятельности. Тем не менее, в послевоенные годы литературные виды и жанры приобретают особую актуальность в разработке тематики мира и дружбы народов. Достижение устойчивого мира, укрепление дружбы и солидарности с народами колониальных и зависимых стран Азии и Африки становятся одним из важных направлений деятельности литераторов. Цикл стихов Мирзо Турсунзаде «Индийская баллада», «Я из свободного Востока», поэма «Голос Азии» завоевали таджикской литературе и самому поэту видное место в общесоветской литературе. М.Турсун–заде был в числе выдающихся культурных и общественных деятелей Советского Союза. В этот период литературное творчество интенсивно расширяло круг жизненных проблем, требовавших участия художественного исследования. Литературное творчество в этом процессе все более усовершенствовала способы создания достойного метода новейшей художественной мысли в изображении жизни и человека в ней. Типпизация, психологизм, эстетизация художественного мышления требовали иного, нежели традиционное художественное мышление. Насколько это все удавалось осуществить, со всей очевидностью стало более или менее ясным, позже, но обновление литературы происходило довольно бурно. Новейшая литература формировалась на базе единства художественно–эстетических принципов, важнейших указаний советского социалистического реализма, в конечном итоге достигла своего окончательного развития и на собственных обобщениях определила путь человечества в будущее.

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для писателей советского периода. Сотни представителей литературного

творчества стали непосредственными участниками кровавой войны. Перо тех же, которые оставались в тылу, главным образом посвящалось военной тематике. Как на полях сражений, так и в тылу, писатели в публицистических статьях, очерках и фельетонах, рассказах и повестях, романах, поэмах и драматических произведениях отражали жестокую действительность фронтовой жизни, рассказывали о мужестве и подвигах воинов, о возвышенных проявлениях дружбы, патриотизма, единства советских людей перед лицом жестокой войны. Идеино–тематический синкретизм, художественно–эстетическая близость новейшей литературы военного периода проявляют себя особенно ярко.

В последующие годы эти качества советской литературы получают дальнейшее развитие. Новая литература в это время проявляет свой творческий метод в сотворении типических образов и характеров, отображении духовного мира героя, прибегая к разнообразным методам и принципам.

Разноязычные писатели советского периода К. Федин, М. Шолохов, Н. Тихонов, М. Танк, Г. Абашидзе, Э. Межелайтис, Ю. Марсинкявичус, А. Лупан, М. Ибрагимов, С. Рустам, М. Карим, Р. Гамзатов, К. Кулиев, Д. Кугультинов, Б. Сайтаков, А. Нурпейсов, шедшие в ногу с лучшими принципиальными и жанровыми достижениями советских писателей, являлись образцом служения литературы советского периода всем народам и народностям союза. Все это послужило почвой к объединению всех ассоциаций и групп литературного направления в Союзе советских писателей. Произнесенные М. Горьким с трибуны первого Съезда писателей Советского Союза слова – «Литература разносторонняя всех наших народов является единой» - констатировали факт зарождения и формирования единой, социалистической по содержанию и национальной по форме, литературы народов всего Союза.

В 30-е годы произведения советских писателей М. Горького, А. Фадеева, М. Шолохова, А. Твардовского, А. Новикова-Прибоя, А. Гайдара, М. Бажана, А. Корнейчука, Я. Купалы, Я. Коласа, С. Вургуня, Г. Табидзе, А. Исаакяна, Г. Гуляма, Б. Кербабаева, М. Ауезова, А. Токумбаева, Мусы Джалиля и многих других, таджикских писателей С. Айни, А. Лахути, М. Турсун-заде, М. Рахими, П. Сулаймони, А. Дехоти, Х. Карима, Х. Юсуфи, Дж. Икромии, Р. Джалиля, С. Улуг-зода, С. Джавхаридзе, М. Аминзода и других охватывают различную социальную тематику. В их произведениях важное место отводится мотивам дружбы народов, защиты Родины, воспитания духовного облика и культурного уровня нового человека и многим другим важным вопросам нравственного совершенства.

Уже в самом начале формирования советской литературы важным фактором ее успешного, а самое главное, ее жизненности было признано определение основного творческого метода. На первом Съезде писателей Советского Союза (1934г.) в качестве творческого метода, способного отразить правду действительности в ее революционном развитии, всеми делегатами единодушно был признан социалистический реализм. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в ускорении развития национальных литератур и их сближении.

Важнейшие моменты упомянутых процессов нашли свое отражение в последовавших изысканиях, тесно связанных с именами С. Айни, С. Улугзода, Н. Масуми, Х. Мирзозода, М. Шакури, Р. Ходи-заде, С. Табарова, А. Сайфуллоева, Х. Шарипова, Х. Атахоновой, А. Сатторова, Х. Шодидулова, Ю.Акбарова, А. Набиева, А. Хакима, Дж. Бакозода, А. Абдуманонова и ряда других литературоведов.

В творчестве писателей XX в. литература проделала совсем не легкий путь. В этом отношении особняком стоит творчество С. Айни (1878-1954). В современную литературу он пришел из среды культурной персоязычной прослойки, несмотря на то, что его детские и юношеские годы прошли в

сельской местности. В город его привели поиски знаний. Девятнадцать лет своей жизни он отдал учебе в бухарских медресе. В этот период С. Айни находит дорогу к культурной жизни города Бухары, в которой блистали такие имена, как Ахмад Дониш, Шарифджан–Махдум Садри Зиё. Эта благодатная почва способствовала пробуждению знаний, росту культурного уровня будущего писателя.

В Бухаре юный Садриддин близко общается с молодыми джадидами, впервые слышит о русской революции, а затем становится очевидцем авантюры Колесова, жертвой эмирской экзекуции (75 ударов палкой), лишается любимого младшего брата. С. Айни выдержал все испытания и написал свое первое революционное стихотворение - «Песнь свободы» («Суруди озоди»), встретил мнимую бухарскую революцию.

С.Айни всю сознательную жизнь мечтал о том, чтобы на его земле появилось свободное государство под названием Таджикистан. С этой мыслью он много трудился: писал книги, поднимал диспуты по национальным вопросам, таджикскому языку и в конце концов в пятой главе своего романа «Дохунда» приветствовал образование седьмой социалистической республики – Таджикистан.

С.Айни в истории новейшей таджикской литературы известен как высококультурная личность, тонкий знаток классической персидско-таджикской литературы и ряда восточных литератур. Поэтому, он по праву признан зачинателем новейших литературных процессов в персоязычной среде Средней Азии. В его творчестве имеют место почти все прозаические и поэтические виды и жанры художественного творчества, научной и социально–политической публицистики. Он был признан ведущим литературоведом не только в Таджикистане: советские иранисты воспринимали его тонким источниковедом и поэтики персидской, арабской и тюркской литератур и письменности и главой советской школы иранистики.

В смутные годы, годы становления таджикской нации, когда мало кто мог выступить в защиту очевидных политических, исторических и культурных интересов ираноязычного этноса Средней Азии, С.Айни своим творчеством, своими обширными знаниями стойко боролся за истину. Поэтому, когда Республика Таджикистан приобрела долгожданную независимость, народ страны с искренним удовлетворением воспринял акт присвоения С.Айни высочайшего в стране звания доблести и заслуги – «Героя Таджикистана».

Но, невзирая на сказанное, прижизненное признание С.Айни все же представляется несколько эмоциональным. Далеко не полное раскрытие феномена С.Айни стало возможным по мере изучения его творчества и личности. Тогда же первым делом необходимы были условия, которые могли способствовать истинному восприятию фигуры этой личности без прикрас и искажений. Тем не менее, до кончины поэта и писателя этого сказать нельзя. После кончины С.Айни в 1954 году начали появляться художественные и публикационные вещи, которые отражали личностное и социально-культурное значение С.Айни на грани эмоционально–интеллектуального восприятия. Появилось стихотворение любимого поэта таджиков, устада Абулькасима Лахути «Семьдесят пять лет», «Устаду Айни» Мирзо Турсунзаде. В честь корифея новейшей литературы творили стихи Мумин Каноат, Лоик Шерали, Бозор Собир, Гульрухсор, Фарзона, Зульфия и другие поэты.

Юбилейные чествования С.Айни послужили поводом к тому, что о нем в различных формах начали высказываться узбекские, русские писатели, другие представители советских литератур, творческих кругов Ирана, Афганистана и Пакистана. В поэме «Не меркнувший светильник» («Чароии абади») М. Турсунзаде личность устада С.Айни, по словам литературоведа Х. Атахоновой, «находит поэтическое обобщение... великого писателя, труженика, гуманиста и патриота, просветителя и народолюбца».

При всем этом наши изыскания основываются на данных литературных и научных источников, из которых исключаются поэтические произведения. Этими источниками, главным образом, будут произведения документальных и художественных жанров прозы.

Бесспорно, что спустя пять – шесть лет после смерти С.Айни обращение учеников писателя и культурных кругов к его образу происходило через призму прозаических жанров.

Еще в 1953 году М. Турсун-заде в статье «Садриддин Айни» писал: «Все то, что угнетенный таджикский писатель испытал и пережил, сначала в своем детстве, а затем в молодости, и уже в зрелые годы, испытал и переживал Айни». Поистине, в действительности не всегда история жизни человека совпадает с судьбой его народа, чего нельзя отнести к С.Айни. Здесь мы имеем дело с тем удачным совпадением, когда в одной жизни отражается определенный отрезок жизни национальной интеллигенции в историческом разрезе народа. В этом смысле, первые 20 лет начала жизни С.Айни мало чем отличаются от жизни целого ряда представителей литературы конца XIX в. и начала XX в., среди которых были и такие, как Абдулмаджид Зуфунун (+1903), Мирзо Азим Соми (+1907), Садри Зиё (1875 – 1932), Мухаммад Хусейн Хатлони (1868 – 1917), Абдуррауф Фитрат (1886 – 1944), Мухаммад Сиддик Хайрат (1878 – 1927), Тош Худжа Асири (1864 – 1916), Мирзо Сироджиддин Хаким (1877 – 1912), Мирзо Абдулвохид Мунзим (1875 – 1934). Поэтому не случайно С.Айни в составленной им антологии «Образцы таджикской литературы» (1926) останавливается на жизни и творчестве этой плеяды литераторов.

Антология, составленная С. Айни, охватывает творческие образцы более чем тысячелетнего существования новотаджикской (новоперсидской) литературы. Время создания «Образцов таджикской литературы» совпало с одним из важнейших для таджикского (ираноязычного) этноса Средней Азии «судьбоносных» зигзагов истории. С.Айни был одним из редких

представителей таджикской интеллигенции, остро осознававших сущность своего предназначения. К тогдашнему состоянию формирования своей личности С. Айни подходит с высоким самосознанием. В последующем, итогами процесса собственного самосознания поделился с другими таджиками в четырех частях «Воспоминаний» (Ёддоштхо») и развил в других произведениях. Поэтому тему отражения художественного образа С.Айни прежде всего следует искать в его творчестве (Полн. собр.соч., т. VI, части 1 и 2 на таджикском языке).

Целый ряд воспитанников устада С.Айни, среди которых следует упомянуть имена Р.Хашима, С.Улуг-зода, Дж.Икромии, М.Турсун-заде, М.Миршакара, Б.Рахим-заде, А.Дехоти, Ф.Ниёзи, в своих художественных произведениях раскрывали отдельные обстоятельства жизни и художественной мысли своего учителя. Писатели в основном затрагивали две грани личности устада С.Айни: сперва они к писателю подходили с позиций помпезной песни «Марш свободы», повести «Одина» и антологии «Образцы таджикской литературы». Затем эти молодые литераторы вместе с учителем принимали участие в процессах по совершенствованию литературы. В этот период они вместе с устодом заседали на собраниях Союза писателей, научных и творческих конференциях, вместе с ним совершали творческие поездки и путешествия, участвовали на официальных собраниях и личных встречах. Тесное общение давало им возможность лучшего узнать личности С.Айни. Так, в очерке С.Улуг-зода «Путешествие в Бухару в обществе С.Айни», его же автобиографической повести «Заря нашей молодости», поэме Мирзо Турсун-заде «Вечный свет», «Мой учитель, моя школа и я сам» Дж.Икромии, «Воспоминание милого друга» М. Миршакара, «В творческой мастерской С. Айни» литературоведа Рахима Хашима, «Страницы из воспоминаний об устоде» Ф. Ниязи, «Воспоминания» П. Толиса, «Саади современности» Б. Рахим-заде, «Воспоминания» М. Амин-заде, «Путешествие с устодом С.Айни» Г.Абдулло и многие другие

сочинения писателей поколений 30-50-х годов посвящены личности и гению С.Айни. Поэтому, вышли в свет сотни статей и посвящений ученых и литераторов, среди которых прежде всего следует упомянуть имена С.Табарова, Т.Зехни, И.Брагинского, К.Айни, М.Бехбуди, Е.Павловского, П.Лукницкого, Р.Ходи-заде, А.Дехоти, В.Смирновой, Х.Мансурова, Б.Ниязмухаммедова, У.Гаффорова, опубликованные в памятные даты, которые во многом способствуют более детальному познанию феномена С.Айни.

В прозаической литературе 70-80-х годов появились роман Ю.Акобирова «Человек жив надеждой», повесть У. Кухзода «Один очень длинный день», а также книга Р.Фиша и Рахима Хашима «По велению совести», тоже направленные на раскрытие художественного облика С.Айни.

Следует отметить, что попытки распознавания личности С.Айни берут начало в 30-х годах прошлого века. Первая исследовательская статья по этой теме принадлежит перу Н.Бектоша, которая сначала была опубликована (в газете «Тохикистони сурх», 3,6 августа - № № 170, 172, 1931г.) под названием «Садриддин Айни в революционной таджикской литературе», а затем дополнил и расширил ее до объема небольшой книжки, которую назвал «Садриддин Айни и его творчество».

Сразу после выхода книги Н.Бектоша С.Айни выступил со статьями «Пояснение» и «Мой ответ», в которых, по определению литературоведа и критика С.Табарова, поставил целый ряд вопросов литературного и эстетического порядка. Взвесив некоторые положения автора книжки относительно своей творческой лаборатории, С.Айни дал ясный ответ, особенно в отношении своего творческого метода при создании повести «Одина» и романа «Дохунда».

Впоследствии в литературоведении появились научные изыскания более высокого уровня, в которых обстоятельно рассматривались история жизни С. Айни и многогранное художественное творчество, а также научная и научно-

популярная деятельность. В числе авторов работ на указанные темы следует отметить, в частности, имена М. Шукурова, И. Брагинского, А. Сайфуллаева, С. Табарова, Х. Атахоновой, З. Османовой, Р. Ходи-заде, Х. Шарипова, А. Маниязова, Х. Асозода, А. Кучарова, Ш. Рахмонова, А. Махмадаминова, М. Имомова и др. (см.: список использованной литературы).

Особенно конкретными, достоверными мыслями и соображениями о мемуарных публикациях литераторов 30-50-х годов насыщены книги М. Шукурова «Садриддин Айни», А. Сайфуллаева «Школа Айни», диссертация Х. Асозода «Устод Айни в восприятии С. Улуг-зода». Заслуживают упоминания также книги и статьи, в которых речь идет о художественном восприятии облика С. Айни в документальной прозе таджикских писателей (25, 26, 27). Но литература, исследуемая в нашей диссертационной работе, за исключением отдельных упоминаний, остается за рамками внимания литературоведов.

Кроме того, много ученых в своих исследованиях рассматривали различные стороны личности и творчества С. Айни, особенно после приобретения независимости Таджикистана. Поэтому мы, чтобы не повторять исследования наших предшественников, ограничились мемуарами и воспоминаниями учеников С. Айни, С. Улуг-зода, Дж. Икроми, М. Турсунзаде, М. Миршакара, Б. Рахим-заде, Ф. Ниязи, А. Дехоти, П. Толиса и других, хотя в нашем распоряжении имеется обширный материал по этой теме. Кроме того, объектом наших исследований становятся повесть «Один очень длинный день» У. Кухзода, роман «Надеждою жив человек» Ю. Акобирова и «По велению совести» Р. Фиша и Рахима Хашима, а также драматические произведения Г. Абдулло, А. Дехоти и других писателей.

Следует подчеркнуть, что литература такого рода в минувшем столетии в определенной степени приобрела литературоведческое и публицистическое значение. В этом убеждают нас и вышедшие в свет, в последнее время, книги, которые делают эту форму познания своеобразным

литературоведческим методом. Романы «Звезда во мраке» и «Падают не звезды» Р. Ходи-заде, «Фирдоуси» С. Улугзода, «Раненый орел» Ш. Ханифа, «Тропа судьбы» А.Сидки, как образцы этого художественного жанра, посвящены перипетиям творческой жизни Фирдоуси, Ахмада Дониша, Х. Юсуфи и другим мастерам слова. И отрадно, что молодой исследователь А. Муллоев проявил инициативу в изучении этого жанра и даже выпустил монографию на эту тему (88). Поэтому, думается, филологическое, особенно литературоведческое исследование тематики, будет продолжаться и совершенствоваться.

В заключении, следует заметить, что в представляемой диссертационной работе впервые в литературоведческой науке Таджикистана собраны, классифицированы и подвергнуты филологическому исследованию литературные, научные и исторические материалы по современному таджикскому литературному языку, мемуарному представлению творческой личности С. Айни. Заключение по проделанной работе дает основание констатировать, что интересы таджикского айниведения требуют дальнейшего продолжения и совершенствования предпринятого нами направления. Мы вынуждены не включить в перечень литературы своего исследования сотни публикаций различного характера, посвященных жизни и творчеству С. Айни, ограничившись литературой лишь строго по теме диссертации.

Актуальность темы исследования. С приобретением страной независимости быстро начало меняться и общественное сознание. Возникла острая необходимость в пробуждении и формировании свободного от навязанных системой чуждых теорий национального самосознания. Этому весьма существенно способствовало независимое от множества препятствий и ограничений, установленных господствовавшей политической системой коммунистического строя, объективное отношение к великому историческому прошлому, великим культурным и интеллектуальным

достижениям таджиков. Значение свободной мысли, высокого самосознания в тысячелетней новой таджикской культуре воспето высокой поэзией и глубокой прозой, в философских и этических построениях великих мастеров слова и высокоумных мыслителей. Устод С. Айни жил на стыке между прошлым и новой жизнью, начавшейся социально-политическими бурями, принесшими ему много горя и лишений. С. Айни был живым свидетелем несправедливой к таджикскому народу истории с разноликими завоевателями и угнетателями. В дальнейшем он по мере возможности в своих произведениях рассказал для современников и грядущих поколений соотечественников грустную историю неволи и угнетения минувших поколений, пробуждая их сознание к восприятию истинной истории, к готовности быть сознательными хозяевами своей жизни. Поэтому все большие и малые произведения писателя являются носителями определенного социально-политического содержания, вызывающие у читателя зов к борьбе за свое достоинство и честь.

Обращение к личности С.Айни и его творчеству не ограничено пределами 30-х годов, в работе, по необходимости, допускаются и исключения, заглядывать за пределы рассматриваемого периода, мы сочли необходимым в интересах исследования.

Научные и художественные произведения С.Айни в разное время стали объектом изучения Н. Бектоша, Е. Бертельса, И.Брагинского, М.Шакури, С.Табарова, А.Сайфуллаева, Иржи Бечки, Ю.Бобоева, Х.Асозода, Ш.Рахмонова, А.Кучарова, А.Махмадаминова и многих других исследователей и в этом процессе освещены многие вопросы, связанные с ними. Как научная, так и художественная тематика творчества С.Айни и в национальном, и в интернациональном отношениях всегда были ориентированы на самый высокий уровень самосознания и интеллектуализма. Исходя из этого, в наши дни, когда брожение умов в мире ислама, в нашей собственной стране достигло критического состояния, наука

не имеет права не воспользоваться трудами одного из виднейших умов своего времени, в этом регионе, где на той же почве полыхает жестокая война, на той же почве более многочисленные палачи, чем те, которые изображал С. Айни в своих «Бухарских палачах», где альтернативное, светское мышление находится в вопиющем гонении. Опыт жизни С. Айни в сочетании духовного и светского образов мышления, которыми он пользовался всю жизнь, должен служить человечеству и сегодня.

Цель и задачи исследования. Исходя из изложенного, перед нашим исследованием поставлена цель, проследить проделанный С. Айни путь в его публицистических и художественных произведениях в 30-х годах прошлого столетия. В этой связи определены и задачи исследования, которые таковы:

- по публицистическим и художественным произведениям С. Айни обрисовать социально–политическую обстановку, в которой протекали жизненные процессы, современные автору;

- публицистическую, художественно–литературную и языковедческую тематику творчества С. Айни рассмотреть в научном ракурсе;

- подвергнуть исследованию литературные заметки и некоторые произведения С. Айни, которые оставались неисследованными;

- рассмотреть историко-социальную и языковедческую тематику его трудов и обстоятельнее рассмотреть соответствующие произведения писателя.

Теоретические и методологические основы исследования. Диссертант в процессе исследования опирался на теории, основанные на сравнительно-исторические принципы подхода к культурно-художественным и научным явлениям. В осуществлении исследования учтен опыт исследований ведущих отечественных и зарубежных литературоведов и иранистов, в числе которых особого упоминания заслуживают И. Брагинский, Н. Масуми, М. Шакури, С. Табаров, И. Бечка, А. Махмадаминов, А. Сайфуллаев. Основы методологии исследования составляют также и

явления литературы XX века, внешний облик художника, вопросы личности и творческой лаборатории С. Айни. Диссертация впервые написана на взаимосвязи проблем языка, литературы и истории. Научные выводы исследования в меру своей значимости обогатят национальную науку.

Степень разработанности проблемы.

Во-первых, темы и содержание произведений Айни тесно связаны друг с другом, поэтому в процессе исследования приходилось охватывать всю деятельность литератора и учёного. Хотя мы старались не выходить за пределы своих задач, но приходилось принимать во внимание взгляды и рассуждения других исследователей по соответствующей тематике.

В ходе исследования мы также переработали современную методологию обработки тем, практически вышедших за рамки научного использования.

В научном обиходе исследователи чаще всего прибегали к тематическому упрощению задач, но мы избрали иной метод, объединив круг филологических, исторических, социальных тем, в частности, в процессе исследования охватили творческие, исторические и языковедческие проблемы, раскрыли обобщённый социально-творческий, интеллектуальный портрет С. Айни. С этой точки зрения мы постарались взглянуть на творчество С. Айни и его личность новым взглядом.

Учениками и друзьями С. Айни написано много путевых заметок, воспоминаний и стихов о нём. В процессе исследования мы широко воспользовались и такого рода источниками.

Происходившие в тридцатые годы дискуссии вокруг литературного языка и тенденций нового времени и алфавита, и по сей день остаются в достаточной мере неизученными. По этому вопросу мы рассмотрели проблему состояния словарного строя и качественного своеобразия языка в историческом разрезе.

Нами предпринята попытка по возможности проследить нелегкую борьбу. С Айни за решение важнейших научных, литературных и культурных вопросов до октябрьской русской революции и после неё.

Главная острая борьба С Айни за решение сложнейших задач происходила в острых интеллектуальных столкновениях в обстановке цинизма и откровенного пантюркизма, когда всевозможными способами препятствовали осуществлению культурно-исторических доказательств существования таджикского народа, на которые они не имели веских доказательств.

Некоторые актуальные мысли, высказанные С.Айни в своих художественных произведениях, литературно-критических разнохарактерных работах, научных трудах, культурологической публицистике о языке в историческом процессе, мы извлекли непосредственно из этой литературы.

Творчество С.Айни и его деятельность изучалось и изучается, исследуется столетиями. Многие литературоведы отечественные и зарубежные, такие как: С. Табаров, М. Шакури, И.С. Брагинский, Ю.И. Бобоев, И. Бечка, З. Османова, А. Сайфуллоев, А. Махмадаминов, А. Кучаров, Ш. Рахмонов, Х. Асозода, К. Айни и многие другие ученые посвятили свои труды и исследование творчеству адиба, мы рассматривали эти взгляды с критической точки зрения.

Некоторые из них написанные в художественном, научно-публицистическом историческом стиле, но эти произведения были написаны в разное время и поэтому они находятся в исследовании до сих пор имеют и охватывает социально-политические взгляды.

Мы, теперь в новое время, во время национального самосознания и независимости Республики Таджикистан и новое направление, социально-политически, новые стратегии развития науки на мировом уровне пришли к выводу, что те произведения С. Айни, которые были написаны в период

постсоветского периода, рассматриваем с критической точки зрения. И поэтому творчество литератора, мастера слова, его художественный мир, научно-исторически, языковедческий, филологические взгляды анализируются и исследуются нами, хотя они написаны в разное время, имеют огромное влияние на развитие таджикской культуры, этноса и его менталитета.

Именно поэтому нашему исследованию предстоит отличающимся в кругу других его тем.

Научная новизна. Научные принципы, на которые мы разработали проблему, отличается своей современностью, исходящей от возможностей и обеспечивает исследование новизны, принципиально оригинально. Участие других исследователей не исключается в отдельных деталях темы, но трактовки могут при этом развиваться. В отдельных эпизодах присутствуют мнения и высказывания и других ученых, без которых мы бы не обошлись. Такие детали нами обобщены для решения главных вопросов.

Теоретическое и практическое значение исследования. Опыт истории убедительно показывает, что незнание своей истории наказывает человека, в целом, невежеством, человечество обрастает мифами, сказками и легендами, которые не имеют реальной почвы. И мы сегодня, например, с ликованием бросаемся на клочки исторических, археологических свидетельств о своей прошлой действительности. Поэтому все, что делается сегодня для сохранения значительных явлений и событий действительности, обогащает наше интеллектуальное будущее. С. Айни как личность, литературовед, ученый и писатель является одной из насыщенных страниц истории не только таджиков. Это обстоятельство обязывает нас собрать, анализировать все возможные факты жизни и творчества С. Айни, не дать им мифологизироваться времени в угоду. Собранные и тщательно исследованные нами творческие факты ложатся в фундамент будущих теоретических построений истории культуры, литературы. Материалы

нашего исследования и сделанные на их основе обобщения могут быть использованы при создании научной истории таджикской литературы, учебных курсов и пособий, в учебных процессах, быть использованы для написания научно-популярных книг.

Источники исследования. Для проведения исследования диссертант главным образом пользовался «Полным собранием сочинений» С. Айни в 15-и томах, двухтомным «Избранным сочинениям» писателя, также историческими работами и еще не включенными в серийных изданий творчества устода. К этому следует добавить материалы периодических изданий с разнообразными формами выражений мыслей, высказываний, выступлений С. Айни и других ученых и литераторов о нем.

Апробация исследования. Диссертация обсуждена на заседании отдела новой и новейшей литературы Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия имени Рудаки Академии наук Республики Таджикистан и рекомендована к защите (20 мая 2021 года).

Глава 1. ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО С. АЙНИ И ЕГО ИСТОКИ

1.1. Путь С. Айни от публицистики к художественной литературе.

Начало современной или же новейшей таджикской литературы, хронологически совпадает с двадцатыми годами минувшего столетия, хотя официальное литературоведение придерживается незыблемого утверждения, что она является порождением «Великой Октябрьской революции». Очевидность этого анахронизма, тем не менее, отрицается отсутствием каких-либо литературных очагов и процессов в среде обитания таджиков, тесно связанной с родиной «Великого Октября». «Русский Туркестан» к тому времени был достаточно отдален от Бухарского эмирата, где сосредоточились остатки таджикского этноса. До 1917-го революционного года Бухара, волочившая урезанную Российской империей независимость, все же жила своей внутренней жизнью, жизнью, все еще сохранившей свою многовековую архаику, но этническую. Великий город Бухара, в котором военную власть держали в своих руках потомки тюркских кочевников, все еще оставался центром таджикской культуры. С этим городом была тесно связана и начальная часть жизни Садриддина Айни, общепризнанного зачинателя современного этапа функционирования 1200-летней новотаджикской литературы. Однако фальсификация как в науке, так и в истории, временна. За годы существования созданного большевиками Советского Союза было допущено столько искажений действительных событий и фальсификации истории, сколько это было необходимо для того времени. Так, упомянутое утверждение, что новотаджикская литература является порождением Октябрьской революции, при внимательном рассмотрении раскрывает свою «синтетическую» природу.

Дело в том, что в большевистской исторической концепции значение октябрьского переворота чрезмерно раздувается и вся история российского революционного движения сводится к октябрьскому вооруженному восстанию. При такой интерпретации русской революции ее роль в зарождении таджикской литературы новейшего периода кажется сомнительной. Эта же революционная концепция навязывает истории миф о «Бухарской революции» по рецепту большевистских революций.

Конечно, перед нами не стоит задача отрицать какое-то влияние внешних революционных явлений на творческие судьбы С. Айни. Но утверждения типа «в полной мере деятельность С. Айни развернулась лишь под могучим влиянием первой русской революции 1905 года» (57, 414), представляются нам чрезмерно эмоциональными и категоричными. Такие утверждения как-то не вяжутся с данными социальной обстановки Бухары еще конца второго десятилетия XX века. Но в корне надуманная советская историографическая концепция в сознании ряда поколений укоренилась в той же первоизданной большевистской «редакции». Эта историческая концепция все еще продолжает сохранять свою «актуальность» в таджикском литературоведении, являющемся, в чем нельзя ничуть не сомневаться, «детищем Великой Октябрьской социалистической революции». Именно эта литературоведческая концепция с самого начала нас убеждала в том, что «таджикская советская литература зародилась в условиях героической борьбы за Великую Октябрьскую социалистическую революцию на территории бывших далеких окраин царской империи – Туркестана и Бухары» (107, 28).

Банальность таких утверждений, который и по сей день не изжит в таджикском литературоведении, конечно, не входит в задачи нашего исследования. Тем не менее, мы придерживаемся мнения, что наше литературоведение очень медленно входит в русло исключительно научной методологии, чему все еще мешают классовые социальные теории и

партийные концепции художественно–эстетических воззрений. Но лживая историография в горячие революционные головы породила и иллюзорную литературоведческую концепцию, дающую знать о себе в вышеизложенной цитате. Эта цитата, «оформленная» воображением И.С. Брагинского и А.С. Эдельмана, предшествует интерпретации «Бухарской революции» в литературоведческой работе авторов, которая звучит так: «Борьба народа за Советскую власть в Туркестанской республике не могла не разбудить революционного движения и среди трудящихся Бухарского ханства. С августа 1920 г. революционные отряды местных рабочих и крестьян, поддержанные Красной Армией, выступили с оружием в руках на решительный штурм Бухарского эмирата. В сентябре 1920 г. в результате народной революции в Бухаре был свергнут эмир и создана Бухарская Народная Советская Республика» (107,28). Этот ложно интерпретированный эпизод истории Бухары, конечно, можно было бы оспорить, но в истории большевистской власти им нет числа, поэтому требуется много места и времени для их освещения. Все же, следует заметить, никакие отряды «местных рабочих и крестьян» красных не встречали, ибо их не было совершенно. Войска М. Фрунзе не дождались своих немногочисленных сообщников из числа младобухарцев, предводителем которых был сын миллионера Файзулло Ходжаева, как было замечено выше.

Оставляя, пока, в сторону «могучее влияние» на деятельность С. Айни, мы не можем говорить о какой-то заметной революционной вехе в творчестве наиболее яркого зачинателя современной таджикской литературы в период постоктябрьской революции, а о литературе нового типа, считаем, следует задуматься. По этому поводу еще раз обратимся к упомянутой выше книге академика М. Шакури: «Из книги Айни «История Бухарской революции» и других его работ, очевидно, что волнения, имевшие место в Бухаре начала двадцатого века, особенно во втором его десятилетии, имели просветительскую подоплеку. Бухарские джадиды, которые именовали себя

младобухарцами, прогрессивистами и реформистами, ... главным образом носились с просветительскими идеями, открывали школы нового типа, разворачивая работы по увеличению их количества, наладили выпуск газет – «Бухорои Шариф» (1912), «Туран» (1912) и т.п., подготавливали процессы социально–политических реформ» (167, 16). Ученый убежден в том, что просветители Бухары придерживались монархистских взглядов и подавляющее большинство из них свои чаяния связывали с реформистской волей правящей династии. Культурно–просветительские реформы в их социальной концепции выступали высочайшим мирным прогрессом. Поэтому ожидать в социально–политических тенденциях, протекавших в Бухаре, развития, ведущего к большевистской революции, было бы напрасно. Поэтому С. Айни в книге «История Бухарской революции» излагает историю таджикского просветительского движения в пределах Бухары, а не историю большевистской революции. В 1917 – 1920 гг. на территории Бухары народ был далек от идей социальной революции, тем более в ее большевистском подношении. Таков вывод С.Айни.

Вышеизложенное уже дает основание констатировать, что до событий 1918г., происходивших в Бухарском эмирате, С. Айни не имел никакого систематического соприкосновения ни с русским революционным движением, ни с теорией и практикой большевистской пролетарской революции. Но как житель Бухары С. Айни никак не мог быть в неведении о грандиозных событиях, которые происходили рядом с ним – в русском Туркестане и в самой России. Конечно, добросовестный анализ всей литературной, научной и иных информозных форм деятельности С.Айни может дать более обоснованный ответ на сущность его познаний в сущности самой русской революции и ее места в мировоззрении писателя и личности. Но в общих чертах мы и сейчас знаем, что он с радостью воспринимал весть о всех трех русских революциях – 1905, февраля 1917 и октября 1917 (167, 59). И естественно, потому что его с недавними кочевниками ничего не

связывало, а в апреле 1917 года палачи эмира нанесли ему 75 ударов палкой за его просветительские настроения, а год спустя казнили его младшего брата. Можно сказать, стечение обстоятельств толкнули его в стихию, вихри, которые были ему чужды. Оскорбленное невежеством, мракобесием, жестокостью чувство человеческого достоинства, банальнейшее беззаконие не могли оставить места для примирения в сознании уже видного просветителя С. Айни с существующей действительностью.

Нам кажется, что без глубокого проникновения в состояние духа и деятельности самого яркого просветителя, культурного борца конца XIX века Ахмада Дониша, так и до конца, не примирившегося с правлением невежественных кочевых орд, этого средневекового анахронизма, трудно понять и сущность С. Айни, который потом часто обращался к светлому образу своего предшественника.

Ахмад Дониш очень саркастически воспринимал и гротескно описывал «узбекских» правителей. Так, например, он изображает эмира Музаффера, который предпринимает хвастливый поход против русских войск, вторгшихся в Среднюю Азию, и почти без боя потерпевшего поражение и в панике бежавшего: «В этом бегстве эмир не нашел времени опорожниться, омочившись в седле в штаны, и испачкавший их» (73, 42). Военная каста тюркских пришельцев, особенно узбекских племен, с конца XVI века правившая в Средней Азии, совершенно не имела понятия об историческом прогрессе. Эту истину Ахмад Дониш ярко демонстрирует в столкновении многотысячного узбекского войска с экспедиционным отрядом в 1500 или 2000 русских бойцов при Диззахе: «Когда крышка узбаков была приподнята, ... Россия поняла их истинное состояние и в тот же час напала на Диззах... В течение получаса, пробив брешь в крепостные стены, около ста русских солдат ворвались в крепость и, перестреляв из ружьев все живое на своем пути, ... гнали всех «воителей» к городским воротам, которые те сами изнутри засыпали землей. «Воители» же, согнувшись, как горбатые,

прятались друг за другом, опустив головы к задницам, дабы спастись от клинков врагов. За каждыми двумя–тремя тысячами ракоподобно вставших «воителей» по три–четыре русских солдата открывал огонь из ружьев по этим задницам. Каждая пуля солдат пробивала задницы шестерым «воителям» и остывала в седьмой заднице. Целыми стадами они валялись в пыли и не осмеливались оглянуться назад, думая, что за ними гоняется многотысячное русское войско и, испачканные в нечистотах, отправлялись в ад, отовсюду слыша громкие восклицания: «О неверные, убивайте этих поганых!» (67, 44-46). Этот этнический антагонизм затем проявил себя в годы революции и национального размежевания, когда С. Айни был самой активной фигурой таджикской культуры в Средней Азии.

Важно помнить, что истерзанную палками эмирских палачей спину же писателя вылечили в каганском госпитале русские врачи. Тем не менее, С. Айни подчеркивал, что жители Бухары не были готовы к восприятию даже просветительских реформ. Что собой представляет революция, нам кажется, глубоко не представлял и С. Айни, но после расправы над ним и казни его брата другого выхода у него не было. Айни на время пристал к революционным силам, по выражению М.Шакури, «в нем взял верх революционный дух». Тем не менее, даже стихотворение «Марш свободы», которое в таджикском советском литературоведении считается началом революционной литературы, не дает основание принять С.Айни за выраженного революционного поэта.

Коварная «бухарская революция», «под вывеской» которой М. Фрунзе вскоре после «Марша свободы» совершил большевистскую экспансию Бухары, жестокий разгром древнего очага таджикской культуры, бесчинства и грабежи революционных мародеров в городе и окрестностях и многое другое не могли убедить С. Айни в том, что новые грозные завоеватели ничем не лучше кочевых орд из кипчакских степей. В пользу нашей концепции говорит также и более сдержанное отношение С.Айни с бывшими

единомышленниками – младобухарцами (в частности – Мунзимом и Ф. Ходжаевым) (167, 58), напрасная борьба целого ряда, еще верящих в искренность большевистских демагогов, громогласно распространившихся о якобы справедливости социально активных личностей и т.п. Но как тысячи и миллионы других людей – подданных большевистской империи, был лишен права на личную волю и он. Революция, которую в своей странно разнящейся с действительностью пропаганде большевики преподносили С.Айни и ему подобным, очень скоро развеяла надежды, которые поэт восторженно преподнес миру в своем стихотворении «Марш свободы»:

О, рабы! Подымайтесь из праха,
 Красным знаменем мир озаряя!
 Сбросьте его покорства и страха –
 Засияла свободы заря.
 Мы рассеем унынье и горе,
 Мы неправду развеем, как дым.
 Во всемирном безмерном просторе
 Справедливость навек утвердим.
 Отныне свобода свободна от пут.
 Отмщенье царям и эмирам!
 Отныне да властвует миром
 Лишь труд! Свободный труд! (26).

«История интеллектуальной революции в Бухаре» со всей очевидностью показывает, что С. Айни даже в феврале 1918 года, когда завершал эту книгу, еще толком не знал различие между революциями в феврале и октябре. Он пишет: «В начале марта 1917, соответственно концу джумадулаввал 1335 хиджри, в стране Россия свершилась известная Великая революция: жители Петрограда и солдаты свергли самодержавные власти России, начиная с императора Николая и кончая его министрами, посадив их в прах унижения.

Правление страной перешло в руки представителей прогресса и свободы» (27, 156).

Как человек прогрессивных воззрений, С.Айни и после февральской буржуазной революции не менял свою позицию сторонника лишь культурно-просветительской революции. «Моя позиция по вопросу о социально-политической революции, - писал он, - заключалась в эволюционирующим правлении и социуме. Без прогресса подданных просвещения общественной мысли, он считал, немислимой какой-бы то ни было революции. Да! Я был убежден, что, если правительство решит взяться за преобразования решительно и с душою, то сделает это, покончит с беззаконием и пороками в невежественной среде силовыми средствами, может быть, сделаети это» (27, 158).

Но С. Айни не видел не только правительства с таким потенциалом, он не видел и общества, готового признать свои социально-политические, гражданские права. Такого общественного сознания в Бухаре вне пределов религиозных догм не было, не было и политической организации, способной вести за собой массы. Исходя из всего этого, «я держался мнения, пишет С. Айни, что сначала необходимо просвещение сознания и распространение знаний, а потом уже преобразования, которые могут произойти сами по себе, или под воздействием общественного сознания. В общем, когда появится знание, тебе подскажет: «Делай!» (27, 160). Взгляды С.Айни были известны среди младобухарцев, которые считали его консерватором и, даже, контрреволюционером. С.Айни был убежден, что совершать социальную революцию в стране с непросвещенным населением опасно и вредно, ибо, бравшись за непосильные дела, когда-нибудь придется обратиться за помощью к иноземцам, которые никак не могут не предпочесть свои собственные интересы перед чужими. «Поэтому, покорный слуга,- пишет далее он,- считает, что истинный патриотизм заключается в том, что будет

лучше не браться за непосильные дела, а просвещать мысль, чтобы население накопило знания и готовилось к свершению дел» (27, 165-166).

Для того, чтобы демифологизировать историю «Бухарской революции», понадобился крах самих мифотворцев. Лишь с крахом большевистской империи стало возможным свободно излагать не только социально–политические мысли и культурные концепции современности, но и научно интерпретировать многие исторические процессы и события многовековой давности. Лишь поэтому стало возможным без страха взглянуть на события, происходившие в Бухарском эмирате в 1918 – 1920 годах. Этому особенно способствовало появление книги известного литературоведа Мухаммаджона Шакури Бухорои «Провоцирование революции в Бухаре» (167). События, описанные в этой книге, теснейшим образом касаются той обстановки, в которой протекали многие жизненные процессы последующей истории таджикского народа, в частности, жизни и деятельности С. Айни. По рассказу автора, в 1990 г. отмечалась годовщина Бухарской революции. По этому случаю в журнале «Садои Шарк» (№9) вышла статья сына ученого, тоже известного ученого Рустама Шукурова, которая не была единственной публикацией такого рода. Р. Шукуров в своей статье на основе сообщений очевидцев, в числе которых были и советские летчики, которые, кстати, хвалились своими «подвигами», как четыре дня подряд одиннадцать аэропланов Красной Армии бомбили «революционную» Бухару. «Подвиги» большевистских авиаторов нашли отражение и в русской печати тех дней. Тем не менее, ни население Бухары, ни какие-то революционные течения навстречу войскам красного полководца М.Фрунзе так и не вышли. Древний город таджиков, столица Саманидов с уникальными культурными памятниками был разрушен и разграблен революционными войсками большевиков. Мы, кстати, поэтому поводу можем обратиться к статье московского историка Александра Крушельницкого, опубликованной в упомянутом номере «Садои Шарк», а немногим раньше в журнале «Родина»

(311). Русский историк написал свою статью по архивным материалам, которые не оставляют и тени сомнения в достоверности сообщений историков о преступлениях большевистской верхушки и исполнителей ее воли.

О победе февральской буржуазной революции в России в информационно изолированной Бухаре люди узнавали главным образом по радостным ликованиям «российских подданных». В Кагане же мусульмане, русские и евреи устроили митинг с торжественными речами. Революция в России, «под защитой» которой находилась Бухара, вынудила эмира и правительство Бухары искать выход из опасной ситуации. Было ясно, что революция, если протянет щупальцы в сторону Бухары, то проглотит ее целиком. Эмир и кушбеги Насруллах в принципе изъявили согласие на реформы. Шли переговоры с дипломатами России Шульгой, Миллером и Введенским. Идею о реформах категорически отвергали Мирза Низамиддин-ходжа Урганджи и главный судья Мир Бурханиддин. Чтобы устранить это препятствие на пути задуманных реформ, Мир Бурханиддин был заменен Мирза Мухаммад-Шарифом, а кази Абдуссамад назначен председателем (райисом) Бухары.

Очень скоро выяснилось и стало очевидным, что «революционная Россия» вовсе не собирается отпускать Бухару на волю. Посольство России дало знать эмиру, чтобы он консервировал идею о реформах. С. Айни в «Истории интеллектуальной революции в Бухаре» в личной беседе с одним из друзей ведет речь по этому поводу. Друг его говорит: «Реформы в Бухаре ограничиваются тем, что сменили казия и райиса, далее ничего не ожидается». На это С. Айни отвечает: «Правду говоря, реформы в Бухаре в данных условиях я считаю невозможными. Поэтому, во избежание расставленных ловушек в виде посольских хитросплетений с участием кушбеги следует отказаться от этих бесполезных, даже, можно сказать мыслей вредных. Дело, собственно в том, что у правителей Бухары стало

обычным делом своих предприятиям пускать в дело какое-нибудь подставное лицо. Когда же они достигают своей цели, последствия сваливают на этого же подставное лицо ...» (27, 178). Эти слова писателя оказались пророческими. Ведь С. Айни был убежден, что бухарская реакция готовится к провокационным выступлениям, поэтому настоятельно предостерегал прогрессивистов от «благодарственной» демонстрации по случаю объявления эмирских реформ. Но прогрессивисты все-таки свои выступления устроили, что послужило на руку реакционерам. Выступления реакции, как всегда, возглавляли муллы.

Чтобы достоверно выявились степень, роль, причем, осознанных, преднамеренных, стихийных участиях разнородных элементов в событиях тех дней, необходимо самым серьезным образом исследовать обстоятельства реакционного бунта апреля 1917 года. Истина должна быть обоснована на сохранившихся материалах русского посольства, всевозможных архивов, свидетельствах, воспоминаниях участников событий. Это весьма важно в назидание живых и грядущих поколений, ибо провокации, которые были пущены в ход реакционными улемами, государственными структурами и русским посольством, по своей гнусности, бесчеловечности, дикости не уместаются ни в какое здравое воображение. Люди, которые десятилетиями вещают от имени Бога, сплошь и рядом показывают свое лицо без маски и проявляют себя самыми банальными лицемерами, которые не ставят ни во что основы той веры, которую проповедовали, выставя себя самыми банальными лгунами. И эти лжецы направляют гнев истеричной толпы в угоду личным амбициям, глушат голос разума, совести, справедливости, человечности ревом суеверной массы, терзающей истинно верящих в святость оскорбляемых законов Бога.

С. Айни не был единственным из тех преданных мулл, которые всячески отговаривали активных просветителей Бухары, на которых без малейшего повода, обрушился гнев, и толпы, и правителей. С. Айни и ему подобные

были избраны теми подставными лицами, о которых было отмечено выше. Эту расправу над просветителями С.Айни изображает на собственном опыте, дополняя его сведениями из других источников.

Когда читаешь строго освидетельственное документированное изложение деталей целого события, раскрывающее души, мысли, изображающие поступки людей, которые тебя окружают, когда эти люди выступают на жизненной сцене с совершенно иными лицами, в которых узнаются персонажи мифологии, сказок, легенд, способных принять всякий угодный им внешний облик. Таких «лицедеев» не смущает почитание Деви Друдж (Демона Лжи), в капище зороастрийцев, а в мусульманской мечети – поклонению Сатане.

Накануне бунта духовенства и толпы С.Айни убеждал друзей не выходить вообще на улицу, а утром люди кушбеги сломали двери его кельи и под градом ударов и совершенно не заслуженных оскорблений потащили на суд равнодушных ко всем человеческим достоинствам и порокам. Чуть позже, после всевозможных революций, такое явление стало обыденным делом, но тогда С. Айни такое испытывал впервые и надеялся рассеять недоразумение, в которое он угодил. Но лжесвидетелей, которые этого мударриса «видели при совершении преступных замыслов», можно было не искать. Этого известного в Бухаре муллу приспешники кушбеги беспощадно били за то, что его кровь испачкала их одежды. Этот стихотворец, который жил поэтической жизнью, жизнью отшельника, готов был скорее расстаться с жизнью, чем терпеть неслыханные унижения. Кушбеги, который ему казался цивилизованным человеком, в сущности, показал себя не лучше своих невежественных приспешников. С.Айни этим бездушным чиновником был приговорен к смерти, назначив 75 ударов палкой, полагая, что он не выдержит такое истязание. Но С.Айни выдержал эти жестокие удары, выдержал и превратился в непримиримого врага этого жестокого, лживого мира.

Правительство новым райисом назначило Мусаннифа. Был избит и оскорблен на глазах у кушбеги Насруллаха главный судья Мирза Мухаммад-Шариф. Разгул реакции, поддержанный правительством, достиг неслыханной дикости. Бежавшие в Каган прогрессивисты настояли на вмешательство Посольства России. Русские революционеры ускорили это вмешательство. Отряд русских казаков предотвратил опасения обреченных, переправленных затем в Каган.

1. 2. Становление и развитие творчества Садриддин Айни как писателя нового художественного направления

С. Айни, человек, всю сознательную часть своей жизни отдавший просветлению человеческого духа, пробуждению действенного интеллекта, и в постреволюционной своей деятельности шел по этому пути: он по-прежнему продолжал служить своему народу. Начавший свою литературную деятельность на поприще поэзии, не стал профессиональным поэтом, как им в свое время не стали многие деятели таджикской науки и культуры, которые изредка обращались к поэзии, чтобы «разгрузиться» от бремени интеллектуальных противоречий более аналогичным и безответственным эмоциональным самовыражением. В таджикском литературоведении хорошо известно, что С. Айни был деятелем мыслительной схоластики, чем изящней поэзии, но с появлением средств массовой информации, школьных учебников и т.д., поэтическое слово он использовал в целях просвещения. Однако уже начиная с 20-х годов он убеждается в нецелесообразности этого метода общения с окружающим миром и профессионально переходит на прозу. Да и впечатления от прожитой жизни у С.Айни были настолько

объемны, что ими можно было делиться более доходчиво лишь средствами прозаической речи.

С творчества С.Айни в прозе начинается новейший этап художественной прозы таджикской литературы, совпавший с 20-ми годами XX века. Но справедливости ради следует заметить, что «Книга путешествий» («Саёхатнома») Мирза Сираджа Хакима, вышедшая в печать в 1912 г. в Бухаре, вполне может быть признана первой повестью в новейшей прозе на таджикском языке в Средней Азии. Приключения доктора Сираджа, получившего современное образование, написано очень красочно и образно. Но «Книга путешествий» явилась единственным прозаическим произведением этого многогранно талантливого человека. В связи с его смертью в 1914 г., С.Айни с горечью написал элегию. Стихи Мирза Сираджа часто публиковались в журнале «Айна», а социальная публицистика в газетах «Бухараи шариф» и «Туран».

Таким образом, вопрос о форме творчества перед С. Айни уже в начале 20-х годов стоял довольно серьезно. К сожалению, следует констатировать, что этот важный вопрос в таджикском литературоведении кардинально не поставлен и не разрешен. Но новоперсидская литература (IX–XXвв.) в этом очень нуждается. Слабое, к сожалению, литературоведение, которое функционировало в Таджикистане в советское время, по многим причинам не могло и не смогло как следует познать сущность мощнейшей в мире тысячелетней литературы. Даже один из центральных вопросов – соотношение поэзии и прозы в персоязычной литературе – фактологически не разрешен. Именно этот момент и по сей день предстаёт препятствием в определении жанров прозаического творчества. Смытость граней видového и жанрового определения прозаического творчества, например, создает теоретическую неопределенность и прикладную нечеткость в дифференциации художественной прозы. По ходячим представлениям за художественную прозу именно по этой причине принимается лишь

беллетристическое творчество. На этой же почве возникают затруднения в некоторые моменты периодизации истории литературы и других вопросах. В качестве конкретного примера в этом отношении возьмем датировку творчества самого С. Айни. «История интеллектуальной революции в Бухаре» им была завершена фактически к концу 1917 года, а 17(4) февраля 1918 г. книга окончательно датирована как завершенное произведение, которое писатель замыслил как «первая часть» более обширного труда. Тем не менее, в официальном литературоведении С. Айни становится «яблоком раздора». Он и чужой, и свой для того общества, в котором он вынужден жить. Его делает «своим» «осознание принципа партийности литературы... с первых его выступлений, как советского писателя автора «современных книг» (107, 237).

Советское прозаическое произведение - «Бухарские палачи» - он пишет в ноябре 1920г. Но и первому «советскому» произведению С. Айни была уготована та же судьба, что и «Истории интеллектуальной революции в Бухаре»: рукопись произведения исчезла из «Госиздата» Бухарской Народной Советской Республики.

Кстати, хочется заметить, что оговорка по поводу «исчезновения» трудов наиболее выдающихся представителей таджикской культуры уже после победы большевистской революции интенсивно применялась как излюбленный прием панузбекствующих течений. Этому культурно-интеллектуальному геноциду особенно усиленно подвергались Хамза Хакимзаде Ниязи и С.Айни. С.Айни удалось отстоять свою этническую идентичность не только биологическими «аргументами», но и настойчивой интеллектуальной и культурной борьбой. Х. Х. Ниязи это не удалось: вся его поэзия на родном языке и другого рода творения исчезали бесследно, а ранняя физическая «аннигиляция» - казнь через «сангсор» (в 1929 г.) – лишила его возможности писать что-то на фарси, как это успешно делал более «закаленный» интеллектуально и эмоционально С. Айни, заслуживший

признание и любовь своего народа, невзирая ни на какие зигзаги и упущения, свойственные живой творческой личности. Узбекским же литературоведам предстоит еще долго искать какие-то зацепки для аргументации своей «генетической теории» тюркского происхождения Х.Х.Ниязи, как это делает, например, Ю.С.Султанов (127, 150-152). Но если первому крупному произведению С. Айни «Истории интеллектуальной революции в Бухаре», пришлось, по выражению К.С.Айни, сына писателя, подготовившего издание произведения, и пролежавшей семьдесят лет в темнице, то «Бухарским палачам» пришлось пролежать в темнице братьев по союзу всего лишь четырнадцать лет. В 1936 г. таджикский писатель получает возможность наслаждаться полным текстом повести на своем родном языке. По этой причине «Бухарские палачи» закономерно теряют право первого беллетристического произведения С.Айни.

В 1924 г. из-под пера С.Айни вышла повесть «Приключения одного бедного таджика (из воспоминаний об одном гнете)», которая начинает выходить в газете «Овози точик» («Голос таджика»), начавшей выходить в том же году. Впоследствии название повести было изменено на «Одина» - по имени главного героя произведения.

Здесь нам придется затронуть, именно, «затронуть», некоторые вопросы более глубинного значения, уже постановка которых придает смысл нашему исследованию. В этом отношении важно как можно раньше отказаться от сомнительных в применении по отношению к художественно-эстетическому творчеству концепции классовости и партийности, которых тянут за собой и научную мысль. Борьба человека за улучшение, исправление, совершенствование собственных недостатков в руках некоторых строптивых «отцов народов», амбициозных вождей, часто недоучившихся «мыслителей» становится почвой для углубления очаговых и глобальных заблуждений. Немало всякого рода явлений рассматриваются вне контекста развития глобальных или же региональных процессов. Творцы теорий и идейных

клише в таких случаях мало заботятся об обосновании собственных научных концепций, опираясь на сомнительные идеологические факторы.

В рассмотрении истории, культуры и литературы указанные проблемы возникают весьма часто. Это утверждение особенно актуально для возрождающейся концепции национальной культурно-социальной мысли таджикского общества. В историческом разрезе таджикскому обществу перво-наперво нужна смелость признать, то что одного активного века плодотворного правления Саманидов оказалось недостаточным для восстановления не очень устойчивой общеиранской идентичности; признать, что нынешнее таджикское общество с опорой на чужеродные идеологии и социально-культурные концепции имеет очень мало шансов на оригинальное будущее. Состояние общественного менталитета, в котором с трудом можно определить возможности, перспективы мифологически-догматического и интеллектуального методов исследования, которые редко когда сосуществуют бесконфликтно, ограничивают волевые стимулы активной личности и, следовательно, радужные горизонты общества.

Нам представляется, что человеческое общество, личность всегда имеют возможность учиться на собственных и чужих достижениях и упущениях, иначе говоря, на человеческом же опыте. Но на полезное отношение к опыту способно не всякое создание. Таджикское общество, в общей сложности, оказалось не способным воспользоваться огромным опытом прошлого и к началу третьего тысячелетия занимает очень скромное место в цивилизованном обществе. Когда национальный менталитет формируется на нескромности, самолюбовании, когда критический взгляд на самого себя, на среду своего бытования будет считаться предосудительным качеством личности, такое общество не может претендовать на вечность. Ностальгия по полуголодной жизни раболепствующего перед идолами человека, когда творческая личность превозносила идеалы, которым не верил, но не мог отказаться от своего действия из страха, а сегодня почитают ее на

пьедестале, могут предстать в качестве признаков человека, совершенно равнодушного к духовному миру окружающих его людей.

Садриддину Айни, как человеку духовному, творческому, судьба явно не улыбалась. Две деспотические системы для одного человека – это неимоверная тяжесть. Но С.Айни выдержал эту тяжесть, может быть, потому, что он не знал иной жизни, а также имел большой жизненный опыт. Художественное творчество вещь гибкая, его возможности можно использовать на благо собственной совести. Но начальные годы правления большевиков отличались относительной мягкостью. К тому же, люди всегда привыкают к колориту окружающей действительности. Когда ложь, коварство, дешевизна человеческой жизни, хаос и многое другое становятся обычными признаками жизни, люди к ним привыкают как к необходимости. Но С.Айни никогда не отрекался от своей веры, потому ему было тяжелее, чем обычному человеку.

По всей видимости, когда С. Айни писал свою повесть «Одина», он еще мало был осведомлен о художественных теориях европейской беллетристики. Но у него был богатый опыт национальной повествовательной прозы и фольклора. С.Айни сам признает, что старая сказочница Тути-пошшо еще в детстве его учила складывать слова в ряды повествований (1, 64). Еще более веские сведения о своих увлечениях произведениями народной литературы С.Айни дает в своем стихотворении «Прошлое и настоящее», которое мы сочли привести в подстрочном переводе литературоведа К. Чиллаева:

Минули те времена, когда я был в неведении,
 Когда мне не было дела ни до ислама, ни до народа...
 Не ведал ни об истории ислама, ни о положении народов.
 Я с упоением читал «Абу Муслим-[наме]»,
 В моих руках вместо газеты было «Замчи-наме»,
 Сказывал рассказы о Зулаби,

То дивился проделкам Дагули,

То взывал на помощь мехтара Бада Йалда (147, 131).

Народные дастаны, которые по своему творческому типу очень близки европейскому роману, после «школы» Тути-пашши, явились самым плодотворным источником, которым впился грядущий романист С.Айни. Язык, который достался ему от медресе, конечно язык богатый и сильный научно-деловыми возможностями, но он чужой большинству из тех, кто не был знаком с арабским языком более основательно, чем возможностями улицы и базара. Это С.Айни знал очень хорошо. Народные дастаны «Абу Муслим-наме» и «Замчи-наме», о которых упоминает С.Айни - это огромные фолианты из многокнижного цикла романов на многих тысяча страницах. Именно эта литература, исключительно беллетристическая по содержанию, захватывающая, приключенческая, во все времена своего функционирования свободная от пагубного влияния искусственных, густо припорошенных арабской лексикой стилей, послужила одним из важнейших компонентов литературного, особенно, художественного языкового стиля С. Айни. Язык «Абу Муслим-наме», «Замчи-наме» и сотни других больших и малых дастанов и хикаятов был выдержан в этом стиле. Этот язык был сотворен многими поколениями бродячих, городских сказителей со своими слушателями, дышавшие воздухом одной «аудитории». Мы убеждены, что юный С. Улуг-зода, один из грядущих писателей Таджикистана, внесший особо большую лепту в совершенствование таджикского литературного языка, не мог бы с тем же восторгом отозваться о языке «Истории интеллектуальной революции в Бухаре», с каким о повести «Одина». «Когда я стал читать эту книгу, она сразу же меня увлекла, язык книги меня просто очаровывал. Я никогда не слышал и не читал таких чудесных слов. Как все хорошо, красиво, плавно, будто слышишь приятную музыку! Мне казалось, что нет ничего красивее и приятнее таджикского языка» (142, 269).

С. Айни при написании своего первого художественного произведения с сюжетно-композиционной структурой, по всей вероятности, в нетаджикском творческом опыте также не нуждался. Но государственная система, беспрекословно осуществлявшая волю одной из самых беспощадных идеологических образований во всей человеческой истории, уже тогда всю работала по зомбированию творческой воли. Хотя и С.Айни имел достаточный опыт знакомства с бессмысленным, беспринципным феноменом толпы, на себе носил жестокие следы этого опыта, но, как все чистые, искренние и доверчивые души, и он попал в сатанинские сети предводителей толпы – большевиков. В таджикской литературе можно насчитать тысячи страниц, выражающие сострадание угнетенному человеку, осуждение угнетателей и несправедливость, жестокость человека. Социально-политического мироустройства С.Айни тоже к этим страницам прибавил собственную художественную концепцию мировосприятия. Но первый опыт писателя больше напоминал те дастаны, которыми он увлекался в отрочестве. С.Айни явно не хватало информации о большом мире и качествах жизни в нем. Ему было незнакомо европейское право. Скучные знания писателя о правовой культуре развитых стран становятся большим препятствием на пути к познанию революции, которая присоединила его родину к красной империи, а его самого поставила на службу себе и убедила его вскоре произнести: «Лишь коммунистическая партия и Советская власть смогли переродить и заново создать меня, человека, прошедшего жизнь в медресе, воспитывавшего в старых нравах и обычаях, погрязшего в болоте гнилого джадидизма». Так он говорил на торжественном заседании Президиума ЦИК Таджикской ССР 26 ноября 1935г.

Большим достижением С.Айни в повести «Одина» И.С.Брагинский считает то, что впервые в таджикской литературе он ввел в повесть образ коммуниста, члена Бухарской компартии Мирзо Усмона, а также впервые изобразил русского человека – «благородного и бесстрашного рабочего

Ивана, разъясняявшего таджикским беднякам смысл пролетарского гимна «Интернационал»! «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем» (107, 242).

Но, горячо любивший город Бухару, С.Айни о разгроме этой древней столицы таджиков большевистской армией во главе с Фрунзе промолчал. Однако можно много претензий предъявить своеобразной советской литературе, а не какому-то одному писателю. Трагедия, обманувшегося иллюзиями по-настоящему талантливое человека остается трагедией. Оправдать можно глупца или невежду, а высокоразумного человека обходить стороной нельзя. Поэтому художественная проза С.Айни впоследствии будет рассмотрена и оценена заново, но не отдельно от насажденной насильно и обманом действительностью.

Как писатель, С.Айни развивался достаточно быстро. В 1930 г. в Казани вышел в печать его роман «Дохунда», «на образах положительных героев» «воспитывалось целое поколение строителей социализма в Таджикистане», - пишет И.С. Брагинский (107, 243). Конечно, эта оценка маститого литературоведа просто риторическая дань стилю, дня, но центральный герой и персонажи романа гораздо эксцентричнее и социально антагонистичны, чем в повести «Одина». В создании произведения писатель использует различные приемы и достижения современного романа. В то же время С. Айни в формировании романической действительности использует богатый опыт знания жизни своей родины, впервые вводя в палитру событий колорит природы горной страны. В романе «Дохунда» С.Айни вводит пейзажное изображение как необходимый элемент изобразительного словесного произведения, на которое в дастанной литературе особого значения не придавалось.

По логике творчества, судьбы персонажей двух первых произведений дополняют друг друга. Одина – бедный горец, с которым несправедливое

общество обходится жестоко. Его жизнь в этом обществе не сложилась и погибает он сам и его близкие. Ёдгор тоже горец и сверстник Одины. В том возрасте, когда умирает Одина, он берет в руки ружье. На его родину приходят вооруженные чужестранцы, но писатель к ним относится как к спасителям: ведь революция – дело этих людей. Хотя мы знаем, что еще недавно он категорически отвергал социальную революцию. За такой короткий срок даже такой большой город, как Бухара, нуждался в основательной просветительской и культурной революции, не говоря уже о таком далеком глухом тупике, как Куляб. Но писатель все же вооружает своего героя. По замыслу писателя, Ёдгор должен был присоединить свои усилия с теми, которые на своих штыках несли таджикам свободу. По этой задумке, Ёдгор должен был стать всем. Год выхода романа «Дохунда» совпал с тем этапом развития «пролетарской революции» той толпы, которой очень опасался С.Айни. Эта толпа громила весь старый мир с его богами, культурой, школами, сжигала книги его мудрецов. Из реальной действительности мы знаем, что, если бы в дело не вмешались русские ученые, размеры катастрофы в этом отношении можно было измерять лишь мерками монгольского нашествия.

Часто, когда речь идет о С.Айни – писателе, исследователи ссылаются на его знание жизни. Но для писателя этого недостаточно, ибо знание многих фактов, необъединенных и необъясненных соответствующей им концепцией, не есть знание. Реалистические тенденции, на которые в творчестве С.Айни часто ссылаются отечественные литературоведы, сводятся к схожести реальной действительности с художественной, более – свойство натуралистического копирования. В литературном же творчестве важно проникновение в суть жизни, нежели требование правдоподобия. Роберт Штильмарк, автор «Падших ангелов» и лагерного приключенческого романа «Наследник из Калькутты», о Советской действительности писал: «Советская модель имела две стороны: фасадную с «орлом», а точнее, с серпом и

молотом, где победно высились Днепрогэсы и Магнитострой, Турксибы и совхозы-гиганты, и вторую, «решетку», причем с решеткой, не геральдической, а тюремной, за которой томились миллионы обездоленных, заплативших за победы социализма своими жизнями, кровью и детьми. Такие писатели, как Эренбург, Алексей Толстой, Леонов, Тихонов, Шолохов, Фадеев, Гайдар, и вообще все литераторы-коммунисты умели видеть и живописно описывать только фасад, подчас чуть подпорченный какими-нибудь мелкими огрехами. И лишь много лет спустя один Солженицын сумел показать, какой ценой доставались социалистические победы и на каких костях построен «фундамент здания социализма в СССР. Официальный соцреализм эту проблему просто игнорировал либо сознательно искажал, затуманивал» (107, 153).

С.Айни – писателю в 30-х годах, конечно, не доставало, по крайней мере, три вещи, которые могли придать его прозе живость современной литературы: во-первых, современное образование, которое дало бы ему возможность освоить европейские теории словесности, во-вторых, глубокое знание духа современной ему жизни, оба лика советской действительности, в-третьих, цивилизованная обстановка, в которой творческая личность пользуется правом, охраняемым законами государства, а не растаптываемом волей всевозможных тиранов. «Шарашка», великолепно описанная обитателем «гулагов», великим русским писателем Александром Солженицыным, была придумана для тех, кто мыслил и говорил не в угоду «системе». Но С.Айни был официальным писателем системы, заинтересованной в его возможностях выдать черное за белое. С.Айни же, как он сам говорил, продукт медресе, хотя одаренная натура, способная в благоприятных условиях создавать глубокие произведения в художественной прозе. Большевицкая система расчетливо создавала ему, человеку, неизбалованной судьбой, приемлемые условия для реализации его обширных знаний прошлой жизни, которую философски отрицала она сама, которую

писатель не успел еще распознать. В этой действительности имелось все, что так страстно преследовал С. Айни, покалеченный бесправием прежнего мира – школа для того, чтобы он мог бы просветить податливую на всякие гнусности невежественную толпу.

Тем временем С. Айни в 1934 г. на конкурсе в связи с подготовкой к Первому съезду писателей СССР представил роман «Рабы». Позднее, в 1961 г. это литературное событие ознаменуется следующей характеристикой И.С. Брагинского: «Романом «Рабы» С. Айни заканчивает свой первый прозаический цикл, состоящий из «Одины», «Дохунды» и «Рабов». Эти три произведения с полным правом могут быть названы трилогией, однако, трилогией особого рода.

Трилогия С. Айни – это своеобразная исповедь, это исповедь самого народа, изложенная в форме художественного произведения. Это исповедь народа о том, как поднялся он из мрака феодального средневековья к сияющим вершинам социализма, как достиг он этих высот благодаря помощи великого русского народа и Коммунистической партии, миновав муки капиталистического рабства. В этом исторический смысл своеобразной трилогии Садриддина Айни.

В этой исповеди народа даны сокрушительная критика и разоблачение тех, кто тянул народ назад на путь реставрации феодально-байских отношений, разоблачение буржуазных националистов-джадидов. Эта критика дана и в «Дохунде», и в «Рабах» (107, 144-245).

Конечно, после развала тоталитарного режима коммунистов-большевиков, созданного и оберегаемого тысячами Брагинскими, и творческое сознание, и аналитическое сознание по-немногу оправляются от вынужденной спячки. Мыслящие таджикские литераторы и литературоведы, литературная критика, без всякого сомнения, не могли не постичь еще толком не подсчитанные потери: с эгоистически неожиданным развалом единой экономической системы, странам, «членам союза», сидевшим с

«дальновидно» организованным рабским дотационным хозяйством, достались лишь рабочие руки. Но эти руки могли служить носителями оружия. И они были пущены в ход заинтересованными игроками. Война, разруха, голод, страшный разгул преступности. Оружие в руках тех, «кто был ничем», сделало их «всем» ... Спустия только годы, появился хлеб, но мысль, культура, образование - явления гораздо труднообразуемые. «Новые таджики» в университеты ездили на БТР-ах и с ручными пулеметами. «Новые таджики» получали дипломы, а не знания. Но человек живет надеждами. «Новые таджики», конечно, те из них, которые выжили в разборках, стали богатыми, но сами поняли, что кто-то должен делать и «умственную работу», и по-немногу дают возможность развитию «мысли».

Тем временем нужны свежие, мыслящие по «новым международным стандартам», как принято определять нынешние критерии мыслительной деятельности. Кадры таджикскому литературоведению необходимы с видением и автономным мышлением, чтобы исследовать литературные произведения С.Айни в прозе: ведь они начало нового возрожденческого витка в истории самопознания и самооценки таджиков в Средней Азии. Именно поэтому в этом деле не следует кривить душой. У С.Айни в Таджикистане нет врагов. Они у него есть там, где так часто «теряли», «изымали», заставляли писать на чужих языках свои произведения.

Наша история еще объективно не осмысливалась, поэтому нам очень необходимы корректные частные исследования, которые были бы пригодны для научных обобщений более развернутых процессов.

Тем не менее, художественная проза С.Айни должна восприниматься как результат определенного этапа развития социальной мысли таджикского общества, нашедшей выражение в образах. Преимущество этого метода объяснения объективной действительности С.Айни, должно быть почувствовал уже в процессе создания «Истории интеллектуальной революции в Бухаре». Именно еще тогда будущий беллериист С.Айни

вплетал в задуманное как научное изложение произведение обширные страницы чисто эмоциональных всплесков возмущенного сознания. Беспомощность человека перед аналогичной действительностью С.Айни достаточно убедительно освоил еще в юности, когда по поручению просветителя-мецената Шарифджана Махдума Садри Зиё переписывал сочинения Ахмада Дониша. Разум того просвещенного человека тоже был возмущен дикостью кочевых правителей, совершенно ничего не знавших о своей ближайшей соседке, мощной, агрессивной державе. Художественный метод восприятия, объяснения действительности дает в руки талантливого писателя мощное средство – метод переосмысления и перевоплощения той же действительности. Воспроизводство обобщенных жизненных процессов в образах определяет сущность изображаемой действительности.

Те литературоведы, которые основательно знают историю новоперсидской литературы, ее взлеты и падения, знают и то, что проза в ней занимала относительно равное положение с поэзией. Неравенство в этом соотношении главным образом касалось особенностей функционирования поэтических и прозаических форм творчества, а также социальный заказ на их теорию и практику. Здесь-то перевес позиций поэзии ощутим. Например, заменители теоретических выкладок в прозаическое творчество, которые мы встречаем в древнем приключенческом романе «Самаки айяр», который в единственном, далеко не полном списке дошел до нас в редакции Фарамуза бин Худадад бин Абдаллах ал-Катиб ал-Арраджани (1185г.), весьма интересны для теории сказительской прозы, самой мощной ветви беллетристической прозы, но в духе своего творца не нашли продолжения.

Ориентировочно к концу XV- начало XVI в. при всем желании о развивающихся процессах можно говорить с ностальгией. Говорить о полном застое персоязычной литературы, конечно, не корректно, но проблема элитаризма непременно требует иной коррекции, пересмотра. Уже в первой четверти XVI в. чигатайские Тимуриды, к тому времени втянутые иранской

(персидско-таджикской) культурой в сферу литературных процессов, были выбиты из Средней Азии свежими силами голодных полчищ под названием узбеки, которые позднее неизвестно на каком основании присвоили себе культурные, в том числе, литературные достижения тех, которых уже не было в Средней Азии. Любопытнее всего то, что узбеки присвоили себе и имя уйгура Навои, за 15 лет до нашествия узбеков ушедшего в мир вечности.

Тем временем Дели становится столицей воспитанных иранской культурой Великих Моголов и мощным очагом индийской персоязычной литературы. Узбеки же совершенно обескровили Среднюю Азию, не сумев создать ничего выдающегося.

Сильнейший регресс грамотности и книжной жизни, начало которого был заложен с наступлением XIII в. монголами, достиг катастрофических размеров к концу XIX в. Дальнейшие процессы, протекавшие в Средней Азии, уже сопровождались вмешательством не очень цивилизационной колониальной политикой русского империализма. Творчество Ахмада Дониша, решительно критически настроенного ученого-писателя, а затем домуллы Икрома и его ученика, Садриддина Айни, убеждает в том, что таджикские творческие силы были в теоретическом вакууме. Европейские страны, прошедшие благотворное эпохальное Возрождение, преодолели тупик закоснения мысли, а затем достигли больших высот теоретического и абстрактного мышления, став инициаторами этих процессов во всем мире. Иранский мир, почти шесть веков шедший в авангарде литературных процессов, сильно отставал. Прозаические произведения С.Айни вышли в свет в период именно такого состояния абстрактного, теоретического мышления. Опыт же С.Айни, как указали выше, сложился в совершенно иной художественно-эстетической атмосфере. Но идеологический и бытовой пафос советской действительности, организованной творческой деятельности писателя, в его романах нельзя не заметить. По метким словам писателя Рея Бредбери, «хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью.

Посредственные – лишь поверхностно скользят по ней. А плохие насилуют ее и оставляют растерзанную на съедение мухам» (64, 78).

С. Айни основательно знал не только жизненный уклад, быт и нравы лишь таджиков, но и тех племен, которые в разные периоды истории проникали в Среднюю Азию, обосновались там. Дата, с которого начинается повествование С.Айни в романе «Рабы», отмечена 1825-м годом. Таким образом, писатель вводит в событийное поле действий романа целое столетие явления рабовладения в Средней Азии. С.Айни искренне ожидал от революций начала двадцатого века не заклеивания разума свободного человека, угнетения человека. В 20-е годы эта идея постоянно витала в сознании писателя. Ему об этом часто напоминала растерзанная спина и растоптанное достоинство человека. Исходя из реальности возможности осуществления своего замысла, С.Айни в 1928 году написал на узбекском языке и затем издал повесть «Кульбаба». Однако партийно-государственные деятели тех лет в пропагандийских целях поощряли такие идеи. Поэтому в 1932 г. председатель Правительства Республики Узбекистан Акмал Икрамов предложил С.Айни разработать эту тему более обстоятельно.

На воплощение этого замысла С.Айни трудился в течение одного лета и двух зим. Роман «Рабы» из-под пера писателя вышел многособытийным произведением со сложными коллизиями, в которых реализуется марксистская теория классов и антагонистическая борьба между ними.

В «Рабах» С.Айни, как редкий знаток истории Средней Азии, романические события начинает с изображения туркменского клана работорговцев, который частыми набегами полонил хорасанских мирных крестьян и затем продавал их на невольничьих рынках как «неверных-шиитов». Глава этого клана Кылич-халифа, его дети и главарь разбойничьих налетов Абдуррахман-сардар, типы спекулянтов хлопком в лице Абдуррахим-бая, Наби-Палвана, его сына Урман-Палвана, разбогатевших на эксплуатации крестьянского труда Полвон-араба, Хаит-амина, Бозор-амина,

Нор-Мурад-палвана, Пулат-бая и его сына, Абдулла-Барчука, убежденных врагов нового строя Баба-Мурада-таклачи, Хушназар-бая, Хамдам-Формы и Кутбии, составляют круг класса насилия и эксплуатации труда и угнетателей народных масс. Нравственный мир и мировоззрение этих носителей знака зла писатель изображает с мифологической убежденностью. Покровителями и вдохновителями этих сил изображаются тиранические правители мангитского и русского антинародных тираний.

Борьба народа в романе «Рабы» с самого начала писателю убежденно представляется борьбой за естественные права поработанных трудящихся, за достойную жизнь тех, кто является творцом жизни на земле. Робкие сопротивления загнанных в безысходность рабов и поработанных тружеников постепенно набирают силу, превратившись в борьбу класса угнетенных против своих антиподов - поработителей и угнетателей.

Брат и сестра Некадам (Рахимдод) и Зебо – первое поколение рабов, изображены слабыми и беспомощными. Последующее усиление классовых противоречий, социального антагонизма, подъем самосознания и классового самосознания крестьян показываются с реалистической правдивостью.

Эргаш, Шакир-Гулям и Гулям-Хайдар – представители второго поколения рабов – олицетворяют художественный образ бедных крестьян. Они активно вступают в ряды тех сил, которые ведут борьбу за справедливость и естественных человеческих прав, классовых интересов таких же тружеников, как и сами. Но теперь «мир» между двумя полюсами бухарских деревень кончился.

Настало время, когда, у истстрадавшихся потомков рабов окрепла сила, выросла воля и осенила их уверенность в торжестве правого дела. Они осознали себя неотделимой частью всех советских крестьян. Они поняли, что за их спиной стоит несокрушимое могущество всего советского народа, сила партии большевиков» (22, 290).

Писательский суд, таким образом, вынес свое решение. Праведное ли оно? Но умирают все смертные; умер и писатель С.Айни, так и не увидевший последствия духовного порабощения своего народа теми «мощными» большевиками, которые, в конце концов, сами превратились в самых беспощадных палачей. И они тоже потерпели крах, как потерпели их предшественники. Может быть, писатель С.Айни вовсе не претендовал на миссию пророка, а как тысячи других писателей, выражал наболевшее, пророком же его делали другие, которым это было нужно? К истине ближе это, и это вполне доказуемо, ибо лица, занимающиеся этим делом, оставляют после себя следы своих деяний. На этом деле такие лица сами делают себе пьедестал.

Реализм С. Айни основывается на теории воссоздания действительности по революционным законам развития общества. Этот реализм в том виде, в котором функционирует в творчестве С.Айни, нужно признать, больше походит на натурализм и заимствован им из русской литературы. В наши дни этот метод имеет больше оппонентов, чем сторонников. Заблуждения, поспешности и теоретизирования субъективных видений тогда были обычным делом. И хорошее знание русской литературы убеждает в том, что «революционный реализм» тех лет принес немало бед многим литературам, а таджикской литературе – катастрофические последствия. Но «для удобства» советского литературоведения творчество периода фактически рассматривалось автономно и так же оценивалось. Поэтому советская литература, как детище тоталитаризма, не может претендовать на те лавры, на которых почивает. Действительно, нужно быть реалистом, чтобы социалистический реализм в творчестве загнанных в «союзы писателей», принять за свободный творческий метод. Современному читателю, уже не говоря о литературоведе, приходится считаться с более проницательными писателями, а по-прежнему не доверяться слепо тем, кто верою и правдой служил революционным теориям большевиков. Александр Солженицын в

романе «В круге первом» языком одного персонажа пишет: «Для математика в истории 17 года нет ничего неожиданного. Ведь тангенс при девяноста градусах, взмыв к бесконечности, тут же и рушится в пропасть минус бесконечности. Так и Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний» (123, 28). А он-то хорошо знал историю этой даты, которую изобразил в романе «Март семнадцатого». Огромный фактологический материал о бесчеловечных преступлениях большевизма содержится в романах Роберта Конквеста «Большой террор», Артура Кёстлера «Слепящая тьма», Роберта Штильмарка «Падшие ангелы», Василия Гроссмана «Сталинград», Г. Подлесских, А. Тересонка «Воры в законе» и многих из других произведениях последних десятилетий двадцатого века, написанных главным образом русскими писателями.

Писатель С.Айни в «Рабах» утверждает, что с победой Октябрьской революции, а также Бухарской революции, разрешилась историческая судьба таджикского народа. Эта политическая концепция довольно странна для С.Айни, который всю жизнь в меру своих возможностей боролся ради интересов своего народа. Однако писатель С.Айни, кристально честный человек, был очень недалеким политиком. С высоты векового опыта после самовыражения С.Айни, двадцати пяти лет рассеивания коммунистического миража, с раскрытием дверей архивов, открывших глаза современников на чудовищные преступления кремлевских «верных ленинцев». Все же подтвердилась истинность афоризма «у лжи короткие ноги» все же. Трагедия писателя С.Айни – это трагедия миллионов, десятков миллионов погубленных и искалеченных жизней. Но исторические судьбы таджикского народа так и остались неразрешенными. Народ, с глубокими «традициями» верит пророкам и мудрецам, народ, лишенный инициативы мыслить самостоятельно, довольствуется и «истинами» лжепророков, а истина из уст не общеизвестного официальными почетными эпитетами, его не устраивает. А коммунистическая система располагала мощнейшими органами

«толкователей» всех переливов всякого колдовства. Когда политики обтачивают художественное творчество в поле политических страстей с миллионами людских жизней, за исторические судьбы этого творчества отвечают не они, а сам творец. Ведь с пантюристами вел борьбу сам же С.Айни, это же они «изымали» почти все написанное им на родном языке произведения. Где великая столица средневековой мировой культуры, где блестящий город таджикских «сарбадоров»? Разобщенному, как его курдских братьев, таджикскому народу, судьба которого стала не игральной, а географической картой для русского царя Петра Первого, пришлось после мошеннического «размеживания» коммунистов развернуть свою столицу в глинобитной деревушке.

Проникновение С.Айни в политической философии европейского колониализма также вызывает сомнение. Поэт Мирзо Турсун-заде, Герой социалистического труда системы, например, знал, что это политическое явление – коварная разновидность неорабства, поэтому страстно призывал индийцев прогнать английских колонизаторов из Индии. Но этот же поэт был безразличен к колонизации своей страны коммунистической империей. По этому поводу в упомянутом романе Александра Солженицина упоминается история переселения древних евреев из Египта на родину. По легенде, Моисей вел свой народ в течении сорока лет, чтобы преодолеть расстояние в четыреста километров. Почему же так? Челнов, персонаж романа обратил внимание другого персонажа - Рубина на географию моисеева перехода от Нила до Иерусалима: евреям никак не нужно было идти более четырехсот километров, и, значит, даже отдыхая по субботам, свободно можно было преодолеть это расстояние за три недели. Не следует ли предположить поэтому, что остальные сорок лет Моисей не вел, а водил их по Аравийской пустыне, чтобы вымерли все, кто помнил сытое египетское рабство, а уцелевшие лучше бы оценили тот скромный рай, который Моисей мог им предложить? (см.:123, 177-178). Садриддин же Айни, если исходить из его

«Истории интеллектуальной революции в Бухаре», был монархистом вплоть до того бесчеловечного наказания, которому подвергли его палачествовавшие подручные потомки кипчакских полковцев. Нельзя ли в таком случае предположить, что обида, возмущение оскорбленного достоинства, гнев отвернули его от старого мира и привели в лагерь лжи, лицемерия, в мир вздыбленных звериных инстинктов и искривленных мыслей? Возможно, но истинные мудрецы, на плечах которых лежит тяжкий груз освещения, очеловечивания уродливых творений общества – самоотверженны. Многострадальный Айни же сумел нам показать лик сатанинского оборотня, домулла Бурханиддина.

Однако то, что вышло из-под пера писателя С.Айни, неопровержимо доказывает истину, что он запутался в сложнейших исторических процессах, в клубке политических, социальных, нравственных, духовных проблем, к решению которых он не был готов.

С.Айни часто пользовался понятиями и терминами, бывшими в бытовом обиходе. И.С.Брагинский использовал это обстоятельство при характеристике начального этапа формирования Айни - писателя: «Во всей своей совокупности, - писал он, - эта многогранная работа, беззаветный труд на благо народа и составляли ту «школу Октября», которую проходил С.Айни и где учителем была Коммунистическая партия» (107, 236). И.С.Брагинский убежденно констатирует, что «школа Октября» - это прежде всего, политическое понятие и далее продолжает: «Писатель научился понимать, что жизненную основу нашего общества составляет политика Коммунистической партии. Тем самым он овладел сущностью, основой советской литературы: коммунистической идейностью, сознанием высокого назначения писателя – в образной художественной форме нести в массы идеи партии» (107, 237).

Пятая часть «Рабов» охватывает 1927-1933гг. Приближаются годы «большого террора», жизненный пульс персонажей С. Айни и воля «верного

ленинца» четко совпадают. Порой у учителя возникает ощущение, что ни у писателя, ни у его персонажей в голове нет иной мысли, как мысль о классовой борьбе, об идейности. Когда Хасан в одиночестве взвешивает свои чувства к Кутбии, в него вкрадывается тень сомнения: «А не нарушит ли жизнь с ней мои ленинские принципы?!» - подумал он.

Хасан снова перебирал все доводы, торопясь отбросить то, что смущало его. Он подбирал доказательства для тех, которые укрепляли права Кутбии на жизнь с комсомольцем.

«Нет, не нарушит! – решительно успокоил он себя. – Хотя я люблю ее, но комсомол я люблю сильнее. Если я замечу в ней черты, враждебные комсомолу, я немедленно от нее уйду» (22, 359).

Те, кто «глубокомысленно» писали о художественной концепции С.Айни, читали ли такие строки в его прозе и как объясняли их? А ведь говорили. Так, И.С.Брагинский уже в 1986 году, а не в шестидесятых писал: «Наиболее ограничен синтез в художественной концепции человека С. Айни и в средствах ее воплощения. Восточная традиция романтизации положительных героев, первобытной наивности и чистоты нравов органически сочетается с западными (для С.Айни – русскими) традициями психологизма и реалистической изобразительности, сосредоточения внимания на отдельной человеческой личности, ее независимости и чувстве собственного достоинства. При этом у С.Айни, как у советского писателя, это не индивидуалистически-отчужденная личность. Она всем своим существом связана с коллективом: с борцами против угнетения – в старом обществе и строителями новой жизни – в эпоху социализма» (62, 73). Трудно говорить о вещах, о которых никто и не размышлял, никакого хамства не проявлял. Еще труднее выдавать черное за белое. Но у некоторых литературоведов когда-то был выработан особый «метод» преобразования. Этот метод давал возможность представить желаемое за действительное.

Когда у извращенного государственной пропагандистской системой воображению художника никогда не покидает образ «классового врага», классовое рвение его чуткого героя невольно будет выглядеть, по меньшей мере, комедийным приемом. «Хасан уже подходил к красной чайхане, когда какая-то тень оторвалась от стены и кинулась ему навстречу.

Сердце дрогнуло: «Классовый враг?»

Он схватился за револьвер.

Но аромат духов, шелест бухарского шелка, нежные быстрые руки, тронувшие его распахнутую грудь, сразу окружили и одурманили его» (22, 359). Ну, конечно, это – Кутбия, настоящий «классовый враг», но сердце Хасана слепо идет ей навстречу. Она пришла за ответом «да! – жизнь, нет – смерть». Ответ Хасана звучит в том же «комедийном» жаргоне: «- Пусть в могилу отправляются твои отец и мать и все наши классовые враги! А ты, отдавшаяся сердцем нам, достойна цвести в цветнике социалистической жизни!» (22, 360).

Кутбия, конечно, «классовый враг», но писатель, сотворивший Хасана, никак не сотрудник ГПУ или ЧК. Хасан же, пусть даже обманутый «классовым врагом», не имеет права ставить возлюбленной условия, которые разумный человек ставит другому человеку: «- Начисто порвать связь с отцом и с матерью, забыть о них. Второе: если понадобится, рассказать все деловые тайны родителей. Не мне, нашему коллективу...» (22, 361).

«Рабы» завершаются заключительной речью Эргаша, который после победного завершения колхозного собрания, освободившего Хасана от подозрения во вредительстве, гордо заявляет: « - Я сын «дедушки-раба». Моего отца звали Рахимдодом, а рабовладельцы прозвали его Некадамом. Он носил меня на руках, и тепло его рук – в моем сердце. Помни о нем, Хасан! Он твой дед. Он начал наш род на этой земле, которой теперь и мы владеем. Вот смотрите на нас! Я родился в доме раба. Я начал жизнь рабом, а продолжаю ее равноправным членом большого колхоза, я знаю цену земле,

цену труду. Я понимаю, что для нас сделано большевиками. Я знаю, что для нас сделала партия!...

Эргаш говорил, счастливо глядя всем в глаза.

- Это сделала для нас партия!» (22, 410).

Современные читатели творчества С.Айни могут утешить дух многострадального писателя тем, что мир людской после него изменился не очень разительно; ошибаются, обманываются и обманывают, что люди не очень рьяно учатся урокам жизни. По-прежнему появляются вожди, которые зовут людей в светлое грядущее, но увлекают в бессловесное рабство.

Люди, берущиеся за перо, чтобы написать художественное произведение, это делают с расчетом, что раскроют какому-то кругу личностей, способных оценить не только способность писателя рассказывать о чем-то, но главным образом, как писать. Навязать своему читателю можно свое мировосприятие, но не без помощи правдоподобного подражания действительности.

Человечество осудило воинственный коммунизм с немногим запозданием после воинственных же фашизма и нацизма, а проза С.Айни осталась без читателя. Может ли быть большой трагедией для писателя, чем эта? Между тем многие писатели, которые не смогли бежать за пределы стран, захваченных революционной Россией, предпочли лагеря идеологическому рабству. «Солдаты партии», как гордо именовали себя убежденные «зомби» от литературы, внимательно следили за очередными задачами, которые ставили им «Партия и Правительство».

Мы уже отметили, что С.Айни был глубоко религиозным человеком и никогда формально не изменял этому спасительному духовному убеждению, но «формальная» вера уже теряет свою святость. С. Айни же был необычным верящим в Бога человеком, а одним из виднейших богословов Бухары. С этой позиции он не имел права переподчинить свой разум сатанинским силам. Бог уже изгнал из мира ангелов Сатану, но поделом: он отказался

поклониться поставленному им правителю людей из числа земных же. Но коммунисты, как известно, атеисты, в их мировоззренческой концепции Богу нет места. Это неотаджикистанский коммунизм, как наиболее гибкий отряд данной идеологии оперативно пошел на компромисс с Богом. Так надо!

Кстати, эта космическая мировоззренческая ситуация последний раз в таджикской прозе была изображена в 1915г. Султанмухаммадом Фахри Хирави в ирфанической беллетристике «Хафт кишвар» («Семь стран») (144), подготовленный к печати в кириллице и снабженный предисловием литературоведом К. Чиллаевым. Но медресе в Бухаре были рассчитаны на ортодоксальное религиозное образование и С. Айни стал одним из успешных выпускников этой школы. На систематическое освоение современной литературы у него не оставалось ни времени, ни возможности. Поэтому он вряд ли успел прочесть «Семь стран» Фахри Хирави. Кстати, в то же время, что «Семь стран» Фахри Хирави, появились и «Бадаи' ул вакайи'» («Удивительные события») Зайнид-дина Васифи, с которыми литературовед С. Айни уже ознакомился в процессе составления очень важного в то время труда, анталогии «Образцы таджикской литературы», о которых речь пойдет позднее. Это было в 1925 г., когда С.Айни узнал о существовании этого высокохудожественного романического произведения таджикской литературы.

В художественную литературу прием «идеализация» пришла из мифологического сознания и творчества, затем стала одним из неизбежных средств художественного утверждения мечты в сказочном творчестве. Но в прозе С.Айни, как непременно настаивает официальное советское литературоведение, основанное на классовой теории, этот момент вызывает сомнение, скорее всего, возражение в самой постановке вопроса, в связи с чем, мы упомянули произведение Фахри Хирави. Дело в том, что по еще не выясненным обстоятельствам и причинам художественная проза С.Айни не рассматривалась в непосредственной связи с морально-этическими

принципами ортодоксального богослова, социального интеллектуала, которые будущий основоположник советской таджикской литературы четко выложил в «Истории интеллектуальной революции в Бухаре». Ведь все добрые намерения просветителя Айни каждый раз разбивались о жестокую бессмысленную тупость той толпы, которую пытался просветить он. Фахри Хирави был моложе С. Айни почти в два раза, когда обратился к идеальному образу Ибн Тураба. Очевидно, что Фахри Хирави волновал тот же космический концептуальный вопрос о судьбе человека, что и С. Айни. Но Фахри Хирави понимал, что судьбу семи стран нельзя было доверять неопытному, почти невежественному земному правителю. В практическом плане необходимость была в том, что на родину писателя уже нахлынул новый поток диких орд половцев, беспелляционно претендовавших на господство над страной обустроенной трудом сотен тысяч людей. Им тоже предстояло внушить кое-что человеческое, как это было сделано с монгольскими завоевателями и их потомками – чигатайцами. Не мог же С.Айни наделить действительных рабов, изображенных в его «Рабах», правом претендовать на миссию мессии. Ведь уже вскоре после ленинского вооруженного восстания собрат С.Айни по перу, М.Горький, писатель с гораздо большим опытом и знанием мира, писал: «... я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его Нечаевско-Бакунинский анархизм...Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт...Может быть, он надеется на чудо? Рабочий класс должен знать, что чудес не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею – не менее кровавая и мрачная реакция... Надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата. Рабочие не должны позволять авантюристам и

безумцам взваливать на головы пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат... Чем отличается отношение Ленина к свободе слова от того же отношения Столыпиных, Плеве и прочих полулюдей? Не так же и Ленинская власть хватает и тащит в тюрьму всех несогласомыслящих, как это делала власть Романовых?» Так, почти пророчески, предостерегал рабочих М.Горький в статье «Несвоевременные мысли» в газете «Новая жизнь» (см.:170, 18), хотя, нам представляется, что писатель много надежды возлагает на сознание рабочего своего века.

Таким образом, то доброе намерение, которое вынашивал С.Айни в своих «Рабах», обернулось лишь иллюзорной мечтой недалекого служителя идей одного из самых сатанинских ловкачей политики современного мира, потерпевших крах ценой чудовищных потерь для рода человеческого, хотя в нашей стране его изваяния все еще почитаются идолопоклонниками различных толков.

Идеологическая направленность художественной прозы С.Айни и в дальнейшем продолжает проявлять свою тенденциозную устойчивость. Это видно и в вышедшей в 1934 г. повести «Мактаби кухна» («Старая школа»), запоздало поучительный опыт автора, направленный, может быть, на школьников своего времени? Но это не помогло «новой школе» - абсолютное большинство выпускников и нынешней нашей школы остаются жалко-беспомощными малограмотными людьми. Но не это хотел сказать С.Айни этой повестью. Он Айни, но уже «свободный человек», заклеивал старый мир за его косность и жалкость. Однако в хаотичном «новом мире» прибавилось больше черепов со следами pistolетных пуль в затылке. По масштабам новые минареты, если бы носители свободы, вздумай они, соорудить таковые, были бы несравнимо внушительнее тех, которые оставили потомству на память Чингиз-хан и Хромой Тимур. О следах просвещенности в такой ситуации говорить не приходится. Тем не менее,

мемуарное значение повести «Старая школа» сохранит свое значение надолго, но лишь как иллюстрация.

Память недавнего прошлого верно служит писателю и в написании повести «Марги судхур» («Смерть ростовщика»), вышедшей в свет в 1936г., а затем переработанной и переизданной в 1939 г. В центре изображаемого мира ростовщичества С.Айни поставил чрезвычайно колоритную фигуру и столь же гротескно выведенную персону ростовщика, кари – чтеца Корана, Исмата, которго из-за большого живота уличным фольклором переименованного в Кари-Ишкамбу, буквально Чтеца-Желудка. Сам писатель утверждает, что образ этого персонажа списан с реального прототипа, очень популярного в то время в Бухаре. Ростовщичество, к которому писатель посредством своего героя выражает собственное отношение к нему, не только в капиталистическом, но и во всех других обществах с рыночными отношениями, не осуждалось. Конечно, при этом неизбежно отрицание аномалий в этих отношениях. Писатель, действительно, в случае с Кари-Ишкамбой заострил нравственный момент явления и мастерски изобразил. В данном случае мы имеем дело с отвратительным пороком социальной среды, а осудить общество из-за того, что капитал в нем приносит законный доход, не можем. Это фантазеры, в числе которых мы имеем дело и с большевиками, в свое время грозились отменить деньги. Поэтому можно полагать, что С.Айни что-то узнал о «меновой теории» большевиков и решил помочь им в изживании этого гнусного порока буржуазного общества. И совсем не случайно, что Кари-Ишкамба, услышав весть о приходе большевиков и захвате ими банка, умер на месте.

Садриддин Айни работал чрезвычайно напряженно. Уже в 1940 г. он выпустил повесть «Ятим» («Сирота»). При всей своей активности писатель затрагивает лишь те темы, которые нейтральны по отношению к тем событиям, которые происходили в страшные годы сталинского террора.

Напротив, проза С.Айни посредством повести «Ятим» помогает большевикам укреплять границы своей империи. В повести насильно уведенный за рубеж юноша Шоди Мурад возвращается домой и вместо того, чтобы, как все, попасть в тюрьму, попадает в теплые заботливые руки пограничников, а затем – детский дом. Окрепший парень становится пограничником, ведь скоро грянет война, нужны защитники границ: тема чрезвычайно актуальна.

В годы второй мировой войны С.Айни писал публицистические статьи, в которых воодушевлял соотечественников на борьбу с врагом, на доблестный труд ради победы над фашизмом. Но писатель не переставал создавать и художественную прозу. Так, в 1944 г. из-под его пера вышли художественно-исторические повествования «Герой таджикского народа Темурамлик» и «Восстание Муканны». Оба произведения написаны на реальной исторической фабуле, хотя достоверность принадлежности героя первой из них к таджикскому этносу никак не относится. Тимур-Малик, по версии русского писателя В.Г.Янчевецкого, начальник царской стражи (180, 40). Роман писателя, писавшего под псевдонимом Ян, появился на свет еще в 1939 году, так что он о Тимур-Мелике собирал сведения еще до С.Айни. При осаде Худжанда монгольскими полчищами Тимур-Мелик был поставлен начальником не крупного гарнизона города, но он хорошо организовал безнадежную оборону города и умело сражался. Мужественно сражаясь, Тимур-Мелик погиб на поле битвы.

Герой повести «Восстание Муканны» - Хашим б. Хаким, известный под именем Муканна', тоже достоверная историческая личность. Соратник победителя Омейядов, Абу Муслима Хорасани, предательски убитого в 775 г. халифом Джа'фаром Аббасидом, Муканна' поднял восстание против Аббасидов. Арабам долго не удавалось осилить восстание белорубашечников Муканны. И после гибели Хашима о нем в народе сохранилось много поверий и легенд. С.Айни мужественной борьбой своих предков, носивших

белые одеяния, вдохновлял современных потомков древних героев, бороться против коричневой чумы XX века.

У исследователя творчества С. Айни может возникнуть закономерный вопрос: почему писатель прошел мимо такого мирового события, как вторая мировая война, с легким грузом, как две небольшие повести? На сей день этот вопрос остается без ответа, как и, впрочем, без удовлетворения любопытство по поводу того, что мастер счел актуальной тематику минувшей жизни, нежели кипущей вокруг мирного строительства сияющего дворца коммунизма с ажурным железным занавесом.

Итак, С.Айни обращается вновь к прошлой жизни, а ему самому оставалось жить не более четырех лет, сумеет ли он с тяжелой ношей семидесяти нелегко прожитых лет охватить взором то дорогое сердцу пространство, которое вот уже тысячу лет топчут чужие сапоги, которое орошала кровь миллионов его защитников и поработителей, а почву обогащал фосфор их костей? А кто еще может увековечить образ и память, оставить след от задумчивого взора гордо-печального великана-мудреца Ахмада Дониша? Необходимо! То, что по сей день сделано в этом направлении, облегчит дело.

В 1947-1948 гг. вышли в печать первые две книги задуманного многотомного произведения под названием «Ёддоштхо» («Воспоминания»), в 1950 г. удостоившихся Государственной премии СССР. В этом же году вышел третий том цикла. Четвертый том вышел в свет в 1954 г. Повествование в этом томе оборвалось, потому что жизнь не дала неутомимому труженику возможности завершить задуманное. Писатель успел переосмыслить с высоты опытного художника жизнь Бухарского эмирата в пределах 80-90 годов XIX в. С.Айни в свих «Воспоминаниях» изображает ту жизнь, и так, что уже никто так не знал и не мог изобразить. В этом заключается огромная ценность этого произведения.

Конечно, классовая теория в интерпретации коммунистов-большевиков писатель С.Айни применяет и в «Воспоминаниях», но при этом зачатки классового сознания он внедряет в сознание тех, кто живет по законам самого ортодоксального ислама, где все мусульмане – братья. Поэтому ввод опыта социальных отношений более позднего временно-пространственной действительности порой звучит фальшиво. Ведь лирический герой повествования в произведении просто не может разделить позицию писателя с ним: он слишком юн.

«Воспоминания» С. Айни, как известно, не целостное воспроизведение определенного этапа жизни будущего писателя. С.Айни изобразил отдельные эпизоды жизни, которые оставили глубокий след в формировавшийся мир своего героя, или же наиболее яркие ее страницы. К таким эпизодам относится, в частности, жизнь юного героя в деревне, изображенная в первой части произведения.

Эпизоды, о которых мы говорили, С.Айни восстанавливал в формах, не нуждавшихся в средствах связи с большой жизнью. Это умение мастера признавали самые изощренные литературные умы того времени. Константин Федин по этому поводу восторженно говорил: «Айни – это совершеннейший мастер малой формы, каждая глава у которого представляет законченную новеллу» (70,90). Эта жанровая форма господствует по всем «Воспоминаниям» до победы, спровоцированной большевиками, Бухарской «революции».

В новелле «Весть о смерти Ахмада Дониша» С.Айни создает одну из неповторимых иллюстраций образа Ахмада Дониша в культурной жизни таджиков. Потерю этой величественной фигуры почувствовали все. Поэтому С.Айни сожалеет, что по отроческой бездумности лишил себя блага приобщиться к такой благотворной жизни, как жизнь Ахмада Дониша, и бросается собирать крохи сведений об этом человеке, такие дорогие для

потомков. В четвертой части «Воспоминаний» записи С.Айни занимают важное место.

В этой же части сериала мы вновь встречаем старых знакомых С.Айни «во главе» с знаменитым домуллой Бурханиддином, который играет значительную роль в «Истории интеллектуальной революции в Бухаре». И поэтому почитатели творца самого важного мемуарного художественного произведения таджикской литературы середины XX века будут искренне сожалеть о том, что смерть не дала возможность писателю завершить чудесное повествование о всегда живой в душе каждого таджика очаге истории и национальной культуры.

ГЛАВА II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ С. АЙНИ И ОБРАЗОВАНИЕ

2.1. Айни – литературовед

В июне 1917 года Айни прибыл в Самарканд и находился там до октября 1920 года, проживая у друзей в проезде Суфи Розик, где он и создал свое произведение «История интеллектуальной революции в Бухаре» или «История метода САВТИЯ и интеллектуальной революции в Бухаре». Работа была опрaвлена для издания в Бухару, однако была потеряна. До конца жизни Айни мечтал найти это произведение. Своему сыну Камолу Айни он завещал найти ее и ввести в книгу «Воспоминания», и опубликовать как дополнительный пятый том. Вышеназванная книга была найдена только в 2005 году и опубликована как 14-й том книги Айни «Кулиёт» в Душанбе. Устод Айни мудрый и великий ученый в 1912 году на татарском языке в журнале «Шуро» (1912, №2) опубликовал первую свою статью о Бедиле. В дальнейшем многие труды Айни заложили фундамент новой таджикской историографии, этнографии, литературоведению и языковедению. Ученый был настолько всесторонне развит, что кроме лексикографии увлекался даже музыкой. Первый крупный исторический очерк Садриддина Айни «История эмиров — правителей Бухары» (1920-1921 гг.) был напечатан в журнале, а впоследствии, в 1923 году, в Ташкенте был издан отдельной книжкой. Это произведение — история 150-летнего господства бухарских эмиров, начиная со времен правления Рахимхана ибн Хаким Атолика (1747) и до свержения последнего представителя семейства эмира Олимхона (1920), их жестокости и гнета, крушения этого господства. Очерк получил признание и одобрение и сыграл важную политическую роль в становлении молодой Советской власти в Средней Азии. Айни в этом произведении рассказал о гнете и

бесправии, жестокости правителей и палачей в Бухаре, которые довели народ до крайней степени отчаяния.

Другой его очерк «История Бухарской революции», участником которой был и сам автор, посвящен детальному анализу процесса политического пробуждения народов Средней Азии. Книга была издана в 1926 году на узбекском языке и посвящена событиям, которые описывают процесс перехода в феодальную собственность кельи в бухарской медресе (период правления Шохмурода, 1785-1800 гг.), Октябрьскую революцию, процесс самосознания, социального пробуждения, просветительские движения, освободительную борьбу народа и интеллигенции – джадидов, а также историю Колесовского похода и др.

Айни является основоположником новой таджикской литературы. Его труд «Образцы таджикской литературы» посвящен явлениям тысячелетней истории персидско-таджикской литературы вплоть до появления первых явлений таджикской литературы революционного периода. Этот величайший труд является его первым исследованием о духовном наследии таджикского народа. В условиях, когда пантюркисты сеяли интригу о том, что «в Средней Азии нет такого народа под названием «таджик», это те же узбеки, что потеряли родной язык под влиянием Ирана и его медресе», С. Айни в «Образцах таджикской литературы», опираясь на исторические факты «разорвал занавес этих интриганов и заставил их замолчать раз и навсегда». (Куллиёт 1-й том, стр. 97).

Позже Айни сделал много для того, что были опубликованы «Образцы таджикской литературы» (1940), где он использует термин «персидско-таджикская литература», доказав общность таджикской и персидской литературных наследий (Эрониho) – (Иранцы) .

Его исследования «О Фирдоуси и «Шахнаме» (1934), «Шайхурраис Абуали ибни Сино» (1939), «Устод Рудаки», «Камоли Худжанди» (обе в 1940), «Шайх Муслихиддин Саъди Шерози» (1940-1942), «Мирзо

Абдулкодир Бедил» (1954) и др. определяют высокий статус каждого из этих мыслителей в истории таджикской культуры, и вносит новую информацию об их жизни и творчестве.

Айни на протяжении долгого времени изучал жизнь и творчество Васифи, которому посвятил в 1946 году несколько статей, а в 1956 году издал книгу «Васифи и вывод «Бадоеъ-ул-вакоеъ». Он проделал огромную работу для укрепления научных и литературных связей между узбекским и таджикским народами. Ученый работал в этом направлении сначала бухарской революции, а с 1946 по 1950 года работал на должности заведующего кафедрой узбекской литературы Самаркандского государственного университета. Монография Айни «Алишер Навои» (1948), посвящённая жизни, биографии, политической, общественной и творческой деятельности поэта, персидско-таджикским стихам (под псевдонимом Фони), подробно описывает его дружбу и творческое сотрудничество с персидско-таджикским классиком Абдурахманом Джамии. Сам Айни на протяжении всей жизни и научной деятельности развивал и обогащал эту традицию.

В контексте сказанного можно утверждать, что устод Айни был первым исследователем, который изучил историю таджикской литературы с точки зрения современных требований и в «Образцах таджикской литературы» претворяет в жизнь ленинскую идею о том, что каждая культура взаимосвязана между собой.

В таджикском литературоведении Устод Айни первым поднял вопрос периодизации истории литературы в соответствии с «концепцией марксизма»¹ и тем самым открыл дорогу будущим исследователям в этой области. В 20-30-е годы это произведение служило учебником по истории литературы на пути к культурной революции. Именно в эти годы Айни впервые внедрил в таджикское литературоведение жанры литературной критики, рецензирование, библиографию, дискуссионные статьи,

¹ С.Айни. Чавоб ё ин ки мубоҳиса// Овози тоҷик, 1927. 03. 20, №139, саҳ. 4

исследовательские работы, критика критики и т.д., которые были упомянуты в статьях «Чавоб ба мунаққиди беном» (1925), «Ба ошиқони адабиёти тоҷик муруҷиат» (1925), «Китобҳои тоҷикӣ» (1926), «Чавоб ё ин ки мувоҳиса» (1927). Постепенно литературная деятельность и число его исследований значительно расширились. Самым большим вкладом устода Айни, ставшим основой «Образцов таджикской литературы» (1940) – это утверждение прав таджикского народа на собственное литературное и культурное наследие. До 1940-х годов буржуазные востоковеды высказывали ошибочное мнение о том, что все литературное наследие, написанное на персидском языке, принадлежит Ирану. Айни активно выступал против таких позиций и определений, которые пытались выстроить огромную китайскую стену между таджикским и иранским народами, он привел аргументы, ссылаясь на исторические и литературные факты о том, что между этими двумя народами издавна существовала духовная и языковая связь. По этому поводу устод Айни высказывался следующим образом: «Насколько таджику или иранцу по душе произведения Саади, Хафиза, Низами и др., настолько же ему понравятся произведения Рудаки, Камола Худжанди, Исмата Бухорои, Сайфа Исфаранги»². Таким образом, если взглянуть с этой точки зрения, то научные и художественные исследования Айни, такие как: «Дар бораи Фирдавси ва «Шоҳноама» (1934), «Шайхурраис Абӯали ибни Сино» (1939), «Устод Рӯдакӣ», «Комиссияи олии аттестасионии», «Камоли Хучандӣ» (обе работы написаны в 1940), «Шайх Муслиҳиддин Саъдии Шерозӣ» (1940-1942), «Як симои номашхури адабиёти тоҷик» (1940-1941), «Восифӣ ва хулосаи «Бадоеъ-ул-вақоъ», «Мирзо Абдулқодири Бедил» (1954), сыграли немаловажную роль в определении прав таджикского народа на литературное наследие, национальное и культурное самосознание. На сегодняшний день монография «Мирзо Абдулқодир Бедил» является единственным ценным произведением,

² С. Айни. Муносибати адабиёти Осиёи Миёна бо Эрон// Куллиёт, ҷ.2, Китоби якум (Ба чоп тайёркунандагон: К. Айни ва Р. Ҳодизода) – Душанбе: Нашрдавтоҷик, 1963, саҳ 189

посвященным изучению жизни и творчества великого мастера слова Бедиля. Известный русский востоковед Э. Бертельс (1890-1957) назвал Айни «лучшим знатоком творчества Бедиля» и отметил ценность и нучную важность этого исследования: «Теперь нашим молодым исследователям не придется рассматривать тысяча ненужных и труднопонимаемых бейтов древних стихов, чтобы найти такие действительно ценные строки. В этой книге представлены все эти ценные и полезные отрывки в точном и безошибочном их написании»³.

Известный иранский ученый Саид Нафиси отметил большую научную и литературную ценность произведения Айни «Образцы таджикской литературы» и отметил ее как один из важных источников, написанных после 15 века: «Первая книга Айни, которая попала мне в руки была «Образцы таджикской литературы», ее мне в виде подарка прислал один известный востоковед из Самарканда – Умянков. Часть этой книги, где дается характеристика произведений поэтов Центральной Азии после периода Тимуридов, привлекла мое внимание больше, чем другие части, потому что в Иране мы не знали этих поэтов»⁴.

Научная деятельность Айни разнообразна, он внес значительный вклад в изучение и популяризацию советской литературы. Статьи и заметки Айни о произведениях А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М. Горького, А. Лохути, Д. Фурманова, И. Эдинбурга, П.Сулаймони, А. Дехоти, М. Турсунзода, М. Миршакара, С. Улугзода, Дж. Икромии, Р.Джалила, Б. Карбобоева, П.Толиса и других, а также его письма ученым и писателям считаются уникальной информацией и ценным материалом в решении многих научных и литературных задач.

Будучи выдающимся литературоведом, Айни разработал собственную концепцию и систему литературно-эстетических идей, имеющих большое

¹ Е. С. Бертельс. Мукаддима// С. Айни. Мирзо Абдулкодири Бедил. Сталинобод: Нашр.дав.точик, 1954, сах 7

² С. Нафисӣ. мусохабат бо марди бузург. // Садриддин Айни дар хотироти дӯстон ва шогирдон (Тартибдиханда: Раҳими Ҳошим) – Душанбе: Ирфон, 1968, сах 182

теоретическое и практическое значение в таджикской литературе. Это особенно отразилось в его описаниях «кахрамони миллати точик»⁵ («гордость таджикского народа»), «падари медитсинаи руйи дунё»⁶ («отец медицины всего мира»), «донишманди бузург ва бобои пуршарафи халки точик – Абуали Ибн Сино»⁷ («великий ученый таджикского народа – Абуали Ибн Сино»), где в конце монографии «Шайхурраис Абӯали ибни Сино» он отмечает: «В биографии и научной деятельности Абу Али ибн Сино есть много поучительного для нашей советской молодежи. Например, Абу Али ибн Сино достиг такого всемирного признания, так что вот уже на протяжении многих столетий его книга служит учебником, а его методы лечения в просвещенном мире считаются незаменимыми, в условиях, когда не было ни книгоиздания, ни книг, за исключением рукописей, к которым был ограничен доступ, ни профессоров и ученых, которые могли бы научить его чему-то новому, ни университетов в современном понимании, ни развития естествознания, ни было лабораторий, ко всему прочему, его окружали религиозные служители, всегда готовые уничтожить истинных ученых, в их числе также были падишахи – кровопийцы, готовые отдать приказ на исполнение казней и пыток».⁸

В сердцах сегодняшних и будущих поколений слова С. Айни пробуждают желание учиться, любовь к знаниям, к культуре: «Теперь, в современное время – в условиях советской власти, когда наша социалистическая родина полна университетами и лабораториями, и практическими кабинетами, каждый день в сотнях и миллионах экземплярах печатаются книги, в которых даны тысячелетние результаты человеческого научного труда, в условиях, когда профессора и ученые вооружившись опытом и учебными пособиями готовы обучать советскую молодежь, в

³ С. Айни. Абӯали Ибни Сино (980-1037), // Китоби якум (Ба чоп тайёркунандагон: К. Айни ва Р. Ходизода) – Душанбе: Нашрдавточик, 1963. – С. 254.

⁸ Там же

⁹ Ҳамин ҷо, саҳ 255

условиях, когда от духовенства не осталось и следа, когда Советский Союз, Коммунистическая партия (большевики) являются покровителями науки, искусства и культуры. Живя в таких условиях при желании, наша молодежь может стать современными Абуали ибн Сино XX века, Абуали ибн Сино социалистического мира и таковыми стать обязаны. Для этого нужно лишь приложить больше усилия большевистского старания!».⁹

В связи с этим, исследования Айни сыграли важную роль в развитии и совершенствовании таджикской литературы, подняв ее на высокий уровень, что продолжается и сегодня. Вот почему Устод Айни известен как основоположник таджикской советской литературы.

Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон указывает: «Высокие достижения Устода Айни уникальны в истории нашего народа, и вся его благословенная жизнь была потрачена на защиту самобытности таджиков и признание ее древней нацией».

Устод Айни в своем произведении «Мирзо Абдулкодир Бедил», отмечая нововведения Бедила, замечает, что «Носирали родился за пять лет до рождения Бедила и умер за двадцать четыре года до его смерти». Так как Бедил стал поэтом в возрасте десяти лет, их литературная карьера, должно быть, началась в одно время. Но поскольку Бедил с детства проявлял свою изобретательность, можно с уверенностью предположить, что Носирали подражал Бедилу. Так или иначе, сторонники Бедила, как в поэзии, так и в прозе, приняли и развили этот новый стиль от его имени»¹⁰.

Таджикские писатели собирались группами, чтобы почитать работы Бедила, обсудить стиль его написания и тонкости мастерства. Хашмат в своей тазкире пишет: «Макдуми Джунайид, Мулла Музтар и Мауляна Осий из Индии и Сарир читают произведения Мирзо Бедила».

⁹ С. Айни. Шайхурраис Абӯалӣ ибни Сино. // Куллиёт, ч.2. Китоби якум. Нашри зикршуда, саҳ 78

¹⁰ Айни, С. Абдулкодири Бедил. Сталинобод, 1954, С. 107-108.

В Центральной Азии влияние Бедиля, особенно в таджикской литературе, возросло до такой степени, что его поэзия преподавалась наряду с «Гулистоном» Саади и диваном Ходжа Хафиза.

«Лидеры мусульманской школы хорошо знали, - пишет Е.Э.Бертельс в предисловии к книге «Мирзо Абдулкодир Бедил» устода Айни, - что в произведениях Бедиля есть множество идей, которые способны привести читателя к своего рода «свободомыслию» или «скептицизму». Поэтому они заставляли каждого ученика, не вникая в суть написанного, читать чрезвычайно трудные произведения этого автора, чтобы ученику настолько надоело, чтобы у него больше не было желания изучать труды Бедиля». Действительно, идея Э. Бертельса интересна и приемлема.

По словам Устода Айни: «В стихах Бедиля мы видим противоречивые мысли и идеалы. Например, в одном стихе или в одном рубаи поэт выступает, как верующий, придерживающийся все заповеди религии, то в другом бейте или рубаи он выступает сторонником суфизма, или же как философ, отрицающий все, кроме того, что существует».¹¹ О противоречивости творчества Бедиля Р. Ходизаде справедливо заметил: «В диване поэта мы читаем как религиозные, так и суфийские газели, а также глубоко жизненные философские стихи».¹² Такие противоречивые интерпретации и позиции раскрывают истинную атмосферу реальной действительности периода жизни Бедиля. Устод Айни отмечает: «Бедил воспитывался шейхом Камалем с детства и до ранней юности, который строго придерживался всех заповедей ислама, но вскоре поэт попал под влиянием дервишей и принял аскетический образ жизни.

После этого он погрузился в исламский суфизм и ушел к суфиям, а позже, в результате изучения древнеиндийской философии и ее применения к исламскому суфизму, он стал философом, не различающим ересь и

¹¹ Айни, С. Абдулкодири Бедил. Сталинобод, 1954, С. 8

¹² Там же, с. 60

ислам».¹³ Вот почему последователи и сторонники Бедиля подошли к его социальным позициям с юмором и по-своему поняли и интерпретировали его взгляды.

Научное наследие и литературная критика Устода Айни состоит из многочисленных монографий и научных статей.

Учеными Х. Мирзозода, И.С. Брагинским, М.Шакури, Р.Ходизода, К.Айни, А.Махмадалиевым и др. исследована роль Устода Айни в таджикском литературоведении и значение его произведения «Образцы таджикской литературы» (1926). Ими утверждается, что первые шаги Устод Айни в таджикскую литературу сделал как литературовед и критик. В прошлом его первая научная работа «О Бедиле» была написана на персидско-таджикском языке и переведена татарским ученым Олимжоном Идриси на татарский язык в газете «Шуро» (15 января 1912 г.). Дата написания статьи определена литературоведами М. Шакури и Дж. Бакозода 1910 годом. Устод Айни отметил, что сведения и комментарии о своем творчестве с дополнениями Салимбака на тазкиру Возеъ (1914) были написаны им самим и именно в эти годы он занялся критикой. Также его критическое мнение выражено в элегии, посвященной Мирзо Сироджу Хокиму (Ойна, 1914, номер 14, 25 января, с.241). Так как элегия является одной из жанров литературной критики, в ней чаще выражается эмоциональный результат автора над сложными проблемами жизни и творчества автора. Марсия Айни обладала именно этими качествами.

Что касается того, что Айни написал монографию именно о Бедиле, выясняется, что предметом изучения и обсуждения в бухарских медресе были в основном жизнедеятельность разных писателей и в особенности Бедиля.

В 1924 году в составе Советской Социалистической Республики Узбекистан область Хамзамон по предложению первого Председателя

¹³ Там же, с. 63

Совета комиссаров Автономного Таджикистана Мирзо Абдулкадира Мухиддина, а также Правительства Таджикистана обратились к Садриддину Айни и поддержали его идею о составлении книги «Образцы таджикской литературы», подписав договор на издание произведения. Наконец, в сентябре 1925 года книга «Образцы таджикской литературы» была завершена. Она содержала в себе примеры тысячелетней поэзии, а 15 марта 1925 года в Москве, благодаря стараниям А.Лахути книга была подготовлена для издания в 40 томах и издана в 1926 году. В книге «Образцы таджикской литературы» Устод Абдулкасым Лахути написал предисловие о ее научной, культурной и политической ценности, а также упомянул о смелых и достойных уважения подвигах Садриддина Айни для ее издания и признания в народе.

Иранский ученый Саид Нафиси, который скопировал книгу «Образцы таджикской литературы», написал о ней следующее: «Автор этой книги (Имеется ввиду - «Образцы таджикской литературы», 1926) – современный писатель Садриддин Айни является героем нашей страны и героем нашего языка в Туркестане».¹⁴

Садриддин Айни использовал традиции написания тазкиры классической литературы, особенно во второй части, не ограничиваясь только этими традициями, он применил собственный опыт работы по составлению истории литературы, как например, «Образцы таджикской литературы Ирана» (Баку, 1922-1923 гг.) и историй, написанных о литературе тюркских народов. Несмотря на то, что каждая из этих книг стала вдохновителем и послужил мотивацией, однако его труд не похож ни на один из них, за исключением книги «Образцы литературы Ирана».

Устод Айни увлекался изучением таджикской литературы и чередой времен и веков, то есть историческим происхождением и развитием персидско-таджикской литературы в Мовереанахре. Таким образом, Устод

¹⁴ Нафиси, С. «Саргузашти поки ниёгонам». – 1926. - цитата из книги «Тоҷикистон дар масири таърих», «Алхудо». - 1373. – С. 11.

Айни развил таджикскую литературу от периода Рудаки до Саида Насафи. Затем с пояснениями и примерами он дал комментарии о периоде застоя в литературе, особенно о второй половине поисков, со времен просветительства и джадидизма, второй половины XIX - начала XX веков и до 1925 г. С. Айни усовершенствовал традицию тазкираписания, с учетом изменений в литературной мысли и научного исследования. Востоковед Н. Зеленский и члены общества таджиковедов в городе Ташкент, а также С. Насафи признали этот труд уникальным и с точки зрения исследовательского материала, и тех проблем, ставших объектом дискуссий.

В каждой главе Устод Айни искусно опирается на материалы прошлых и современных литераторов, ученых, ссылаясь на достоверные источники. С этой точки зрения «Образцы таджикской литературы» несомненно, является одним из образцов новой литературной критики таджикской литературы.

Произведение Айни «О Фирдоуси и «Шахнаме» (1934) тщательно исследовано немецким востоковедом Нёльдеке, который вступает в серьезнейший спор с тазкираписцами и авторами прошлого, освещает жизнь Фирдоуси и историю создания «Шахнаме» и отношение Султана Махмуд к ней. Эта статья посвящена тысячелетию Фирдоуси и опубликована в июле 1934 года.

Устод Айни добавил к статье журнала два важных раздела – «Язык «Шахнаме» и «Связь между языком «Шахнаме» и таджикским языком». Он на примерах и образцах стихов и отрывков из «Шахнаме» показывает, что язык этой эпопеи «не только... понятен таджикам, но большинство слов сегодня используются таджиками в живой речи».¹⁵

С. Айни считает необходимым подчеркнуть, что слова и выражения, которые понятны таджикам и употребляются до сих пор, либо используются редко».¹⁶ Старания устода Айни были направлены также на то, чтобы исследовать влияние эпохи на творчество поэта. Данный метод наиболее

¹⁵ БАС, 1934, № 8, с. 13-22. 2 Куллиёт, ч. XI-1, с. 44, 3. Там же, с.44-46.

широко используется в трактате «Шайхурраис» Абуали Ибн Сино (1939) и составляет важную сторону трудов устода.

Устод Айни в рассказе о жизнедеятельности Ибн Сино, наряду с другими источниками, в основном опирался на биографию «близкого ученика и постоянного собеседника Абуубайда Факехи Джурджони (не Джузджони)».

Важной изюминкой в этой статье является то, что помимо уточнения жизненных моментов Ибн Сино, устод акцентирует внимание на его научной мощи и мировой славе и тем самым указывает на величии таджикского народа. О высокой продуктивности Абуали Ибн Сино Айни говорил, что «ни один ученый в мире не осилил бы и половину той работы, которую он проделал за такой краткий срок и в подобных условиях».¹⁷

Устод Айни обратил внимание на язык Абуали Ибн Сино в его произведениях, и хотя, в то время Сино писал свои научные работы на арабском языке, однако два его труда «Донишнома» и «Рисолаи набз», а также кытъя, касыды и рубаи написал на «персидско-таджикском» и на «легком языке» «он продемонстрировал потенциал персидско-таджикского языка в науке».¹⁸

Также он пришел к интересному выводу, что великий ученый Абуали Ибн Сино увлекался музыкой, творчеством и сочинением стихов не только потому, что это было его хобби, а потому что это было в порядке вещей.

В монографии посвященной Абуали Ибн Сино Айни использует персидско-таджикскую терминологию. Это является признаком изменения в назначении классического литературного языка в научной деятельности Айни.

Следует отметить, что в первой монографии, посвященной Сино устод в предисловии, отметил: «Май, 1937 г., Сталинобад».

¹⁷ Куллиёт, ч XI-I, с. 67

¹⁸ Куллиёт, ч XI-I, с. 71-72

С 1939 году устод Айни стал разрабатывать идею об общности иранской и таджикской литературы, и вообще персоязычных народов. В начале данное утверждение было упомянуто в предисловии «Образцов таджикской литературы» (1940), написанному И.С. Брагинским, однако, как отмечал сам ученый, концепция этой идеи принадлежала устоду Айни.

Данное произведение было подготовлено к печати по его консультации и чутким контролем и от издания 1926 года, это издание отличалось тем, что в него вошла информация о представителях персидско-таджикской литературы, которые жили и творили в Мавероуннахре, Хоросане, и западном Иране. В дальнейшем устод Айни свою позицию на этот счет выразил в целом ряде произведений, таких как «Шайхурраис Абуали Сино» (1939, 1941), «Устод Рудаки» (1940), «Шайх Муслихиддин Саъди Шерози» (1940, 1942) и «Камоли Худжанди» (1940). В том числе, его работа, посвященная Саъди начинается так: «...величайший представитель персидско-таджикской классической литературы Шайх Муслихиддин Саъди Шерози...».¹⁹

Названия вышеперечисленных произведений свидетельствуют о научной деятельности устода Айни. В исследованиях устода решаются такие проблемы, как положение новой таджикской литературы и ее представителей, выявляются действительные факты из жизни и творчества литераторов, охарактеризовано их творчество, выявлены мастерство и роль в истории персидско-таджикской литературы. В этих монографиях он выдвигает проблемы и очень легко, со знанием дела, смело и гордо решает их.

По этой причине, в предисловии к сборнику, посвященному устоду Рудаки, где составителями были С.Айни и А.П. Дехоти, устодом сказано: «Когда мы хотели составить биографию жизни и творчества устода Рудаки, столкнулись с большим количеством трудностей. Самой большой

¹⁹ Шайх Муслихиддин Саъди Шерози, 1942, С.3.

трудностью было отсутствие полноценных источников, к которым можно было бы обратиться и получить нужную информацию. В связи с этим мы были вынуждены пролистать подробно и детально каждую книгу, относящуюся языку, литературе, каждую биографию представителей классической литературы, словарям и истории...».²⁰

Как отмечал устод Айни в книге «Образцы таджикской литературы», эта проблема связана с тем, что: «...жизнь такого устода, как Рудаки Мавероуннахра является предметом гордости таджиков».²¹

В связи с этим, данная проблема считается важной для таджикского литературоведения, исследования устода о творчестве Рудаки сделаны им чисто, авторитетно и научно. Особенно им внимательно изучено поэтическое мастерство поэта и сходство его языка с современным таджикским языком.

О научной деятельности Айни свидетельствуют также его монографии «Дар бораи Фирдавсӣ ва «Шохнома» - и ӯ» (О Фирдоуси и «Шах-наме») (1940) и исследование, посвященное жизни и творчеству одного из выдающихся литераторов Саади Ширази.

Монография «Шайх Муслихиддин Саъди Шерози. Ҳаёт ва эҷодиёти ӯ» (Шейх Муслихиддин Саади Ширази. Его жизнь и творчество) (1940, 1942) является одним из самых глубоких литературоведческих исследований устода, где он раскрывает личные качества поэта, дает характеристику его творчеству, при котором он обращается к первоисточникам и к творчеству самого поэта.

Опираясь на факты устода Айни показал Саади как творца художественной прозы персидско-таджикской литературы, а его «Гулистон», произведением «поднявшем персидско-таджикскую литературу на высокий уровень» (Там же, С. 39). Он анализирует мастерство описания поэта, исследует его человеческие качества, стиль написания «Гулистон», как «Саҳли мунтанеъ». По мнению устода: «Саади является первым персидско-

²⁰ Устод Рудаки. – Сталинобод: Намунаи давлати Тоҷикистон, 1940, С.3

²¹ Намунаи адабиёти тоҷик – М., 126, С.17

таджикским сатириком». Эта оценка Айни подкреплена многими примерами из произведений, где отмечено, что «Горькое лекарство наставлений смешал со сладким вкусом мудрости». В научной деятельности С.Айни особое место занимает исследование, посвященное Камолу Худжанди, к творчеству которого он питал особое чувство, статья «Камол Худжанди» (1940) является результатом долгих поисков и тщательного изучения творчества Камола.²² Устод постоянно находился в поисках новых фактов из жизни Камола Худжанди, о чем свидетельствует последняя статья о Камоле, которая выдвигает весьма важные литературоведческие проблемы. В своей статье он опирался не только на неполноценные сведения и факты о сложной судьбе поэта, но и на высказывания его современников.

С.Айни в этой статье указывает на дружескую переписку Камола Худжанди с персидско-таджикским поэтом Хафизом Ширази, что указывает на то, что Камол обладал особенным поэтическим стилем изложения, был мастером газели, называет его «великим мастером языка».

Айни и в этой статье обращает внимание на связь языка классической литературы с языком современных таджиков и доказывает, что язык Камола Худжанди отличается простотой, доступностью и «близок к современному таджикскому языку».

В том числе, в «Образцах...» Айни обращает внимание на то, что Камол Худжанди и Зайниддин Махмуд Восифи являются выходцами из Хорасана и Мавераннахра, что свидетельствует о продолжении персидско-таджикской литературы и после XVI века. О Восифи и его уникальном мастерстве устод пишет увлеченно, приводит примеры о его необычном поэтическом мастерстве, образованности. Для Айни произведения Восифи являются достойным примером художественной прозы, которые как он считает похожи на современный роман, в которых изображены политические, религиозные, литературные, культурные события и жизнь представителей

²² Рисолаи мазкур, X-1, с.231

литературы, искусства, политики и забытые из времен правления тимуридов важные события, разделение империи на мелкие части, религиозные проблемы между Ираном, Мавереннахром и Хорасаном. В этом произведении автор показывает «голую» сторону жизни и безусловно это качество делает его важным и необходимым источником, содержащем необходимую информацию о периоде современному автору. Это и является причиной того, что произведения Восифи в «Образцах таджикской литературы» Айни занимают одно из центральных мест.

Также Айни обратил внимание на один из образцов таджикской классической прозы, как «Чор дарвеш» (Четыре дервиша). Он дает развернутый анализ жизни и творчества его автора, исследует содержание и атмосферу эпохи, когда было написано произведение, дискутирует по поводу языка и стиля, излагая все это в подробном предисловии. Его интерес к языку классической литературы является основной темой его исследований, особенно тех, которые написаны до начала войны против фашизма. Статья «Чор дарвеш» была написана, как это исходит из архивных материалов Союза писателей, перед войной, но издана после войны - в 1951 году. Как считает Айни, «Чор дарвеш» привлекает особенно языком изложения: «Ко всему, эта книга является ценнейшим сокровищем простого литературного классического языка, богатство которого современная молодежь, по собственному желанию и стремлению должна использовать ... многие подлинные предложения в книге... составлены как поэзия в прозе...»²³.

Таким образом, в ряде своих литературных произведений Айни упоминает монографию Навои (Алишери Навои, 1948) и ценные исследовательские работы о Бедиле (Мирзо Абдулқодир Бедил, 1954). Однако, здесь следует отметить некоторые важные детали о статьях и произведениях Садриддина Айни в литературной критике, устод внес

¹ Куллиёт, ч. XI-I, стр. 248

огромный вклад в развитие и становление таджикской литературной критики.

Его первыми статьями в этой области были обзоры советских учебников по таджикскому языку. Устод Айни был первым, кто разобрал творческие проблемы новой таджикской литературы, ее развитие и совершенствование. Как видим, достаточно вспомнить произведение «Образцы таджикской литературы» с помощью которого высоко стало оцениваться творчество и признания мастерства Сулеймана Великолепного. Статья Учителя «Кори неку кардан аз пур кардан аст» (1934), посвященная первому стихотворению А. Дехоти, является из числа таких критических статей. Такая же критика написана о произведении молодого писателя Пулода Толиса «Открытое письмо товарищу Толису» (1948), где он выражает свои надежды на славу и культуру таджикского народа. С.Айни, умеющий узнавать ценную работу, не ошибся в оценке, и его эффективная критика дала свои плоды. Он не был равнодушен к любой рецензии и критике своей работы, в частности Айни уделил большое внимание мнению Б. Азизи и Н. Бекташа. Критические замечания Б.Азизи по поводу «Образца таджикской литературы» и комментарии Н.Бекташа зашли слишком далеко, и Устод попытался защитить себя от критики и доказать их необоснованность. Следует отметить, что его ответы Б. Азизи были аргументированы, но в данном случае трактат Н. Бекташа «Садриддин Айни и его произведения» (1933) имеет строгий и небрежный тон. В общем, важно отметить, что – эта критика была направлена не только на творчество С. Айни – это была идеологическая борьба. Цикл статей Айни посвящен великому русскому писателю Максиму Горькому, известному как основоположнику, так называемого метода, социалистического возрождения.

II.2. Отражение состояния просвещения в Бухаре в творчестве устода Айни

В труде «История интеллектуальной революции в Бухаре» С. Айни, возможно еще не совсем принципиально, поднимает вопрос на уровень особенно обобщенного социально-философского феномена, вопрос о невежественной толпе, которая в революционизированных странах мира становилась средством искажения действительно революционных процессов. В революционизированных странах на стыке XIX-XX вв. понятие «народ» часто отводится невежественной толпе, особенно «вспыльчивой» и жестокой именно своим невежеством. В социологических и эстетологических специальных исследованиях всегда есть возможность показать этот феномен развернуто и во взаимосвязи с другими социальными явлениями. Здесь же у нас таких возможностей нет. Но в истории социальной мысли этому феномену уже не одно тысячелетие уделяется достаточно серьезное внимание. То же мы наблюдаем в «Истории интеллектуальной революции в Бухаре» С.Айни. Писатель тень «невежественной толпы» чувствует над всеми социально-культурными процессами своего общества и опасается ее. Своеобразие бухарской толпы в книге С.Айни связывается с культурным и интеллектуальным регрессом страны, начавшегося в конце XVI в. Конкретной датой начала этого регресса писатель отмечает 1000 годом хиджри – 1589 г. «Но, начиная с этой даты, - пишет он, - образовательное состояние Бухары начало регулярно ухудшаться и достигло нынешнего печального уровня. Тем не менее, этот регресс и кризис бухарского просвещения на сей день еще не осознан абсолютным большинством улемов и кичливого населения этой страны» (27, 53).

Богословско-религиозную образованность в Бухаре С. Айни застал уже в крайней запущенности. 18-20 лет учебы в медресе Бухары, по сути дела, давали начальное образование. Поэтому делами веры и государственной

власти, духовной и экономической отраслями жизни страны правили по существу малограмотные люди. Формализм в указанных отраслях являлся всеобщим правилом. Властная и духовная системы общества, по словам С. Айни, «не имели представления об истории мира, о мировой политике, об устройстве быта, воспитании домочадцев, об исламской и европейской цивилизации» (27, 56). Всеобщий кризис вследствие вторжения новых кочевых племен в начале XVI в. к концу века привел Бухару к падению уровня культуры и, как неизбежное следствие, к банализации общественного сознания. Высокие культурные и интеллектуальные достижения саманидской эпохи были разгромлены еще монголами, умственные ресурсы были вконец истощены, кочевая культура была неспособна на поддержание чужой им культуры. Именно банализация культуры и способствовала банализации общественного сознания. В создавшейся обстановке ведущим и регулирующим элементом невежественной толпы выступали муллы-недоучки, которых было гораздо больше, чем отдельных представителей духовенства, достигавших свой высокий уровень образованности самостоятельно. Малообразованные муллы, по убеждению С. Айни, очень мало знали религиозную литературу и, следовательно, основы созидательного ислама, а фанатичными были в гораздо большей степени. Характерной среди множества других образцов иллюстраций С. Айни можно брать рассказ о райисе Бухары, мулле Мире Бурханиддине, сыне умершего достойного главного судьи Бухары Бадриддина Кулоби: «Этот человек, по своим знаниям и умственным способностям, конечно, не был достоин своего поста, но под сенью своего отца возвысился до этого положения. Этот человек был примитивного склада ума, и потому, ябедником и интриганом. Невзирая на то, что он был сыном казиза Бадриддина и получил его воспитание, в фанатизме в Бухаре не имел себе подобного... В погоне за карьерой был так жаден, что даже свои человеческие честь и достоинство (если таковые у него были) готов был принести в жертву ...» (27, 57). Этот-

то высокопоставленный интриган использовал доставшиеся ему по наследству огромные средства на то, чтобы собирать вокруг себе подобных, как сам, мулл и, казалось, что интриги являются его главной заботой жизни. Вот такой-то блюститель блага ислама выступал ярким врагом новой школы.

Годичные итоги школы А.Мунзима явились демонстрацией принципиального отличия новой системы обучения от совершенно негодной старой. Испытания знаний учеников проводились при участии представителей власти, духовенства и общественных кругов. Свое мнение о новой школе в присутствии преподавателей бухарских медресе выразил и главный муфтий Бухары, домолла Икрам: «Я эту школу нашел вполне соответствующей правилам ислама. Религиозное воспитание в этой школе обстоит многократно лучше старой школы. Развитие такой школы, с точки зрения ислама, считаю необходимым. Если считаете, что есть какие-то недостатки и что-то вызывает возражение, выскажите на этом собрании откровенно, чтобы сообща исправить и устранить» (27, 62). С муфтием были согласны все.

Это событие в душах многих бухарцев вселило надежду на что-то светлое. Но Бухара не была бы Бухарой, если б добрые намерения так легко свершались. Уже упомянутый райис Бурханиддин организовывал противников новой школы. Бурханиддин раз на собрании кушбеги голословно объявляет школу ересью и недозволенной и просит министра содействовать, вверенной ему властью райиса закрыть школу.

Здесь С.Айни приводит перепалку между Бурханиддином и Мирза Сахбой, человеком военным, но высококультурным.

Не успел еще кушбеги что-то ответить Бурханиддину, как этот Мирза Сахба отрезал: «Эта школа полезна для детей мусульман и необходима! Закрывание этой школы – предательство исламу! Надеюсь, Ваше высочество не берет на себя смелость и не допустит этого!» Райис сказал: «Вы не знаете, не вмешивайтесь!» Мирза Сахба-бей в ответ сказал ему: «То, что знаю я, не знал

даже Ваш отец. Хотя Вы из богословов, а я из военных, в этом деле я разбираюсь по-более Вашего» (27, 64).

Писатель в процессе фиксации рассматриваемого эпизода эволюции просвещения в Бухаре конкретно указывает на персонажей противоборствующих сил, в какой-то степени мифологизирует формы и средства их борьбы, отчетливо показывая как прогрессивному началу трудно пробиться густой туман мифов, догм, предубеждений, суеверий, которые в апелляциях представителей регрессивных сил «освещаются» антибогом невежества и лжи. Поэтому в обществе, где мрак невежества гуще света разума, начинания сил прогресса часто обречены на тактические поражения. С. Айни в рассматриваемом эпизоде эту истину убедительно доказывает.

Потерпевший фиаско в столкновении с Мирза Сахба и не поддержанный кушбеги Астана-кулом, который отличался достоинствами политического деятеля, райис Бурханиддин острее своих интриг сосредоточивает именно на него. Ахиллесовой пятой Астана-кула в столкновении с Бурханиддином – мракобесом могло служить его шиитское вероисповедание в обстановке бухарского суннитского большинства. Разве просвещенный мусульманин мог бы свести этот частный момент истории религии к ослаблению общих интересов духовности своего общества? С. Айни – просвещенный мусульманин, поэтому ему импонируют разумные действия политического деятеля – шиита, а интриги одного из важных столпов своего общества, направленных на искажение блага для всех членов этого общества. С. Айни не мог приписать Бурханиддину высказывания, которые мы читаем сегодня, ибо когда «История интеллектуальной революции в Бухаре» увидела свет, свидетелей тех событий было еще много. А писатель воспроизводит важный исторический факт.

Бурханиддин не отступал от своего решения закрыть школу. С этой целью он прибегает к помощи улемов. Но кушбеги - серьезное препятствие на этом пути. Поэтому надо было устранить это главное препятствие.

«Кушбеги, - говорит он своим сторонникам, - постоянно помогает школе, а так как кушбеги шиит, а школа – ересь, то, естественно, способствует ереси. Если кушбеги не даст согласие и не отдаст указание на закрытие школы, то мы, опора сунны, должны выступить против кушбеги ...» (27, 64).

События принимают серьезный оборот. Кушбеги решение вопроса отсылает на муфтиев Бухары. Мнения в этой среде расходятся. На защиту школы решительно встают муфтий домулла Икром, особенно главный судья Бакаходжа, который, после особого испытания знаний учеников школы заявил: «Ученики новой школы станут соловьями райского сада. В этом деле я не нахожу никакого противоречия закону шариата, а, напротив, считаю нужным и необходимым реорганизацию исламской школы по этому методу» (27, 65).

Однако фанатичное духовенство уверено в своей силе и не прислушивается ни к доводам веры, ни к велениям разума. Повсюду открыто звучали решительные угрозы духовенства: «Если по-доброму не запретят школу, поднимем бунт, нападём на кушбеги и главного судью, уберем муфтия Икрёма, учителя школы прикончим, разграбим дома родителей школьников и всех объявим вне ислама ...» (27, 66).

Под решительными угрозами реакции власти были вынуждены прервать функционирование первой таджикской школы в Бухаре. Но С.Айни в этой ситуации не впадает в отчаяние. Ему вселяет надежду то, что под шумиху реакции в городе возрастает количество желающих отдать своих детей в новую школу. Если в первый год учебы Мунзим привлек в школу всего-навсего 12 учеников, то накануне ее закрытия число записавшихся уже достигло 50 детей.

Личные встречи С.Айни с представителями духовенства окончательно убеждают его в цинизме, лицемерии и лживости духовенства, в его безразличии к проблемам духовного образования и чистоте помыслов верующих. Оно, за отдельными исключениями, преследовало собственные

интересы и эгоистические цели. Этот конфликт нанес серьезную коррективу в воззрения писателя. «С этого дня я, - пишет он, - разочаровался в бухарском духовенстве и прекратил общение с ним. Я уединился в своей келье и порвал контакты со всеми. Во мне вселилось отвращение к духовенству и толпе ...» (27, 71).

Каждый опыт повседневной жизни оставляет действенный отпечаток в сознании С.Айни, делает его разум более интеллектуалистической, порождающей созидательное сомнение. Здесь мы можем воспользоваться наблюдениями М.Шакури, который пишет: «Да, социально – политической борьбе Айни был далек от экстремизма и верхоглядства. Именно из-за своей осторожности, начиная с 1917 года, он стал отдаляться от бывших своих соратников по борьбе, наподобие Мунзима, Файзулло Ходжи. Но в 1918–1920 годах он не проявлял разногласий с «бухарскими революционерами», более того, когда раз те его призвали к сотрудничеству, он не отказался. Он говорит: «В июне 1920 года организацией бухарских коммунистов я был приглашен в Ташкент. Там я пробыл месяц, на двух языках - таджикском и узбекском написал проекты, прокламации и другие вещи, которые нуждались в моем пере». Это была вся услуга, которую Айни оказал тем, которые назывались «бухарскими революционерами» и готовились к революции» (167, 58).

Современная историография, как нам представляется, на сей день не дала должную оценку одному из наиболее печальных событий первого десятилетия XX в. – конфликту между суннитами и шиитами в Бухаре. Этот провокационный бунт духовенства, застрельщиком которого, по свидетельству С.Айни, был очень радикальных взглядов, мулла Камар, фанатичное духовное лицо татарского происхождения, вписывается в структуру деятельности пантюркистских кругов. Подогревание неприязни между шиитами и суннитами способствовало рассеиванию сил иранского этноса и очень скоро эта истина покажет себя в действии, когда пантюркисты

пустили в ход это оружие в процессах по геноциду таджикского населения в Средней Азии. Здесь важно то, что С.Айни по горячим следам событий тех лет создал свои соответствующие иллюстрации. Достоверность этой иллюстрации обеспечивается тем, что действия провокаторов задевают непосредственно и С.Айни.

Очевидный цинизм реакционного духовенства, приправленный религиозной демагогией, все же не принес им убедительной победы по делу о закрытии новометодной школы. В этом реакционерам главным препятствием выступил, во-первых, Астанакул, кушбеги эмирата, человека образованного достаточно современно, но проповедовавшего шиизм.

В этой связи считаем необходимым напомнить широкому кругу интересующейся публики, что «до создания шиитского Сефевидского государства население Ирана было по крайней мере наполовину (если еще не более) суннитским и суннизм был государственным исповеданием почти всех феодальных государств Ирана; шиизм же служил идеологической формой многих народных и оппозиционных движений, начиная со второй половины VII и до начала XVI вв., когда при Сефевидах стал государственным исповеданием» (108, 3). Высказывание И.П.Петрушевского совершенно справедливо и нам остается дополнить его исключительно научную интерпретацию тем, что единый по расе, этническим, историческим, культурным, духовным признакам иранский народ потерял очень много своих сыновей, крови в совершенно не богоугодных делах, братья в ненависти резали друг другу головы. Чтобы эффективно использовать сложившиеся на этой почве традиции, духовным отцам всегда нужны были невежественные фанатики. Просвещенных мусульман того и другого течения всегда, невозможно было втягивать в эти гнусности. С подобной позиции выступает, в частности, не только С. Айни, так поступают образованные и разумные люди бухарского общества и суннитской ориентации, и шиитской, как это выглядит в описании писателя. Реакционное

духовенство Бухары, чтобы окончательно покончить с новой школой, прежде всего врага ищут в шиитской среде, в данном случае, в лице влиятельного государственного мужа – кушбеги Астанакула. Райис Бурханиддин открыто заявляет: «Кушбеги всегда способствует школе. Так как кушбеги – шиит, а школа – ересь, то он, естественно, поддерживает ересь. Если кушбеги не дает согласие и не велит закрыть школу, необходимо, чтобы мы, защитники ислама, выступили против кушбеги» (27, 64).

Принципиальная позиция муфтия домуллы Икрама, познания которого в богословии и культуре ислама С.Айни чтит, благодаря которому и ряду других преподавателей медресе он получил фундаментальные знания, сопротивление других представителей бухарского общества со всей убедительностью показывают, что здесь воззренческая среда неоднородна. Устроенная реакционными силами провокация между суннитами и шиитами опять же доказывает разноликость бухарского общества.

С.Айни историю ислама хорошо знал по многим источникам, и он хорошо знал, что в теологическом аспекте суннитско-шиитские противоречия не имеют принципиального значения. Этим противоречиям придают вес политические, социальные, материальные интересы, невежество, злое намерение. Поэтому как сам писатель, так и те люди, о которых он пишет, поступки которых оценивает, к этому прискорбному для всего иранского этноса явлению относятся в соответствии с уровнем культурного роста, а также культурой своего общества. Характеристика, которую С. Айни дает состоянию суннитско-шиитских отношений, и по сей день остается актуальной, поэтому заслуживает включения в сферу конфликтологии современности по религиозным проблемам.

С.Айни утверждает, что в Бухаре и раньше возникало несколько ситуаций этого рода, но они были улажены своевременными мерами соответствующих структур власти, сунниты и шииты «жили по-братски, среди подданных и населения совершенно не было каких-то неприязней и

обид друг на друга. Но в среде государственного чиновничества всегда имело место трения и неприязнь. Истинная причина этих разногласий, на самом деле, крылась в политической конкуренции и карьеризме, а не в доктринальных расхождениях. Так как дела министерства и заката всегда были в руках лиц иранского происхождения, и имущественные дела государства осуществлялись ими, тюркское воинство и военнотружущие бухарского происхождения питали к ним сильную злобу» (27, 75).

Таким образом, реальные подоплеку суннитско-шиитских трений С.Айни определяет не априори, а на анализе фактов. Зная заинтересованные в этих столкновениях группы и лица, С.Айни в определенной степени сочувствует шиитам. Так, писатель на основе неопровержимых свидетельств знает, что «Бурханиддин райис ... постоянно копал под Астанакула кушбеги и уже целый год искал подходящего момента для бунта. А в организации этого бунта главным его помощником был мулла Камар ... В начале 1327 года хиджри в одном из дней в доме Гияса Махдума алама собрались муфтий домолла Абдурраззак, мулла Хал Ташкентский, муфтий мулла Файз Ташкентский и татарин мулла Камар. Присутствовал на этом собрании и этот бедняк. Беседу начал мулла Камар, затронув вопрос о шиитстве и суннитстве. «При казы Бадриддине, - сказал он, - это племя не очень-то выпячивало свои обычаи и веру. Когда казы Бадриддин стал покойным, они прибрали город к рукам. В этом году в месяце мухаррам повсюду в городе свои траурные обряды проводили открыто. Эти действия все – ересь. Необходимо, чтобы их преосвященства муллы вынесли какое-то решение, дабы эта ересь была прекращена» (27, 75-76). Там же на муллу Камара было возложено составление текста решения о запрете ежегодного траура части мусульман по поводу одного из наимуужественнейших самопожертвований в истории ислама – гибели любимого внука пророка всех мусульман в одном из гнуснейших сражений в той же истории. Можно, конечно, сожалеть по поводу чрезмерных рвений наиболее фанатичных участников этих радений,

но суннизму и суннитам они не противопоказаны. Мы даже можем по необходимости снабдить наше исследование фактами того, что до прихода большевиков в горных краях юга Таджикистана день гибели имама Хусейна встречался траурными плачем и песнопениями. Так что надо быть отъявленным фанатиком, чтобы придать рыданиям по Хусейну значение ереси. Поэтому, человек мыслящий и разумный муфтий домолла Икрам, к которому за помощью обращался мулла Камар, так и классифицировал действие коллеги: экстремизм, а его самого – фанатиком. После этого и суннит домолла Икрам также становится объектом вражды муллы Камара.

Потерпевший фиаско мулла Камар на этот раз вынужден был отступить, но ненадолго. На следующий год случай предоставила фанатичному духовенству и невежественной толпе возможность удовлетворить свои страсти. Нетактичное поведение одного из суннитских зевак, который, как выяснилось, был студентом медресе, вызвало возмущение столь же нетактичной группы шиитской молодежи, которая пустила в дело кулаки. Этого инцидента оказалось достаточным, чтобы суннитская реакция начала раздувать давно задуманный пожар. В ход пошли провокации, надуманные жертвы, очевидцы «зверств» шиитов. С. Айни описывает происходившие в городе события по еще свежим следам. Эффект от этого описания – потрясающий. Здравый разум бессилен выдержать такого позора, невежества, зверства, злого намерения во имя чего бы они не проявлялись. В то же время С. Айни убедительно доказывает, что бухарское общество вбирает в себя не только силы мрака, невежества и зла, что это общество еще способно противопоставить этим силам созидательную силу разума, в совершенствовании которого не одно тысячелетие трудились дети этой земли.

Как бы жуткий крик – «иранцы убили студента – богослова!» - ни нагонял страха и гнева, люди в основной массе своей сохраняли человеческое лицо. Этому не помешали даже отдельные случайные или

умышленные убийства. Как и в наши дни, «талибы», специально назначенные лица, спровоцировали податливую на слухи толпу. Были, по всей видимости, многие, которые предпочитали отсиживаться по домам. Но на фоне хаоса безрассудства, приведшего к вольным и невольным взаимным убийствам, разум сохранил свое достоинство. Часто суннитские и шиитские общины и отдельные соседи и лица прятали и защищали друг друга от разбушевавшейся стихии. «Но разумные иранцы, - пишет С.Айни, - защищали своих соседей – таджиков и обитателей медресе своих кварталов, которые не присоединились к бунту, от своих невежд, до самого конца опасных дней обеспечивали питание сидящих взаперти людей», как и та часть суннитского населения, «обладавшая умом-разумом, защищала иранцев, прибегавших к их защите, прятала во дворах и домах, переодетых выводила из города, в общем, в меру сил оказала помощь» (27, 84). Иранцы взяли под защиту и медресе Накиб, обеспечив продовольствием, как в других случаях, его обитателей. Но столкновения сторон не прекращались еще несколько дней. На сторону реакции готовы были встать и войска. Власти уже не знали как прекратить бунт. На помощь были призваны русские солдаты.

Бунт был улажен, райис Бурханиддин, собственно, главная фигура в ней, достиг своей цели, кушбеги потерпел поражение. Это – очевидный, но не самый главный вывод из прогремевших событий. С.Айни по этому поводу делает ряд заключений, которые в общей сложности не все из них для наших дней могут быть приняты как бесспорные. В этом писатель убедиться очень скоро после того, как завершает данный труд и лишается родного города. Выводы и заключения же его таковы:

- 1) Зазнайство окружения кушбеги властью и положением, их абсолютное господство над населением. Поэтому:
- 2) Отвращение населения к правительству в лице кушбеги.

3) Абсолютное превалирование иранцев во властной структуре Бухары; владение ими казной и высокими правительственными постами. По этой причине:

4) Враждебность узбекских и таджикских военных к иранцам, особенно - к кушбеги.

5) Вражда райиса Бурханиддина к кушбеги по наследственной и личной конкуренциям. По этой причине:

6) Восстановление райисом Бурханиддином улемов и толпы против кушбеги; удачное воспользование райисом Бурханиддином подходящим моментом.

7) Чрезмерный экстремизм шиитских и суннитских преподавателей и студентов бухарских медресе.

8) Главная причина: поголовное неведение всего населения в происходящем в мире, в политике государств, религиозных и социальных проблемах (16, 89).

В 1909 г. умер эмир Абдуллахад-хан, оставив престол в наследство своему сыну, Мир Алим-хану. В эмирате, как пишет С.Айни, «всяк в мыслях задавал себе вопрос: как будет править страной этот молодой эмир? Особенно прогрессивные представители общества с нетерпением ожидали действий эмира» (27, 103). Но ничего кардинального, конечно, не следовало ожидать. Для заинтересованного читателя данного труда более существенным представляется интеллектуальный и культурный рост самого писателя, как он преодолевает почти вакуум, который отделяет мыслящую часть современного мира от догматического общества Бухарского эмирата, которым правят непрехотливые к умственной пище потомки кочевой культуры. Но пока будущий историк свои надежды возлагает, в основном, на выдающиеся способности отдельных социально-политических фигур. Разочарование, или самообман, писателя в сущности социально-политического, культурного значения подобных исторических персонажей

проявляется как важный фактор формирования аналитических способностей писателя. В этом отношении весьма важным представляется сосредоточение внимания С. Айни на политическую фигуру кушбеги Насруллаха бия, заменившего жертву бунта духовенства и толпы, Астанакула.

По мнению С. Айни, основные рычаги правления эмиратом находились в руках Насруллаха. Этот политический деятель, в описании С. Айни, внешне выглядел мягким, спокойным человеком, далеким от коварства и насилия. Нетерпимый к гнусностям, которые творили придворные, он по мере сил препятствовал им, принимал и выслушивал обращавшихся к нему с жалобами людей из окраин, милостиво обращался к ним. В то же время он благоволил к своей родне и приближенным, наиболее высокопоставленные из которых стали обладателями огромных достояний, не замечал их низменные поступки по отношению к другим людям. Его приближенные становились обладателями роскошных дворцов и являлись первыми покупателями недвижимого на рынке Бухары. Утопая в богатстве и роскоши, люди Насруллаха кушбеги были вне законов общества, считали казну своей собственностью. Он был пристрастен в делах правления и стремился к тому, чтобы без его участия не вершались даже малозначительные дела, которые не касались лично его.

С.Айни, по всей видимости, достаточно целенаправленно и основательно исследовал феномен Насруллаха и его деятельность, что дает ему возможность сделать такое емкое заключение: «Так как Насруллах-бей сосредоточил в своих руках все детальные дела, не имевших к нему касательства, его занятость разрослась чрезмерно, так что он не знал покоя ни днем, ни ночью. При этом большая часть дел выполнялась наспех. Послания провинциальных правителей и судей, которые составляли важнейшую часть его должностных функций, большей частью визировал, не дочитав до конца. Когда же секретари составляли ответ на эти послания, то утверждал эти ответы, не читая их как следует. По этой причине каждую

неделю к правителям и судьям поступали по несколько противоречащих друг другу посланий» (27, 118).

Тем не менее, писатель в Насруллахе признает незаурядного для своего времени человека. Человек он опытный, повидавший мир и научившийся кое-чему. Несколько лет он жил в России, по всей видимости, с пользой, выучил русский язык и читал русские газеты. Писатель допускает возможность того, что он был склонен к реформам. Но по той причине, что он хотел понравиться решительно всем, из страха вызвать недовольство высшего духовенства, не проявил инициативы в проведении реформ. С. Айни раскрыл целый ряд характерных черт Насруллаха, но не рискнул быть категоричным в своей оценке личности кушбеги. Вероятнее всего, этот политический деятель был более прозорлив и его скрытность служила защитной маской, скрывавшей убеждение, что в мангитской Бухаре политический деятель нового типа не в состоянии долго удержаться у власти. Конечно, с позиции образованного человека наших дней, достаточно вобравшего опыт социально-политической деятельности новейшего периода, трудно принять этот персонаж произведения С.Айни за образец современного политического деятеля. Тем не менее, в его мышлении порой появляются контуры иных средств и приемов новых методов ведения дел, которые еще не воспринимает архаичная политическая система. Возможно, именно это обстоятельство порой ставит писателя в тупик в объяснении поступков кушбеги.

Свое отрицательное отношение к прослойке улемов С. Айни настойчиво продвигает по всему контексту своей «Истории», правда, отмечая лишь отдельные исключения из этой среды. Расхождения между духовным лицом С. Айни и основной массой улемов, главным образом, происходит из-за просвещения, хотя существуют и другие принципиальные причины. Так, С.Айни не отрицает, что среди улемов есть по-настоящему образованные в теологической схоластике люди, но они же, порой, проявляют себя

совершенно безразличными к своему предназначению духовного лица. Такого напутствия, как «какая твоя забота?! Есть у тебя грамота, есть познание, иди в судьи, райисы! Будь она неладна, эта школа!» (27, 70), которое Садридду Айни давал Алам Гияс Махдум, с легкой душой дали бы многие из его бывших учителей. Писатель отдаляется от духовенства не просто потому, что оно есть духовенство, а потому, что даже редкие совестливые среди них, замечая у себя подобные даже непозволительные вещи, не осмеливались сказать правду и считали это правилом хорошего тона для воспитанного человека (см.: 27, 122). Веру в человека в формирующемся еще писателе в этой обстановке поддерживает домулла Икром с его принципиальностью, искренностью. Домулла Икром, поистине, человек самоотверженный. Он покорно отступает от личной выгоды, но от истины не отступает. Обыденность, с какой домулла Икром ведет свою борьбу со злом, для него самого выглядит как нечто безоговорочное, должное. В изображении С. Айни этот процесс проявляется как бесконечный, тихий подвиг. Впоследствии жизнь самого С. Айни покажет, что он многим обязан этому духовному колоссу Бухары начала XX века. Писатель отдает ему должное как историк, противопоставляя его тем муллам, которые пренебрегали законами своего предназначения: «Только домулла Икром всегда неотступно выражал истину. Поэтому он подвергался многим испытаниям и невзирая ни на что, он не свернул со своего праведного пути» (27, 122). С. Айни не забыл сообщить, что в 1910 г. этот бесстрашный человек написал, издал и распространил книжку, в которой разоблачал пороки общества, обосновав их законами шариата. Вполне предсказуемо, что улемы ополчились на него и с содействия властей, которых критика домуллы Икрёма задевала также, выдворили из Бухары и посадили судьей в Зандане и Каракуле, но его непререкаемые достоинства вынудили правителей спустя год вернуть его в столицу, хотя он вовсе и не изменял линию своего поведения.

С. Айни совместно с другими просвещенными людьми Бухары опытом своей загубленной новометодной школы многих убедили в преимуществах нового метода обучения. «Люди, которые видели порядки и обучение в новой школе, уже не могли отдать своих детей в старую школу, чтобы они понапрасну не растратили годы своей жизни, вдобавок, испоганив душу и здоровье. Эти люди поневоле решили отправить своих детей в Стамбул» (27, 123). Власти же Бухары в этом направлении пока ограничивались обещаниями провести реформу в системе образования. Помощь, которую в этом деле обещало оказать русское посольство, также оставалась обещанием.

Знаменательной датой в «Истории интеллектуальной революции в Бухаре» С. Айни отмечается 4.4. 1330/ 11.1.1912 года, когда вышел в свет первый номер «Бухарайи шариф» («Благородная Бухара»), первой газеты на фарси в Бухаре которая в течение четырех месяцев была единственной в своем роде в Бухарском эмирате. После этого редакция данного издания, учтя интересы тюркоязычного населения страны, учредила газету «Туран», которая выходила два раза в неделю, а «Бухарайи шариф» - четыре раза в неделю (см.: 27, 125-126).

Интеллектуальное развитие колониальных и полуколониальных окраин Средней Азии, естественно, не отвечало интересам русского империализма и давление «просвещенной монархии» очень скоро дало знать о себе молодой журналистике Средней Азии. С.Айни с самого начала не был уверен в том, что Бухарское правительство по своей воле могло позволить деятельность средств массовой информации и об этом прямо говорит: «По существу, правительство Бухары на издание газеты добро давало, чтобы угодить посольству России, иначе никак не допустило бы, чтобы на виду у него выходила газета, которая, как следователь, преследовала каждый его шаг. И посольство, в конце концов, дало знать эмиру о необходимости запрещения газет «Бухарайи шариф» и «Туран», с чем редакция этих газет получила

уведомление: «По воле его высочества включительно с этого дня газеты «Бухарайи шариф» и «Туран» подлежат запрету» (27, 127).

Тем не менее, за непродолжительное время газеты «Бухарайи шариф» и «Туран» сумели произвести существенное воздействие, которое С. Айни определяет как «интеллектуальная и научная революция». В обществе стали более активно обсуждать состояние образовательной системы, критически оценивая его. По словам же писателя, «в мозгах молодежи проникла мысль о перепи и писании, а в головах отцов – дума о воспитании детей» (27, 128).

С. Айни, как очевидец протекавших в тех дней процессов, оказал неоценимую услугу социальной истории таджиков и Средней Азии, незаметным на поверхностный взгляд актом, зафиксировав имена наиболее активных личностей, оживших просветительские процессы в тех чрезвычайно важных днях. Абсолютное большинство из тех имен уже забыты. Мирза Мухийиддин Мансурзада, Мирза Сирадж Хаким, Мирза Абдулвахид Мунзим, Фазлиддин Махдум ибн Шихабиддин, Амиджан Махдум ибн Кази Зиявуддина Судур, Мухийиддин Махдум ибн Кази Абдулхакима Махдума Судур, Абдулхаким Махдум ибн мулла Абида, Мирза Иззатуллах ибн Абдулхай, Мирза Назруллах ибн Абдулгафур, хаджи Абдусаттар Даллал, Мирза Мустафа ибн хаджи Бурибай, Назруллахбай ибн Якуббай, Парса-хаджа Хасан-ходжа, Мирза Джалал Юсиф-заде, Гиясуддин Махдум ибн домулла Нурали (см.: 27, 129).

В 1913 –1914 гг. под влиянием новых просветительских процессов новая школа достигла заметных успехов, чему способствовали озабоченность российских властей влиянием турецкого образования, вместе с которым бухарцы могли перенимать и нежелательные протурецкие настроения. Это обстоятельство заставило русских сдерживать бухарское традиционалистское духовенство от сопротивления новой школе (см.: 27, 131-132).

Эмир Алим-хан, сообщает С. Айни, свое вступление в правление страной начал довольно беззаботно, чем ловко воспользовался глава

бухарской реакции Мир Бурханиддин. Удаленный бывшим эмиром в Кармину, он вернулся в Бухару уже главным судьей. Воспользуясь богатым арсеналом хитросплетенный, властью главного судьи, Мир Бурханиддин склоняет эмира Алим-хана на закрытие новых школ.

Следует заметить, что характеристика, которую С. Айни дает Миру Бурханиддину, не содержит ничего предвзятого, о чем он специально отмечает. С. Айни с сожалением говорит о том, что он так много указывает на низменные поступки этого высокопоставленного духовного и государственного деятеля, от которого лично для себя видел только хорошее. «Как во время своего райисства, так и когда был главным судьей, - пишет С. Айни, - ко мне он относился доброжелательно, даже выделял меня среди других. В личных делах он никогда не отказывал в моей просьбе. Без всякой просьбы или ходатайства сразу назначил меня преподавателем в медресе Хиябан, хотя по правилам и принципам, принятым в Бухаре, такое положение достигается через три или четыре ступени, да еще с тратой неисчислимых средств и вещей. Очевидцами всего этого является большинство улемов того времени и служащие суда ... Увы, история не делает выбора между друзьями и посторонними. Историограф бывает вынужден многих друзей подвергнуть критике и суровым порицаниям, а многих врагов хвалить и прославлять за их общие заслуги и высокие достоинства» (27, 142-143).

Таким образом, свою «Историю интеллектуальной революции в Бухаре» С. Айни считает строго историческим трактатом, хотя можно предъявить претензию форме изложения, применению в нем сугубо художественных приемов, риторических средств и троп. Но мы должны учесть то, что С. Айни знал лишь такую традицию историографии. И Геродот, и Абу-л-Фазль Байхаки, и Джувайни писали таким языком. Но нам более важна достоверность тех событий, которые излагает писатель, чем форма, в

которую он их вкладывает. Свое понимание, свои задачи, ответственность, корректность перед истиной С. Айни выражает глубоко осознанно.

Наступление реакции 1914 г. на образовательно-просветительские процессы в Бухаре не внушила силам прогресса то уныние, которое принесло закрытие новой школы в 1909 г. Прогрессивные силы уже имели навыки и силы сопротивления. В новых процессах просвещения уже активно начали участвовать представители высшего улемства. Некоторые судьи и правители провинций держали домашних учителей. Одним из таких личностей был Мир Икрам Махдум Судур, брат самого предводителя реакции, главного судьи Мира Бурханиддина. В том же году в Бухаре открылась акционерная библиотека «Ма'рифат», которая способствовала распространению печатной продукции.

С началом первой мировой войны вмешательство России во внутренние дела Бухары особенно усиливается. Посольство империи бесцеремонную слежку устанавливает за общественной мыслью и настроением. Основным проводником этой политики С. Айни называет некоего Шулка или Шалко, которого представляет заместителем посла. Как бы там ни было, образованные круги, особенно представители прогрессивных слоев общества, служили главной мишенью посольских шпионов, которые по спискам посольских агентов вызывались к кушбеги и лишались возможности пользоваться печатной продукцией даже самой России, разрешенной государственной цензурой (см.: 27, 144-145). Нелепость таких требований посольства С. Айни передает в одном своем курьезном вызове к кушбеги Насруллаху: «Кушбеги сказал: «Русские осведомители пишут, что они читают газеты и ведут политические беседы, в которых говорят о поражении Русского государства и победе Турции совместно с Германией... Вас в этом списке упоминаю третьим?» Я ответил: «По той причине, что покорный слуга читает газеты, да и читает порядком давно... Покорный слуга очень жаден к чтению и так жаден, что его жадность обернулась любовью. С тех

пор, как дорвался до газет и свежеизданных книг, читаю вдоволь. Если не читаю хоть один день, впадаю в удушье». Кушбеги улыбнулся и сказал: «В таком случае я хочу, чтобы Вы прервали чтение газет до завершения войны» (27, 148-150).

Писатель прервал не только чтение газет, но и оставил город и зиму провел в Кизилтеппе, где в течение семи месяцев на хлопкоочистительном заводе своего друга Мирза Мухийидина Мансур-заде занимался продажей хлопкового семя, чем остался чрезвычайно довольным.

О победе февральской буржуазной революции в России в информационно изолированной Бухаре люди узнавали главным образом по радостным ликованиям «российских подданных». В Кагане же мусульмане, русские и евреи устроили митинг с речами. Революция в России, «под защитой» которой находилась Бухара, вынудила эмира и правительство Бухары искать выход из опасного положения. Было ясно, что революция, если протянет свои щупальца на Бухару, то проглотит ее целиком. Эмир и Насруллах кушбеги в принципе изъявили согласие на реформы. Шли переговоры с дипломатами России Шульгой, Миллером и Введенским. Реформы категорически отвергали Мирза Низамиддин-ходжа Урганджи и главный судья Мир Бурханиддин. Чтобы устранить это препятствие на пути задуманных реформ Мирза Мухаммад-Шариф был назначен на место Мира Бурханиддина, а кази Абдуссамада райисом Бухары. Очень скоро выяснилось, что «революционная Россия» не собирается отпускать Бухару на волю. Посольство России дало знать эмиру, чтобы сдерживал идею реформ. С. Айни в личной беседе с одним из друзей ведет речь по этому поводу. Друг его говорит: «Реформы в Бухаре ограничиваются тем, что сменили казия и райиса, далее ничего не ожидается». На это С. Айни отвечает: «Правду говоря, реформы в Бухаре в данных условиях я считаю невозможными. Поэтому, попав в заблуждение посольскими хитросплетениями с кушбеги, встречать в эти дела бесполезно и, даже, вредно. Дело, собственно в том, у

правителей Бухары – испытанный прием: принимаясь за какое-то дело, пускает в дело какое-нибудь подставного лица. Когда же они достигают своей цели, последствия сваливают на этого подставного лица ...» (27, 178). Эти слова писателя оказались пророческими. Ведь С. Айни был убежден, что бухарская реакция готовится к провокационным выступлениям, поэтому настоятельно предостерегал прогрессивистов от «благодарственной» демонстрации по случаю объявления эмирских реформ. Но прогрессивисты все-таки свои выступления устроили, что послужили на руку реакционерам. Выступления реакции, как всегда, возглавляли муллы.

Необходимо самым серьезным образом исследовать обстоятельства реакционного бунта апреля 1917 года, чтобы выявилось степень, роль, причем, осознанных, преднамеренных, стихийных, участия разнородных элементов в событиях тех дней. Истина должна быть восстановлена на сохранившихся материалах русского посольства, всевозможных архивах, свидетельствах, воспоминаниях участников событий. Это важно для назидания живых поколений и грядущих, ибо провокации, которые были пущены в ход реакционными улемами, государственными структурами и русским посольством, по своей гнусности, бесчеловечности, дикости не вмещаются ни в какое здоровое воображение. Люди, которые десятилетиями вещают от имени Бога, сплошь и рядом показывают свое лицо без маски и проявляют себя самыми банальными лицемерами, которые не ставят ни во что основы той веры, которую проповедовали, самыми банальными лгунами. И эти лжецы направляют гнев истеричной толпы в угоду личным амбициям, глушат голос разума, совести, справедливости, человечности ревом суеверной массы, терзающей истинно верящих в святость оскорбляемых законов Бога.

С. Айни не был единственным из тех искренних мулл, которые всячески отговаривали активных просветителей Бухары, на кого без малейшего повода с их стороны, обрушился гнев толпы, и правителей. С. Айни и ему подобные

рассчитанно были избраны жертвами провокационного маневра властей, теми о которых заметили выше. Это избиение, эту расправу над просветителями С. Айни изображает на собственном опыте, дополняя его сведениями из других источников.

Когда читаешь строго документированное изложение деталей целого события, раскрывающее души, мысли, изображающие поступки людей, окружающих тебя, когда эти люди выступают на жизненной сцене совершенно с иными лицами, в которых просвещенный ум узнает персонажей мифологий, сказок, легенд, способных принять всякий угодный внешний облик. Способному к восприятию истины уму со всей очевидностью раскрывается вся глубина трагедии нравственного краха Бухары начала XX века. Таких «масок» у Карима зороастрийца не смущает почитание Деви Друджа (Демона Лжи), а в мусульманской мечети – поклонение и Сатане.

Накануне бунта духовенства и толпы С.Айни убеждал друзей не выходить вообще на улицу, а утром люди кушбеги сломали двери его кельи и под градом ударов и не заслуженных оскорблений потащили на суд совершенно равнодушных ко всем человеческим достоинствам и порокам лиц. Чуть позже, после всевозможных революций, такое явление стало обыденным делом, но тогда С.Айни это испытывал впервые и надеялся рассеять недоразумение, в которое угодил. Но в лжесвидетелях, которые будто этого мударриса видели при совершении преступных замыслов, не было недостатка. Этого известного в Бухаре муллу приспешники кушбеги беспощадно били за то, что его кровь испачкала их одежды. Этот стихотворец, который жил поэтической жизнью, жизнью отшельника, готов был скорее расстаться с жизнью, чтобы избавиться от позора. Кушбеги, который ему казался цивилизованным человеком, в сущности, показал себя не лучше своих невежественных приспешников. С. Айни этим бездушным чиновником был приговорен к смерти, но назначил 75 ударов палкой,

полагая, что он не выдержит такое истязание. Но он выдержал, выдержал и превратился в непримиримого врага этого жестокого, лживого мира.

Правительство новым райисом назначило Мусаннифа. Был избит и оскорблен на глазах у Насруллаха кушбеги главного судью Мирза Мухаммад – Шарифа. Разгул реакции, поддержанный правительством, достиг неслыханной дикости. Бежавшие в Каган прогрессивисты настояли на вмешательстве Посольства России. Русские революционеры ускорили это вмешательство. Отряд русских казаков предотвратил опасения обреченных, переправленных затем в Каган.

Пролежав 52 дня в больнице, С.Айни выходит из нее бездомным. О возврате в Бухару не могло быть и речи. Бессмысленная жизнь угнетает и такие творческие, созидательные души, как С. Айни, а вливаться в это странное говорящее пространство, откуда его выкинули чужеродные создания, он не мог думать без содрогания. Да и вернись он туда, очень скоро старые и новые завоеватели опять выжили бы его: «Бухара для С.Айни была потеряна и, слабый еще после жестокого избиения писатель, обоснуется в другом древнем таджикском городе, Самарканде. По горячим следам он переносит на бумагу свои впечатления, переживания, раздумья под названием «История интеллектуальной революции в Бухаре», которую «чужеродные элементы» спрятали от чужих глаз.

В заключительной части «Истории интеллектуальной революции в Бухаре» С. Айни высказывает некоторые свои выводы, догадки и просто «висячие» вопросы. Совершенно логично, что не искушенному, прямолинейному, поэтизированному духовному лицу остались неведомы смысл и содержание политических игр русского посольства с правительством Бухары вокруг событий тех дней. Он, по всей вероятности, о стратегических интересах царской, а затем и «буржуазной» России, о феномене «мировой пролетарской революции» умалчивает, эти понятия в структуре социально-политической мысли писателя не фигурируют. Видимо,

поэтому он не думал о том, что русские солдаты, вошедшие в Бухару по согласованию русского посольства с правительством Бухары, чтобы вызволить прогрессивистов из застенков эмира, могут быть соратниками «тroyанских коней» организаторов грядущей «бухарской революции». Тем не менее, логика протекания событий тех дней приводили С.Айни к заключению, что «бунт» специально подстроен в целях, противоположных объявленным реформам, и прямо спрашивает: «Арестовало ли [правительство] хоть одного из тех, кто создал препятствие воли эмира, выступив с бунтом. Хотя бы угрожал или выговаривало кому? Нет и нет! Ничего не сделало! Напротив, в поддержку и поднятия дезорганизующего духа выступлений бунтовщиков сделало все, что было в его силах. Требования бунтовщиков выполняло безотказно. Всех, кто был задержан по ложному обвинению в стороннике реформ, по существу всех ходили и арестовывали вооруженные агенты правительства. Эти агенты действовали по приказу кушбеги Насруллаха. Бунтовщики никого на улице или базаре не убивали, без сопровождения агентов кушбеги на чей-то дом не нападали. Они только хорошо исполняли свою задачу, которая заключалась в криках» (27, 236).

Развязка апрельского бунта убедила С. Айни в том, что правительство заранее знало кого арестует и как накажет, потому что, на задержанных на улице случайных людей люди кушбеги особого внимания не обращали. С. Айни стало ясно, что провокация с бунтом была частью хладнокровно организованного и осуществленного заговора правительства против прогресса вообще. Чистка государственного аппарата и перетряска рядов духовенства нанесли сильный удар по прогрессивным тенденциям в бухарском обществе. В среде духовенства начали возникать различные группировки по интересам. Так, против главного судьи Мира Бурханиддина, конечно, из-за его высокого поста, образовалась группировка коренных бухарцев и округи. В свою очередь, родня и близкие Мира Бурханиддина и

студенты медресе – уроженцы горных краев организовались в поддержку кулябцев, как это же было при отце Мира Бурханиддина.

Следует заметить, что нравы и поведение духовенства принесли С. Айни большое разочарование. Писатель больше не может владеть своими эмоциями и бросает в лицо муллам: «О муллы, которые хвастливо себя выставляете опорой шариата!... Будто ключи от рая в ваших руках, что часть мусульман объявляете исчадием ада! Сегодня задумайтесь: правде служили или лжи!...» (27, 253).

Тем временем младобухарцы под страхом смерти вынуждены были оставаться в Кагане, где создали организацию под названием «Совет ислама», членами которой становились и всякие другие невежественные люди. Члены организации, радикально настроенные, ждали благоприятного момента для их действий.

Рассматриваемое произведение С. Айни завершается трехстраничным параграфом, который озаглавлен: «Какую выгоду бухарское правительство получило от революции в России?» И писатель, считает, что наивысшим достижением правительства Бухары явилось сохранение существовавшего своего положения или, если это возможно, возвращение к состоянию пятидесятилетней давности, к чему стремилось оно. По мере усиления хаоса в России власти Бухары начали накапливать силы к достижению этой цели. Но, писатель подчеркивает, что методы и средства усиления оставались те же, архаичные – родоплеменность, дружина, толпа. Новый кушбеги Низамиддин-ходжа, правосудие возвратил на почву беззакония. Положение с бесправием усугубилось уже позже октябрьской революции, когда правители Бухары получили свободу от контроля русского посольства особому преследованию, подвергались сконцентрировавшиеся в Кагане прогрессивисты, ожидавшие своей участи.

Кстати, именно эти интеллектуально не подготовленные массы в недалеком будущем будут главным орудием умертвления мысли,

бездушными палачами в руках смысленных политиков 20-х и последующих годов XX в., доказывая правоту бухарского муллы, мударриса и пиитствовавшего тогда интеллектуала Садриддина Айни. Этот С. Айни был типичным образцом таджикской интеллигенции сильно деградировавшей под воздействиями внешних факторов. Даже беглое знакомство с трудами С. Айни демонстрирует его человеком глубоко духовным и религиозным. Поэтому же литературоведы, которые изображают его революционным писателем, или заблуждаются в своих построениях, или же кривят душой. Все, что в творениях С.Айни сообщает об умонастроении, душевном состоянии его, говорит о невольном вступлении писателя в ту жизнь, в которую его толкнули обстоятельства. Обман, в который «пролетарская революция» большевизма ввергла миллионы людей, а не только С. Айни, свою иллюзорность показала не сразу. За это время вся Средняя Азия уже была во власти большевизма и С.Айни поверил в большевистскую демагогию о свободе и справедливости и т.д. В начале установления Советской власти, следует признать, никто не мог предположить, что постепенно она превратится в одну из самых деспотических политических организаций во всей человеческой цивилизации. Многие и по сей день не понимают, что произошло с человеком после революционных переустройств на огромней территории планеты. По форме все, о чем говорили вожди, «партия и правительство» имелось наяву: была государственная система, но она была очень строгая, пожалуй, жестокая; была конституция, но она была бумажной и трактовалась неоднозначно...И все это было так нелепо, что не выдержало испытание жизнью. Но и за этот относительно недолгий срок своего господства Советская власть нагромодила множество других проблем к проблемам стран и народов, в частности, Средней Азии. Таджикской науке еще предстоит убедиться в архисложности унаследованного у этой власти клубка проблем.

Критическое умонастроение, формировавшееся под воздействием трудов Ахмада Дониша, «Путешествий Ибрахимбека» Зайнулабеддина Марагая, повести Сироджа Хакима и других впечатлений от окружающей действительности, и впредь выступает главной чертой самовыражения писателя, ученого и публициста С.Айни. В этом аспекте он пытается изложить свои впечатления о событиях, связанных с вооруженным нападением и захвате большевиками полуколониального Бухарского ханства. Уже 17 ноября 1920 г. Министерство культуры Бухарской Народной Советской Республики выносит решение о написании истории Бухарской революции. В соответствии с этим решением создание истории поручается Фитрату, С. Айни и Б. Солехову (см.: 114). Но на сей день участие Фитрата и Б. Солехова в осуществлении этого поручения остается не установленной. Участие же С. Айни в нем не вызывает сомнений. Тем не менее ситуация с именно «Историей Бухарской революции», как нам представляется, нуждается в уточнении. Дело в том, что «Бухарская революция», под которой подразумевалась экспансия Бухарского ханства большевиками, произошла в сентябре 1920г., но С.Айни собственноручно пишет, что «большую часть «Истории Бухарской революции» я писал в 18-19 годах в Самарканде на таджикском языке» (2, II, 185). Эти слова С. Айни написал в 1933г. в статье «Мой ответ», адресованное Бектошу. Как мы выше заметили 17(4) февраля 1918г. С.Айни в Самарканде завершил «Историю интеллектуальной революции в Бухаре», которая при жизни писателя опубликована не была. Следовательно, он по-прежнему продолжал исходить из первоначальной концепции революции относительно Бухары. В последующие почти два года С.Айни эту концепцию изложил на узбекском языке в книге «История Бухарской революции», которую завершил 23 марта 1921г. По какой-то причине публикация книги была задержана, хотя была написана по распоряжению правительства. Книга все же была издана, но в 1926г. под названием «Материалы по истории Бухарской революции». На таджикском

языке эта работа была опубликована в переводе Рахима Хашима в 1987г. (167, 14-15).

Следует заметить, что после расправы режима эмира Алим-хана с С.Айни и казни его брата он совершенно отошел от монархических иллюзий. В этой связи в начале 20-х годов в журнале «Шу'лаи инкилоб» часто печатались очерки о деспотическом правлении династии Мангитов (1747-1920), написанных в художественной форме, но содержащих много подлинно фактологических материалов. Это обстоятельство послужило поводом писателю к тому, чтобы он собрал свои очерки под единым ракурсом и в 1923г. издал их отдельной книгой под названием «История эмиров Мангитской династии». Впоследствии этот труд положил начало изучению более чем полуторавековой истории банализации культуры и цивилизации Бухары под правлением мангитского клана. Большевистской экспансии, к сожалению, эти старания С. Айни были ни к чему, они, скорее всего, служили помехой в достижении их стратегических замыслов.

Как у всякого одаренного человека, таланты С.Айни раскрывались в нужный момент и в необходимой обстановке. В тех условиях, в которых он заложил основы нового, современного персидского литературоведения в Средней Азии, мало кто мог ожидать возникновения такого возрожденческого очага на территории растерзанной многовековыми нашествиями кочевых племен и не менее алчных империалистических завоевателей. Литературоведение С.Айни появилось в качестве прикладной дисциплины, в форме антологии тысячелетней литературы, сотворенной на огромной части земли на персидском языке, как средство отстаивания прав таджикского народа на существование в острой борьбе против пантюркистов, панузбекистов. Веским ответом всевозможным врагам таджикского народа мог быть исторически не опровергаемый документ, способный заставить этих врагов прекратить свою лживую возню вокруг таджиков и их культуры. В 1925г. С.Айни приступил к созданию такого документа. С этой целью 2

марта 1925 г. он опубликовал в газете «Голос таджика» («Овози тоджик») статью «Обращение к ценителям таджикской литературы», прямо взывая к помощи тех, кто был в состоянии помочь ему в составлении антологии «Образцы таджикской литературы» («Намунаи адабиёти тоҷик»). Судьбы, процесс составления, содержание этой исторически важной работы С.Айни со всей тщательностью отражено в работах литературоведа А. Махмадаминова (86;87), поэтому за нужными сведениями мы отсылаем интересующихся читателей к указанным работам. Неимоверная трудоспособность С. Айни сделала возможным эту невероятную по сложности работу. Поэт Абулькасим Лахути, которому выпала на долю быть редактором этой работы, вспоминает о своей первой встрече с составителем антологии: «В августе месяце 1925 года я удостоился чести встретиться с уважаемым ученым. В своей комнате устод утопал в сотнях книг, а в руках держал другую. Это были «Образцы таджикской литературы» (86, 17). В 1926г. книга вышла из печати в Москве.

Предложенный С.Айни термин персидско-таджикский, конечно, сегодня уже не может удовлетворить чисто научную характеристику самоназвания единого народа, создавшего цивилизацию, культуру, религию, язык, историю, территорию проживания, перемещений, смещений и т.д., но условия, господствовавшие в 20-х годах XX в. выдерживали лишь такое определение. Отторжение Средней Азии, в географическом плане разделенной еще и на Афганистан и Мавераннахр, от Ирана, устраивало и Россию не зависимо от политической системы правления, и пантюркистов-панузбекистов. Поэтому оно выдержало критику, хотя мало-мальски научная критика установит исторический анахронизм «персидско-таджикского» определения. Тем не менее, определенная часть научного мира пошла на соглашение с ним. То же можно сказать и по поводу «таджикского языка», который сам С. Айни еще в 20-х годах называл «фарси». Поэтому «Намунаи адабиёти тоҷик», названный творцом антологии, выдержал натиск

пантюркизма-панузбекизма. Термин «таджикско-персидская литература» вскоре был признан и введен в обиход в «Намунаҳои адабиёти тоҷик» («Образцы таджикской литературы»), вышедшие из печати в 1940г. В составе редакторов этого усовершенствованного выпуска антологии был и С. Айни.

Исследования «О Фирдоуси и его «Шах-наме» (1934), «Шейхуррайис Абу Али ибн Сина» (1939), «Устад Рудаки», «Камол Худжанди» (1940), «Шейх Муслихиддин Са’ди Ширази (1940-1942), «Мирза Абдулкадир Бедил» (1954) и другие публикации С. Айни явились важными вехами в становлении иранистики в Таджикистане.

Много внимания С. Айни уделял одному из важнейших литературных шедевров начала XVI в., мемуарам Зайниддина Васифи «Удивительные события» («Бадаи’ ул-вакайи’»). Уже в 1926г. он в «Образцах таджикской литературы» дает общую характеристику произведения и его отдельные образцы. Подчеркивая важное художественное и историческое значение «Удивительных событий», ученый настаивает на актуальности исследования и издания текста книги (30, 112). Именно исходя из важности содержания «Удивительных событий» Зайниддина Васифи, как это было в его подходе к «Навадир ул-вакайи’» Ахмада Дониша, С. Айни, не дожидаясь публикации их текста, пишет цикл статей, опубликованных в журнале «Бо роҳи Ленин» (№12, 1940, №1, 3, 4-5, 1941) и «Шарки сурх» (1946, №№4-5). Культурно-историческое, историко-бытовое значение мемуаров Васифи в литературоведческой деятельности С. Айни заняло целое воссоздающее культурно-историческо-бытовое веко, освоение которого ученый считал одной из основных познавательных задач дня, момент, отображенный Васифи, поистине был одним из исключительно важных и поучительных моментов в истории Ирана и Средней Азии вообще. Исключительность этого момента, нам представляется, еще до конца не осознанна, но С.Айни сумел заложить начало этого процесса.

В 1946 г. С.Айни осуществил одну спорную в культурно-правовом отношении работу, которая была издана лишь в 1956г. Работа называлась «Васифи и содержание его «Бадоеъ-ул-вакоеъ» («Удивительные события»). Влияние этого творения Васифи закономерно можно проследить в творчестве самого С.Айни. Об этом свидетельствует такая кропотливая работа, которую в интересах широкого круга читателей осуществил С.Айни. И, следует заметить, хронологическое совмещение работы над монографией «Алишер Навои» (1948) и «Удивительным событиями» Васифи. В своей монографии С.Айни очень плодотворно пользуется материалами из мемуаров Васифи. Гератская жизнь конца XV начала XVI вв. «Основное значение мемуаров Васифи, - пишет А.Н. Болдырев, больше чем кто-либо из других востоковедов, сделавшим в изучении книги Васифи и жизни ее автора, - заключается в том, что она является единственным в своем роде документом, раскрывающим перед нами повседневную жизнь, быт средних слоев общества в городах Средней Азии и Хорасана... Мемуары являются не панегирической историей какого-либо царствующего дома, а подробным изложением событий собственной жизни Васифи и близких ему людей...Переживаемые ими удивительные приключения разыгрываются на базарах и площадях, в недрах простых кварталов города, в лавках, мечетях, медресе и частных домах городских обывателей. Таким образом, мемуары Васифи являются единственным в своем роде памятником, дающим нам яркие картины повседневной жизни и быта городского люда в конце XV-начале XVI века, как правило, отсутствующие в историографических и литературных произведениях эпохи» (56, 10-11).

Васифи живо описывает поэтические состязания где-нибудь на площади под сенью ветвистых деревьев. Еще отроком он ощущал с какой трудностью Мир Алишеру дается в чигатайской среде положить начало тюркоязычной поэзии. Васифи с подробностью непосредственного очевидца нашествия узбеков во главе с ханом Шайбаком, разгромивших начальный процесс

оседания тюркских племен рядом с иранской цивилизацией. В «Удивительных событиях» Васифи было примечательно то, что представитель уйгурской народности Алишер, воспитанник иранской (персидско-таджикской) культуры, с невероятной настойчивостью пытается создать равноценную функционирующей в обществе персоязычной литературе «автономную» художественную среду, пишет С.Айни. Сам Мир Алишер подает «удачную» инициативу, начав писать по-чигатайски под псевдонимом «Навайи» (принято писать искаженно «Навои»), но все еще пишет по-персидски под псевдонимом «Фани» («Тленный»).

Выше уже нами было сказано, что С.Айни свой труд «Образцы таджикской литературы» составил в ответ лживым утверждениям пантюркистов и панузбекистов, что слово таджик просто исторический анахронизм. Но по сведениям такого тюркского патриота, как Навои в его «Маджалис ан-нафа'-ис («Собрания утонченных»)), из 90 процентов всех авторов эпохи Тимуридов никто по-тюркски не писал «и даже и те из них, кто писал на тюрки, зачастую писали на обоих языках (как, кстати, и сам Навои)» (53, 27).

Очень досадно, что в те ответственные дни, когда С. Айни и другие патриоты таджикского народа боролись за его существование, они не смогли воспользоваться весьма важным документом, клеймящим новоявленных бездарных патриотов за счет другого народа. Речь здесь идет о «Тяжбе двух языков» бесспорного патриота тюркской культуры. Говоря о тех тюрках, которые идут по легкому пути и пишут на отшлифованном поэтическом языке многовековыми творческими стараниями сынов другой культуры, Навои пишет: «Если же у них есть способность писать на обоих языках, нужно преимущественно писать на родном языке и на другом языке писать меньше. Если они хотят посредствовать, пусть пишут на обоих языках поровну. Не должно быть такого положения, чтобы образованные люди тюркского народа целиком слагали стихи только на сартском (так в то время

хорасанские тюрки называли персидский язык. – С.Б.) языке, а на тюркском вообще не слагали, многие даже и не могли слагать, а если и слагают, то так, как сарт, говорящий на тюркском языке, а красноречивых тюркских касыд читать и исполнять не могут, а если начнут читать, то в каждом из их слов найдется сто недостатков и против каждого из их словосочетаний окажется сто возрожений» (см.: 53, 27).

Васифи принимал участие в делах чигатайцев, которые в спешке оставляли «свои» владения новым кочевникам-узбекам, военную аристократию которых ему предстояло окультуровать. Поэтому Е.Э.Бертельс писал, что «мемуары Васифи «Редкостные события» - замечательный документ эпохи». Это понимал и С.Айни, но откладывал дело на потом. И то, он сделал в компиляции «Васифи и содержание его «Бадоеъ-ул-вакоеъ», было далеко от задуманной ученым научной коррекции по этому произведению Васифи.

Глава III.

РАЗМЫШЛЕНИЯ С.АЙНИ О ЛИТЕРАТУРНОМ ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. С.Айни о необходимости самостоятельного таджикского литературного языка.

Одно из важнейших направлений научной, научно-популярной деятельности Айни в его разработках по совершенствованию современного таджикского литературного языка. Это сторона его деятельности теснейшим образом связана с коренными изменениями, возникшими в жизни таджикского народа вследствие революционных преобразований.

В новом Таджикистане вопрос о литературном языке начинает приобретать жизненно важное значение. Без верного решения этого вопроса осуществление «культурной революции» в республике, проблемы, связанные с формированием новейшей таджикской литературы, духовной жизни народа в целом было сомнительно осуществить. Накануне территориального размежевания народов Средней Азии и образованием национальной государственности таджиков возобновились, по сути дела, улезшие натиски дорусских завоевателей земель таджикского народа. Смена экспансии породила и новый виток борьбы за влияние на этих территориях. Права таджиков на жизненное пространство в Средней Азии отрицались старыми завоевателями. На страницах печати стали распространяться взгляды представителей пантюркистского сопротивления геополитической действительности, созданной русской революцией.

В 1924-1930 годы на страницах газет и журналов «Зарафшон», «Овози точик», «Бедории точик», «Правда Востока», «За партию», «Туркистан», «Роҳбари дониш», «Тоҷикистони сурх» и других изданий вокруг

таджикского языка происходили продолжительные дискуссии, которые привели к возникновению различных откровенно враждебных, по отношению к таджикскому языку пантюркистических настроений. Одно из пантюркистических течений, к которому присоединились некоторые корыстные и часто недостаточно владевших предметом своего разбирательства, категорически отрицали причастность таджиков к его тысячелетней литературе и языку, на котором она было сотворена. Так, некий Шевардин в 1924 г. в, как верный сын партии, органе Среднеазиатского Бюро ЦК КПУ(б) опубликовал статью под названием «Социальное сказание Востока». В этой статье автор вопреки очевидной истине, отрицает существование таджикского языка в прошлом и в настоящем заявляя, что: «... таджики не имели своего литературного языка и сейчас не имеют. Они пишут на языке фарси, а этот язык не всегда понятен народу» (152-110).

Не менее тенденциозную ситуацию рассматривая другой «востоковед», Б.Виноградов, который в статье под названием «Искусственный язык или живой?» (1929) писал: «Если таджики имели литературный язык, нынешнюю литературу могли бы понимать все таджики, в то время как «Одина и Камар» не понятны таджикскому читателю (152, 110). Несмотря на всю абсурдность утверждений «востоковеда», обстановка тех дней допускала такого рода тональность в серьезной печати. Обстановка или ситуация, в которой постановка и решение жизненно важных вопросов для многих народов, мы убеждены целенаправленно и правдиво рассмотрена и по сей день. При даже мало-мало научном подходе к решению сей проблемы легко можно проникнуть в суть громогласной шумихи вокруг «таджикской» проблемы в лженаучном подходе тех исторических дней. Ни чем невозможно прикрасить таджикский язык, который находился под влиянием медресе, персидского языка и тюркоязычной литературы. Поэтому этот язык преподносился ей лишним, бесполезным языком, неспособным удовлетворять требований

новой жизни, и препятствием к ней таджикам отказаться от родного языка и принять узбекский язык. Тем не менее, и по сей день остается не раскрытой причина подозрительно настойчивой позиции В.Виноградова в этнолингвистическом споре тюрков и таджиков. В статье «Вокруг таджикского языка» опубликованной в 1924 году в газете «Туркестан» писал: «Желание применения этого языка, во-первых, препятствует вхождению в новую жизнь, так как среда и ход истории препятствуют этому делу. С другой стороны, этот язык является бесполезным и лишним... по этой причине таджики городов и сёл должны принимать не отдельный язык, а узбекский язык» (см.: 82, 231). Немало было тех, кто хотел на основе уличного жаргона создать новый литературный язык. Со всеми последующими явлениями.

Тем не менее, часть таджикской интеллигенции, которая опиралась на посильную помощь неотшедших от научных принципов русских востоковедов, встала на путь неравной борьбы в защиту национального языка, культуры и будущего своего народа. Именно в такой сложной ситуации на арену борьбы вышел несветский, а отошедший от клерикальной деятельности представитель национальной интеллигенции С.Айни. Необходимо подчеркнуть, что вся научная деятельность С.Айни так или иначе связана с процессом его борьбы в защиту культурных и духовных интересов, отчаянно боровшегося за свое существование народа, породившего его. Поэтому эта его деятельность носила сугубо прикладной характер, отличающийся целым рядом особенностей, принципов от чисто академической науки.

В первой четверти XX века сталкивались противоположные мнения относительно нового национального литературного языка. Но доминировали два мнения: одно из течений национальным предлогами признать общеперсидский язык, который понятен всему персоязычному иранскому этносу. Вторая считала целесообразной формировать новый литературный стиль на основе нового разговорного таджикского языка. Ликвидацию

безграмотности, доступность знаний демосу дня и развитие его творческих возможностей считала первостепенной задачей дня. Айни был сторонником второго течения. В статье «Забони тоҷикӣ» (Таджикский язык) С.Айни обобщая все материалы периодической печати о таджикском языке, отмечает: «Я знаю, что о принятии языка на нынешнем этапе есть два основных взгляда: один из них - принятие общеперсидского языка, которым могли бы пользоваться все персоязычные люди мира, другой - простой народный язык.

Сторонники первого взгляда подчёркивают: таджикская литература и пресса - сеятель зерна революции на Востоке. Если мы язык новой таджикской литературы ограничим простым таджикским языком, то не выполним свою межнациональную функцию. Сторонники второго взгляда заявляют: наша первостепенная задача - выяснение мысли простого народа, распространение советской науки и советского образования среди таджикского народа, популяризация культурной революции среди таджиков. Если ради «межнациональности» выведем таджикский литературный язык из употребления народа, то часть таджикской массы лишится знаний. Лично я - сторонник второго взгляда, так как «Аввал хеш, бад дарвеш» (Своя рубашка ближе к телу) является одной из известных таджикских пословиц» (XII, 361-362).

В своих статьях «Вокруг персидского и таджикского языков» (1928), «Таджикский язык» (1928) и «Мой ответ» С.Айни затрагивал важнейшие проблемы таджикского языка. При этом на фактах он доказывал, что принятие персидского языка в том состоянии, в котором он находился в те дни, представляется не целесообразным, ибо 60-70% его состава образует трудновоспринимаемая арабская лексика, которая не очень понятна не только таджикам но и основной массе иранского населения основе сравнительного анализа грамматического строя персидского и таджикского диалектов, их фонетических, лексических и стилистических особенностей.

С.Айни делает вывод, что «простейшим и чистейшим из персидских диалектов является таджикский» (XI-2, 353).

Весьма вероятно, что в силу политических репрессий С.Айни не успевал прорыть грань между различными культурно-языковыми явлениями, отчего некоторые его выводы остаются спорными и по сей день. Но ученый свою позицию отстаивал фактами истории литературы и живой действительности.

С другой стороны, нам представляется, что многие вопросы, которые затрачивал С.Айни, в те дни были неразрешимы просто научными средствами. Далее, он уже на именно «исторических фактах» отстаивал этническое единство «таджиков», тогда же и «персов». Айни доказывает, что таджикский язык проще и чище персидского. На основе важнейших лексикологических, грамматических и стилистических особенностей. С.Айни показывает суть общенационального языка и пишет: «язык таджикского народа - это язык, который должен понимать таджикский народ, чтобы в построении предложения, в метафорах, аллегориях, пословицах соблюдались свойства и дух таджикского языка» (XI-2, 363).

В новых исторических условиях С.Айни решительным образом ставит вопрос о демократизации языка, приближении функционировавшего литературного стиля к народным, массовым, что соответствует его предложенным выводам о свойствах литературного языка. Отмечая чрезвычайно важную роль живой разговорной речи в деле формирования и совершенствования литературного языка, писатель указывает на пути использования общенародного языка. В своих статьях «Мой ответ» (1929), «Открытое письмо товарищу Толису» (1948), «Открытое письмо товарищу Таджиеву» (1952), а также в отдельных критических заметках к произведениям Дж.Икроми, А.Дехоти, Р.Джалиля, М.Миршакара и др. С.Айни в свое время высказывал весьма важные и актуальные мысли и доводы.

В двадцатые годы в Средней Азии, в том числе был осуществлен переход на латинский алфавит. Этот дискриминационный акт был осуществлен со ссылкой на сложность освоения арабского алфавита, что «препятствовало» ликвидации безграмотности среди населения. В 1927 году в Самарканде был создан центральный Комитет по принятию нового алфавита. В 1926-1928 годах происходили острые дискуссии по этому поводу. Айни с другими представителями интеллигенции и сторонниками латинского алфавита активно участвовал в этом процессе. При этом он внимательно следил за тем, чтобы в решении этого вопроса не были допущены какие-то искажения. Этому вопросу он посвятил свои статьи «Новое время - новый алфавит» (1927), «Исторический вопрос вокруг нового таджикского алфавита» (1928). В них он подчёркивая важность перехода к новому алфавиту, разрабатывал теоретические положения этого вопроса, не забывая при этом его слабые стороны. Он настаивал на организованном решении вопроса, тщательном изучении особенностей таджикского языка и его диалектов. Для успешного завершения этой задачи Айни привлекал внимание интеллигенции, участников консультативного совета, научных конференций и представителей Центрального Комитета нового алфавита к тому, чтобы при принятии проекта латинского алфавита учитывались фонетические особенности таджикского языка. В своих публикациях С.Айни призывал общественность и ответственных к вдумчивости, осознанной важности и ответственности исторического события в культурной жизни народов. В частности он писал: «Это не маленькое дело. Оно не рядовое и повседневное дело, а историческое событие, подобное которым в жизни наций происходит ряд изменений в жизни наций (IX-2, 356). Как члены Центрального Комитета нового алфавита, С.Айни совместно с А.Лохути, Фитратом, А.Мунзимом, Рахимом Хашимом, Нисаром Мухаммадом (председателем Комитета), Абидом Исмати (секретарём) и другими за

короткий срок провели большую культурно-просветительскую работу, связанную с этим мероприятием среди трудящихся.

3.2. Лексикология и лексикография

С.Айни, как мы показали в предыдущих главах настоящего исследования, был убежденным сторонником интеллектуальной революции, чему сильно препятствовал чрезмерно подверженный арабизации книжный стих таджикского языка тех дней, в своих научных и литературных произведениях, в частности, в «Истории мангичитских правителей Бухары», «Истории Бухарской революции», «Бухарских палачах», «Одине», «Образцах таджикской литературы», «Дохунде» «Рабах», «Ядгари», «Поединоке человека с водой» «О Фирдоуси и его «Шах-наме», «Шайхурраисе Абу Али Сина», «Камале Худжанди» «Устаде Рудаки», «Восифи ва хулосаи «Бадоеъ-ул-вакоеъ», «Алишере Навои», «Смерти ростовщика», «Воспоминаниях», «Мирзо Абдулкодире Бедиле», а также в статьях и письмах он разъясняет труднодоступные слова и словосочетания, которые составляют основную часть его лексикографической работы.

В 1936-1938гг. С.Айни пишет «Полутолковый таджикский словарь для таджикского литературного языка». («Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик»), в котором собрал наиболее целесообразные на то время образцы письменной и устной речи. Большая важность этой работы прежде всего заключается в том, что многие слова С.Айни ввел в лексикографическую практику впервые, скатив необходимые толкованиями.

В толковании слов и фразеологизмов классической литературы С.Айни чаще всего пользовался «Гияс-ул-луғатом» Мухаммада Гиясиддина и «Бурхан-и кате» Мухаммада Хосейна Табризи, которые включают в себя

богатую лексику с достоверными сведениями. Но при внимательном сравнении «Полутолкового таджикского словаря для таджикского литературного языка» с предшествовавшими словарями показывает, что С.Айни нередко к применению, использованных своих источников подходит критически. При этом в большинстве случаев при толковании слов выдвигает собственные аргументы. Одновременно он указывает на семантические изменения, происшедшие с течением времени в составе лексики, или же, отдельных словах.

Следует констатировать, что словарь С.Айни по охвату лексики живого языка не имеет себе равных в Таджикистане. Сам автор подчёркивает, что он в большей мере собирал те слова, которые ожидали своего часа в сокровищнице живого языка народа, но до сих пор не объединены вместе и не использованы в письме вовсе или же использованы чрезвычайно мало (XII, 19).

Живой разговорный язык народа С.Айни считал одним из основных источников развития литературного языка.

«Полутолковый словарь» С.Айни, без всякого сомнения, продолжал и развивал первоначальную просветительскую концепцию, изложенную им в «Истории интеллектуальной революции в Бухаре». Поэтому этот труд и по сей день продолжает сохранять свои научно-прикладные ценности и значения. Можно к этому ещё добавить, что пример С.Айни сам по себе имеет огромное гражданское значение, и мы убеждены, что он нуждается в возрождении и в наши дни.

«Полутолковый словарь» языка имеет огромное научное и практическое значение в обогащении лексического состава и словарного запаса языка, в изучении и освоении классического литературного наследия, истории языка, исследовании грамматики таджикского языка, истории таджикской лексикографии, чему подтверждение слова выдающегося исследователя персидско-таджикской литературы Е.Э.Бертельса, который

говорил: «Эта книга --клад из драгоценных жемчужин, произведение, которым тысячи людей могут в течение долгих лет пользоваться ею» (52,63).

С.Айни в области лексикографии пользовался непререкаемые признанием. Именно поэтому двухтомный русско-таджикский словарь, изданный в 1932-1934 гг. в Ленинграде, вышел в свет под непосредственным руководством Айни. Свою весомую лепту он вложил и в совершенствование в русско-таджикского (1949) и таджикско-русского (1954) двуязычных словарей.

Начальный этап становления таджикского языковедения весьма нуждался в глубоких познаниях С.Айни в области грамматики персидского и арабского языков. И, действительно, ученый оправдал такие ожидания. Уже с первых своих публикаций ученый выражал неудовлетворенность состоянием языкознания в статье «О состоянии таджикского языкознания», написанная в (1952) г, заслуживает особого внимания. Резюмировав, написанные к тому времени публикации о таджикском языке, С.Айни заключает, что таджикское языкознание не отвечает потребностям дня. Указав на серьезные ошибки, умевшие место в таджикском языкознании, ученый предлагает приложить все силы к тому, чтобы поднять уровень языкознания до необходимой высоты. Резко выступив против голого описательства, С.Айни требует покончить с дилетантством в языкознании и встать на позицию научной методологии языковедения (XI, 5-6).

С.Айни приложил много усилий в совершенствование первого двуязычного русско-таджикского словаря. Им было предложено много терминов ремесел, названия рабочих инструментов, различных литературных терминов, которые обогатили содержание словаря. В словаре нашла свое место лексика живого разговорного языка.

С.Айни участвовал в предварительном обсуждении таджикско-русского словаря (1939), который был издан в 1949 году. Им был написан отзыв на таджикско-русский словарь 1954 года.

С.Айни как он пишет в своей биографии, 1936-1938 гг. составил словарь литературного языка, состоявший из 11400 слов. Этот словарь был издан в 1976 году в его «Полном собрании сочинений» (12 том) под названием «Полутолковый таджикский словарь для таджикского литературного языка».

Айни также выявляет другие недостатки предыдущих толковых словарей и приходит к заключению, что «более половины из них - это слова, вышедшие из употребления, часть же из них потеряла своё первичное значение и в современной таджикской литературе, и в живом таджикском языке приобрела другое значение» (XII, 36).

С.Айни был убежден, что лексика, собранная в новом словаре, может удовлетворить нужды и тех, кто читает произведения классической литературы, и достаточна для правильного восприятия изящной литературы.

Часть лексики нового словаря сам С.Айни собрал из устной речи. Это он сделал для тех, кто хотел посвятить себя литературе, но недостаточно знает устную речь. По подсчетам С.Айни в словаре им истолковано более 11000 слов, равно половина из которых собрана из устного обихода.

Толкование лексики в лексикологии считается одной из сложнейших задач процесса сотворения словаря. Это связано с тем, что в толковый словарь приводятся отраслевые слова и термины, стилевые расхождения, лексика разных веков и времён.

Другой вопрос, вокруг которого и по сей день спорят специалисты и языковеды других стран об общности и различии таджикского и иранского говоров персидского языка. Этот вопрос был решён в 1928 году в статье С.Айни «Вокруг персидского и таджикского языков». Те, кто затрагивал тему с иным, чем С.Айни решением, не был осведомлен о его статье, или же игнорировал её, а решение в ней было найдено целиком и верно.

В статье С.Айни указывает на недостатки существующие в таджикском языкознании и намечает путь выхода из сложного положения. Ученый

направляет внимание специалистов к изучению лексического состава, функционирующего языка, профессиональному исследованию свойств и закономерностей его истории, конкретному выяснению его грамматических основ, а также не оставить без внимания и другие вопросы, связанные с этим. Научные достижения С.Айни оказали эффективное влияние на развитие таджикского языкознания в последующие годы. Этому процессу в значительной мере способствовал опыт языковедческой деятельности самого ученого, при которой постоянно проявлял те профессиональные качества, незыблемость которых требовал в других: ответственность, мудрость и рассудительность в изложении мыслей; достоверность фактов положенных в основу рассуждений анализ, отчего зависит обоснованность заключения в исследовании. Особую требовательность, в этом отношении, он проявлял к молодым исследователям. Весьма поучительный пример подобного свойства можно прочитать в публикации академика Б.Н.Ниязмухаммадова, одного из многочисленных его учеников: «Однажды С.Айни пришел в Академию и передал мне стопку рукописей и сказал: «Эта рукопись – текст моего вчерашнего доклада «О состоянии таджикского языкознания». За вчерашние сутки я семь раз исправлял ее. Теперь, я полагаю ее можно считать удовлетворительной. Вы сначала прочтите ее, затем отпечатайте на машинке. Тогда опубликуем ее в журнале «Шарки сурх» (96, 292).

Воспоминание Б.Н.Ниязмухаммадова относится к 1951 году. В то время С.Айни был Президентом АН ССР Таджикистан и ему уже было 76 лет, Ниязмухаммадов же был его заместителем.

Спектр посвящённых Садриддином Айни публикаций, посвященных языку весьма широк, среди них есть и сугубо теоретические и научно–прикладные инструкции для решения различных вопросов таджикского литературного языка. Нам представляется, что научное наследие С.Айни ещё не исчерпало свою актуальность и в будущем будет способствовать

формированию естественной, очищенной от исторических применений грамматики таджикского языка, что всегда была главной заботой ученого.

Статьи С.Айни, написанные о языке, посвящены практическим задачам таджикского языка, совершенствованию норм таджикского литературного языка, восстановлению достоверности закономерностей и правил, которые со временем вжились в язык. Ещё в конце 20-х годов XX в. всевозможные проблемы литературного языка находились в центре внимания таджикской интеллигенции. В этот период были опубликованы статьи С.Айни «Вокруг персидского и таджикского языков» (1928), «Таджикский язык» (1928), «Историческая проблема вокруг нового таджикского алфавита» (1928), «Мой ответ» (1928) и другие. В них ученый определяет основы таджикского языка и его историческую судьбу. Языковедческие вопросы С.Айни также затрагивает и в работах другого характера. В этом отношении заслуживают внимания заметки С.Айни о языке и стиле произведений писателей «Доброе дело в его выполнении» (1934), «Открытое письмо товарищу Толису» (1948), «Некоторые заметки о состоянии языкознания в Таджикистане» и других статьях и письмах писателя.

Внимание С.Айни притягивают все основные, вопросы словообразования, лексики, фонетики, синтаксиса, орфографии и стилистики.

3.3. Текстологическая деятельность С.Айни

Начиная с 1924 года, Айни опубликовал немало статей в газете «Овози тоҷик», журнале «Рахбари дониш» о проблемах книжного таджикского языка, таджикского алфавита и т.п. В статьях «О таджикских школьных учебниках». «О литературе и школьных учебниках Таджикистана»,

«Таджикские книги» автор ставит вопрос о языке и книжной стилистике, его обновлении и упрощении.

Лингвистическая деятельность Айни длилась в течении всей его творческой деятельности. Его заметки о языке и творческом стиле некоторых современных таджикских писателей, лексикологические лексикографические и грамматические пояснения по тексту этих произведений свидетельствуют о его глубоких размышлениях над вопросами языкознания. Размышления С.Айни о персидско-таджикской литературе в основном охватывают четыре вопроса:

1. Историческая этническая общность и единство таджикского и персидского языков.
2. Сохранение в таджикском языке большего количества фонетических, лексических и грамматических элементов языка классической литературы.
3. Сложность языка иранской прессы.
4. Появление фонетических, лексических и стилистических расхождений в таджикском и персидском (иранским) языках.

В статье «Вокруг персидского языка» на вопрос о различиях между таджикским и персидским языками С.Айни дает такой ответ: «Тот, кто не достаточно знаком с таджикским языком, может спросить о различиях между ним и персидским языками. Тот, кто знаком с новой персидской и таджикской литературами, хорошо знает, что между ними нет особой разницы», в статье же «Литературные связи Средней Азии с Ираном» пишет, что несмотря на разрыв политических и экономических контактов между таджиками и иранцами, духовные и языковые связи между ними продолжали сохраняться.

Указывая на общность литературного языка в языке классической литературы и языке современной таджикской поэзии, Айни допускает существование фонетически и диалектизмов между таджикским и иранским персидским языком.

С.Айни также отмечает сохранение в таджикском языке первозданных лексико-грамматических особенностей языка классической литературы. С.Айни ещё в 1929 году писал: «Язык таджикских горцев был беспримесным фарси, не мешаный с сильно арабизированным иранским фарси и более соответствует морфологии и синтаксису персидского языка» (ХП-2,56).

Одна из таких особенностей - это сохранение звуков «ё» и «иа» («вов пассивный» и «йа пассивный неизвестный»). Айни опровергает мнение некоторых языковедов, будто таджикский язык - это один из искаженных диалектов персидского языка. «Некоторые не знают таджикский язык, поэтому считают его, т.е. языком таджикского народа, искаженным персидским языком. Если закрыть глаза на некоторое частичное влияние узбекского языка, то «простейшим и достовернейшим диалектом персидского языка является таджикский язык» (133, 67).

Когда речь заходила об общеперсидском литературном языке, его сторонники под этим понятием подразумевали язык иранской прессы 1920-30-х гг. Айни это мнение не разделял. «Если говорить о языке нынешней иранской прессы,- писал он, - проблема получит иной оборот, ибо язык нынешней иранской прессы на 60-70% состоит из малопонятных арабских слов и словосочетаний и не думаю, что даже всякий образованный иранец хорошо понимает смысл этих слов, не говоря уже о таджиках» (134, 97).

На конференции таджиков Узбекистана С.Айни говорил, что в речи между таджиками и иранцами имеются расхождения в структуре предложения и лексики.

С.Айни воспринимал язык не только как средство общения, но и как чрезвычайно сложную лексическую, фразеологическую, грамматическую и стилистическую систему: «Таджикский народ должен владеть языком в построении предложения, в метафорах, аллегориях, пословицах; в лучших бейтах должны проявляться его особенности и дух.

В своих литературных произведениях, трудах, публицистических статьях, словом, при любой возможности С.Айни искал пути и литературного языка, возможности самостоятельного развития литературного таджикского языка.

Уже двенадцать веков новотаджикский язык достойно служит его носителям. Если на эту историческую протяженность взглянуть посторонним глазом, то трудно поверить в способности этого языка. Видимо, поэтому после революции возник вопрос о упрощении, демократизации языка.

Сегодня трудно вообразить в полной мере обстановку, в которой С.Айни начал работу над языком и культурой своего народа. Сказать, что он решал очень сложные вопросы идеально, это глобальные вопросы, которые он решал без научной базы, а проще говоря, умозрительно, больше не нуждаются в пересмотре, и нельзя не признать его огромный вклад в таджикскую науку. Процесс упрощения стиля языка он не считал лёгким делом. Он так и писал: «Выполнение этой задачи является нелёгким делом, так как упрощение языка препятствует объяснению мысли. Многие вещи, которые нужно передать в речи, не подаются средствам улицы и базара. То есть для того, чтобы «и волки были сыты, и овцы целы», нужно приложить усилия, чтобы язык стал простым (134, 59).

Айни, сперва уделяет внимание языку и стилю учебников, после чего переходит к поиску путей их исправления. В первых своих статьях он напоминает о недостатках языка тех небольших книг, которые были изданы для обучения в Бухаре и Самарканде до революции: При этом он указывает на неумолимый ход истории: «Эти книги не только не соответствуют методике обучения, но и имеют немало языковых недостатков» (95, 107). В статье «Таджикские книги», говоря о первой грамматике таджикского языка (составитель С.Ализода), он обратил внимание на обилие арабских слов и терминов.

С.Айни с позиции стилистических достоинств оценивал произведения и предшественников. Произведения, которые доставляли наслаждение жертвенным изяществом, но не омрачали читателя преднамеренным осложнением языка, он считал выдающимися образцом литературного творчества подобного рода произведения, он представлял вечным источником развития национальной культуры

В языковедческой концепции С.Айни литературный язык должен питаться двумя важными источниками, языком классической литературы и живой речи. С другой стороны, Айни писал, что в произведениях предков есть немало непонятных арабских слов, поэтому необходимо вывести из обихода эти арабские слова, которые не понимали даже выпускники медресе Бухары, и заменить их доступной лексикой и составлять предложения на простом таджикском языке» (134, 59). Эти меры С.Айни предложил на основе своего творческого опыта, послужившего заметному сдвигу литературного языка в сторону развития. Писатель чутко улавливал, что этот язык становится более доступным широким слоям населения, не утрачивая лексические и грамматические возможности письменной речи, даже укрепляя их в системе литературного языка.

С другой стороны, С.Айни все более убеждался в том, что лексические ресурсы литературы прошлого для дальнейшего развития литературного языка недостаточны. Для этого нужно было обратиться к живому языку. В статье «Мой ответ», С.Айни об этом пишет: «Минувшие словотворцы, которые имели дело с венценосцами и дворами, чурались писать о справедливости и лачуге. Мы сегодня изображаем жизнь дехкан и вынуждены говорить обо всём том, что связано с ними» (XI-2, 378). Айни более чем кто-либо другой из культурной среды осознал необходимость в совершенствовании таджикского языка и подчёркивал, что это дело не решается перелистыванием страниц литературных и художественных творений предшественников, поэтому опять нужно обращаться к народному

языку. Нужно теснее общаться с народом, - говорил он, - который живёт в наше время, прощупать его живой язык. И тогда рано или поздно пустое на сей день пространство заполнит научно-выверенный таджикский язык («Матбуоти тоҷик», 1926).

Как, писатель, С. Айни в изображении жизни, событий и фактов, в изложении своих мыслей не прибегает к помощи искусственных стилей. «... нужно, - говорит он, - отказаться от гиперболизмов и восточной аллегоричности и изобразить все вещи реально».

Углубление в изучении классической литературы привели Айни к ожидаемому выводу: коренные таджикские (иранские) слова необходимо сохранить как в литературном языке, так и в живой речи. Они должны находиться в употреблении и использоваться в литературном языке. Относительно этого Айни ответил поэту Мунзиму следующим образом: «Будьте спокойны, подобно «голодному», пока живы таджик и перс, ни одно лёгкое слово не умрёт. Эту фразу произносит и таджикский народ, и иранский народ».

В тридцатые годы многие представители таджикской интеллигенции, получившие в советское время и не читавшие произведения классиков, не знали живого языка, его диалекты, лексику, профессионализмов, в общей сложности и лексический состав литературного языка, тормозили процессы и развитие литературного языка. Если они не понимали семантику того или иного слова, то не давали «добро» на издание художественного произведения. По этому поводу Айни писал А.Лахути: «Когда ответственные за язык не знают язык классической литературы, живой язык народа, то ставят условие: «пиши так, чтобы понимал я». В этом случае - горе мне и таким, как я» (117).

Применение средств устной речи в произведениях Айни не выходит за рамки определенной нормы. Иными словами, каждый писатель, редактор и журналист, пользующийся живым языком, применяет его не в разговорной,

диалектной форме, а в форме литературного языка. Каждый редактор и журналист должен соблюдать нормы персидского языка. В этом случае газета становится источником словесности народа, из которой больше других извлекают пользу таджикские писатели, и обогащают свой словарный запас.

С. Айни отстаивал, что живой язык народа нужно использовать в духе требований литературного языка: и слова должны писаться в литературной форме, так как в наших диалектах они могут иметь различную форму. С. Айни при этом исходил из того положения, что в те годы устная речь ещё не была изучена, множество исконно-таджикских слов не находило путь в литературный обиход, поэтому вместо них использовались труднодоступные книжные или иноязычные слова. Поэтому он призывал писателей обратить внимание и к этому источнику национального языка. Таджикский язык, утверждал С.Айни, еще достоверно не исследован, поэтому мы вынуждены взаимодействовать арабские или русские термины.

Наши писатели не ходят по горным сёлам и поэтому пользуются малопонятными словами, которые находят в книгах. Эти трудности будут преодолены лишь тогда, когда наши писатели будут ближе к народу и лучше узнают его. Тогда таджикский язык прессы постепенно станет проще, чем сегодня и «станет простым персидским языком» (XI, 355).

Чтобы разговорная лексика получила права литературного языка, ее необходимо очищать от шероховатостей и диалектологических разбросов, подчинить единым грамматическим нормам. «Писатель – говорил он, - должен на все сто процентов пользоваться языком народа и его диалектами. Но речь отдельных говоров должна соответствовать определённым нормам, отшлифованным по канонам литературной речи, доступной читателю» .

Писатель особо подчёркивал непреложное значение литературного языка как общенационального достояния и уверял, что книга не пишется для одного района, одного города или одной области, а пишется для всего народа, говорящего на этом языке.

Таким образом, в разбросанных публикациях, С.Айни постепенно определялись лексические, грамматические и стилистические нормы общетаджикского литературного языка, хотя одновременно с этим проявлялись попытки к большей привязанности к диалектизмам: некоторые писатели пытались включать в литературный язык грамматические формы, которые не имели общетаджикский аспект. Такие отклонения С.Айни классифицировал не только как нежелательная тенденция, но и вредное для положительного развития таджикского литературного языка, явление.

Опираясь на собственный творческий опыт общения с устной речью народа, Айни делится этим опытом с творческой интеллигенцией: «Я на собственном рабочем опыте убедился, что язык народа - это не иссякаемая кладезь сырого материала. Задача писателя же заключается в том, чтобы он обрабатывал этот сырой материал в своей голове и возвращал народу. Тогда народ с благодарностью примет этот взаимоприятный материал»

Приблизительно то же самое Айни в своём письме советует писателю Пулоду Толису: «... пользоваться литературным языком и разговорной речью не значит то, что писатель пользуется труднодоступным языком и при этом требует от читателя освоения своего стиля, нет, а значит, что писатель должен писать так, чтобы каждый читатель четко воспринимал его речь. В то же время его письмо должно отвечать требованиям норм литературного языка» (С.Айни, ПСС, XI, к.2, 385).

Исторически протаджикский (иранский) язык взаимодействовал со многими языками. Последними языками в этом процессе, конечно, были арабский, тюрко-монгольские и русский языки. Заимствования, в частности, из этих языков не всегда были вынужденными и необходимыми. В публикациях С. Айни, естественно, это обстоятельство также было затронуто. Здесь ученый занимал принципиальную позицию: необходимость и целесообразность. Он был свидетелем напора обстоятельств на неизбежность развития языка. Поэтому он трезво принимал неизбежность

появления новых слов и терминов, которые требовали идентификации и систематизации.

С. Айни придерживался мнения, что опасаться угрозы иноязычных слов, вошедших в словарный фонд языка нет оснований, так как если читатели сегодня их не понимают, то завтра обязательно поймут. В своих воспоминаниях С. Айни пишет, что слова, перешедшие из европейских языков, мы примем так, как они звучат, если, конечно, они не имеют аналога в нашем словарном запасе. В последние годы жизни С. Айни пришел к убеждению, что писатель должен быть знатоком языка, а языковеду не обязательно быть писателем. Писатель обязан изучать и знать теорию языка, его законы и правила.

Проблема алфавита, в частности, двукратное административное изменение таджикского письма, и по сей день остается спорным вопросом современной культуры. Но позиция С. Айни относительно таджикско-латинского алфавита была однозначна, за переход. Стоит напомнить, что замена арабского алфавита латинским письмом ещё до русской революции частично происходила в Иране, Турции, Маверауннахре и на Кавказе. Часть интеллигенции придерживалась мнения, что арабский алфавит препятствует успешной культурной революции на Востоке.

Пересоязычные учёные, как пишет С. Айни, выход из положения видели в отказе от арабского алфавита и переходе к латинскому алфавиту. В 1927 и 1928 гг. он сей вопрос отразил в двух статьях «(Новый мир - новый алфавит» и «Исторический вопрос», опубликованные в газете «Рахбари дониш». При этом он особое внимание уделял двум обстоятельствам: 1. Новый алфавит непременно отражал звуковую природу живого таджикского языка. 2. Новый алфавит графически должен быть лёгким и доступным и способствовал быстрому освоению.

В новом алфавите С. Айни считал необходимым графическое отражение исторически долгих звуков *ї*, *ў*, а также *и*, *у*. Необходимым

условием при этом он считал предварительное изучение таджикских диалектов. Были учтены С. Айни и ряд других моментов звукового состава таджикского языка.

В латинском алфавите, конечно, для отражения всех звуков таджикского языка не доставало букв, поэтому Айни настаивал на том, чтобы никаких ущемлений звуковой природе таджикского языка допущены не были, чтобы оговорками о несовершенстве латинского языка естественная звуковая система древнего языка не была искажена. При обращении к персидским книгам и словарям мы неизбежно сталкиваемся с «ваве известном» и «ваве неизвестном», а также с «йа известном» и «йа неизвестном». Эти отдельные «вав» и «йа» до сих пор в таджикском языке сохранились и по сей день. Каждый таджик шер (лев) произносит с «йа неизвестным» и шир (молоко) - с «йа известным». С. Айни настаивал на сохранении в новом алфавите и этих звуков. В целом же он в то время хотел бы иметь дело с графически легким и практически недорогостоящим.

При переходе на новый алфавит С. Айни также не упускал из виду вопросы орфографии, высказывая полезные мысли. «Раньше, - говорил, в частности, он, - при господстве арабского алфавита писатель писал с удовольствием, а читатель читал с удовольствием» (XI, и 2, 356).

Следует заметить, что в письме с латинским алфавитом находили отражение все звуки. Здесь сложность заключается в том, что в Бухаре, Самарканде и Фергане говорят «худам», поэтому следует писать «худам», но южане говорят «худум» или же «хъдъм» и если то в этом случае в этом звучании почувствуют себя ущемленными бухарцы, самаркандцы и ферганцы. Но, надо сказать, обстоятельства оказались сильнее таджикского общества, вскоре нам навязали другой алфавит, а проблемы с правами регионов остались нерешенными и по сей день» (XI, и. 2, 369).

Тем не менее, была принята новая орфография, за соблюдение которой С. Айни строго настаивал. Айни подвергал резкой критике писателей,

которые не соблюдали норм орфографии таджикского языка, так как они возвращали народу разорванную лексику его языка. Причину разнобоя в произношении и разных грамматических форм С. Айни видел в том, что в старых школах и медресе таджикский литературный язык не изучался как отдельный предмет.

Задачу писателя С. Айни видел в бережном отношении к нормам литературного языка, сотворенного десятками поколений предков. Он писал: «Таджикский литературный язык имеет тысячелетнюю историю и устойчивый грамматический строй, но до Октябрьской революции на эту тему не было проведено исследований, которые бы отражали все грамматические особенности языка, так как в наших старых школах и медресе родной язык не изучался в качестве отдельной дисциплины» (XI и, 2, 350).

Недостаток прошлых грамматиков С. Айни видел в том, что они, сидя в тёмных кабинетах, не исследовали ни классическую литературу, ни живой язык. Придумав сомнительные правила, они отвергали все, что не соответствовало этим правилам. В «Образцах таджикской литературы» он подвергает критике книгу по морфологии и синтаксису, написанную поэтом Васли, за то, что она была написана по типу арабской грамматики.

С другой стороны, в книгах встречалось много арабских слов, особенно непонятных, недоступных обычному читателю термины. Позднее эти термины были заменены другими, но часто, к сожалению, не совсем удачными. По словам Р. Хашима, заново отредактировав эту книгу грамматики (морфологии и синтаксиса) С.Ализаде и издав её в 1928 году, С. Айни внес существенный вклад в развитие языкознания. Но вклад ученого в совершенствование таджикского языка, сказанным не ограничивается. Во многих статьях и иных его работах мы находим размышления ученого над морфологией и синтаксисом современного таджикского литературного языка.

3.4. Самосознание и национальное самосознание

Необходимо признать непреложный факт, что до большевистской экспансии Бухары в сентябре 1920 года во взглядах и, следовательно, сочинениях С.Айни национальные вопросы и религиозное мировоззрение никакими четкими гранями не разделялись. Этнический национализм в его восприятии мог проявиться в бытовой форме, без теоретической базы. Нация для С.Айни могла выразиться как понятие «умма». Так, во введении к «Тартил ал–Кор’ан» он писал: «Священный город Бухара в каждой эпохе с древних времён был источником науки и местом сборища улемов и мудрецов. Наши предшественники всецело служили науке и вере, достигнув звания муджтахиды стали духовными наставниками в мире ислама. Сочинения книг по законоведению, богословию, наставлению и т.д. стали для нас и наукой и образованием. Нам необходимо извлечь пользу из этих произведений и последовать им. С целью служения нации была образована «Ширкати Бухара».

Как было отмечено выше, в Бухарском эмирате жили представители разноязычных этносов. Кроме таджиков это были узбеки, тюрки, туркмены, иранцы и афганцы. Но не вызывает сомнения тот факт, что ведущими творцами книжной культуры в исламском мире были представители иранского этноса, в том числе и таджики.

Творческая деятельность Айни довольно многообразна. Кроме большого количества публицистических статей и очерков, романов, повестей и рассказов, он даёт насыщенную информацию о жизни народа, где большей частью ведётся речь о национальном самопознании. Некоторые его произведения, написанные на таджикском языке, «терялись» в издательствах. Это произошло, в том числе с «Бухарскими палачами», «Историей интеллектуальной революции в Бухаре», рассказ «Трагедия одного молодого

бухарского учёного». После этого он вынужден писать свои произведения на двух языках. В этом случае произведения, написанные им на узбекском языке, издаются быстрее. И при всех помехах и препятствиях С.Айни не прекращает борьбу за интересы своего народа.

Во всех своих научных и литературных произведениях на первое место ставил интересы таджикского народа. Если в дореволюционных и постреволюционных произведениях он исходил из интересов всех мусульман, то после провокаций пантюркистов он, с подчеркиванием «таджикское название», непосредственно защищал его интересы. Если в «Истории Мангитских эмиров Бухары» изображается гнёт и насилие потомка Чингиза в отношении мусульман Бухары, то в «Истории интеллектуальной революции в Бухаре» отражается борьба этого угнетённого народа за свободу от двустороннего гнёта: мангитских правителей и правительства царской России. В этом произведении отчетливо отражается нелегкая борьба таджикской интеллигенции Бухары за пробуждение умов именно среди таджиков. «Бухарские палачи» называются «Демонстрацией трагедий новой интеллигенции Бухары», что вполне подтверждается социально-политическими процессами, которые имели место в начале века.

В статьях, воззваниях и других публицистических произведениях С. Айни, написанных в первые годы русской революции, учитываются интересы мусульман не только Бухарского эмирата. В этих произведениях речь идёт также о жителях Ирана, Афганистана, Турции, Азербайджана и других сопредельных народов. В период национального размежевания, когда таджикам практически грозила опасность остаться без Родины, С. Айни целиком посвящает себя делу защиты интересов таджикского народа. Само название его первого послереволюционного произведения - «Рассказ об одном бедном таджике» воочию показывает жизнь таджикского народа на территории Средней Азии. Если в этом произведении, впоследствии

изданном под названием «Одина», изображается гонимый представитель этого народа, но уже в романе «Дохунда» на сцену выходит гордый, непокорный таджик, который осознает путь к социально – политической борьбе. Рабы в изображении С. Айни – это обычные жертвы полудиких племен, которые еще не достигли уровня нравственного развития тех же рабов. Разбой и грабеж для этих племен еще воспевались как признаки романтической доблести и удалства. По словам С. Айни, туркменские племена из-за дурного их нрава еще при правлении эмира Исмаила Самани, были выселены с насиженных мест и поселены в широких степях, чтобы они не страдали от голода и не чувствовали себя униженными. Добро же оказанное им, обернулось злом для самих себя. Здесь, конечно, писатель напоминает современникам об исторических судьбах тех туркменских племен и созданного им государства Сальджукидов.

«Воспоминания» С.Айни - выразитель духовного самосознания таджикского народа. По словам М.Шакури, если в повести «Одина» и романах «Дохунда» и «Рабы» социальное самопознание простого трудящегося подвергнуто художественному исследованию, то в «Воспоминаниях» «социальное самопознание выходит за рамки сословной ограниченности и переходит на плоскость духовного самосознания».

Другие статьи С.Айни «Таджикское племя и газета», «О таджикской школе и образовании», «О таджикских школьных учебниках», «Горные таджики» и другие подтверждают нашу мысль.

«Образцы таджикской литературы» представили всему миру далеко не полную картину художественного творчества таджиков за последнее тысячелетие. Это был ответ писателя-борца недоброжелателям своего народа. В «Образцах таджикской литературы», других публикациях С. Айни приводятся сведения о жизни и творчестве Рудаки, Абу Али Сина, Фирдоуси, Саади, Васифи и других великих персидско-таджикских деятелях культуры. Эти исторические факты придавали неопровержимую силу истине

борьбы С. Айни за права таджиков. В опровержение спекулятивным утверждениям некоторых сомнительных востоковедов, которые выводили таджиков за пределы единой этнокультуры, которую уже много веков пытаются разрушить различные заинтересованные силы, но большого успеха в этом не достигли. Эта истина нашла свое подтверждение во всех указанных произведениях С. Айни, в центре его внимания лежат национальные интересы таджикского народа. В них, в ответ пантюркистской лжи, утверждается о том, что именно восточные иранцы были инициаторами и локомотивом наивысшего периода иранской культуры, особенно словесной. К примеру, С. Айни, опровергая беспочвенные претензии к этническому происхождению Абу Али Сино, пишет: «Абу Али ибн Сина будто писал все свои книги на научном языке своего времени, т.е. на арабском. Из его книг на родном языке - персидско-таджикском языке написаны только «Данишнама», «Трактат о пульсе», а также наравне с арабскими касыдами сочинены некоторые кит'а, касиды и четверостишия на таджикском языке. Здесь мы представляем краткие сведения об одной арабской книге и другой на таджикском, которые хранятся в Национальной библиотеке Таджикистана. Или по поводу Саади, которого некоторые востоковеды не согласны признавать представителем таджикской литературы, говорит: Саади не только не пугается называть себя персидско-таджикским поэтом, но и смело и четко называет себя таджиком. Загвоздка здесь в том, что он просто выражал свое национальное самоназвание, которое для всех персоязычных иранцев было «таджик».

Прочие национальные идеи С. Айни отражены в его исторических работах. Кроме «Истории мангитских эмиров Бухары» и «Истории интеллектуальной революции в Бухаре», им написаны сочинения, как «Восстание Муканны», «Герой таджикского народа Темурмалик» и «Украшение мира», в которых он затрагивает отдельные эпизоды и историю таджикского народа и его борьбу против чужеземцев. С. Айни показывает,

как захватившие его страну необузданные тюркские и монгольские племена постепенно под мощным воздействием культуры, побежденных грубой военной силой таджиков преобразует облик победителей. Мы могли бы привлечь в качестве аргумента воспоминания представителей молодежи тех лет о пробуждающей силе этих публикаций С.Айни, но ограничение возможности диссертации препятствует этому.

Когда речь шла о национальном самосознании и образцовом государстве. С. Айни почти во всех своих исторических произведениях и учебниках упоминал огромные духовные и культурные достижения таджикского народа за период правления Саманидов.

Так, в трактате «Шайхурраис Абу Али ибн Сина» он пишет, что в эпоху расцвета государства Саманидов Бухара приобрела престиж второго Багдада: ото всюду учёные стекались ко двору, росли местные учёные. Со всего света редкие книги доставлялись в библиотеки Бухары. Во введениях «Тартил ал-Кур'ан», «Истории интеллектуальной революции в Бухаре» и других произведениях этот момент он не упускает из виду.

Таким образом, в своих исследованиях С.Айни основал концепцию истории таджикской.

В воспоминаниях Дж. Икроми, А.Дехоти, Ф.Ниёзи Айни предстает наставником школы новой жизни. Они знали Айни заочно и желали встречи с ним. Восприятие внешнего облика устода Айни этими молодыми писателями способствует реальному воссозданию внешности великого писателя, каждая черта которой выражает определенное душевное состояние. В двадцатые и тридцатые годы его внешний облик изображается почти без изменений. Спустя некоторое время его внешность частично преобразует полувосточное-полуевропейское одеяние. После второй мировой войны С.Айни целиком переходит к европейской одежде: он стал одеваться как все политические и государственные личности. В эти годы китель (белый камзол) с шароварами-- галифе составляют официальную одежду С.Айни. Он

расстается с чалмой, оставшись в тюбетейке, хотя в сороковых годах еще носил чалму, халат и камзол. Особенно после избрания его Президентом Академии наук его одежда становится современной.

Вскоре изменяется портрет писателя. На его лице появляются морщинки, под его глазами появляются припухлости, дыхание становится тяжёлым. Он начинает ходить с посохом, хотя в последние годы жизни он оставляет палку. По сведениям, состояние здоровья писателя значительно улучшилось.

3.5. Обучение родному языку

Педагогическая деятельность С.Айни начинается ещё в годы его учения в медресе, а спустя время - длится в двух направлениях:

1. Школьное учительство в новометодных школах;
2. Составление школьных учебников и учебных пособий.

В 1906 году в городе Бухаре учитель татарского происхождения Абдуррахман Саиди открыл новую татарскую школу. Поскольку в эту школу поступали и таджикские дети, С. Айни переводил им татарскую речь Саиди. Когда 8 ноября 1908 года в доме Абдулвахида Мунзима открылась первая новая таджикская школа, осложнились и школьные заботы С.Айни. Пользуясь опытом, полученным в школах Абдуррахмана Саиди, Абдулвахида Мунзима и Абдулкадыра Шакури С. Айни составил четыре учебника для учащихся новой школы: «Тартил ал-Кур'ан» (1909), «Заруриёти диния» (Религиозная необходимость) (1914), «Тахзиб ас-сибйан» (Воспитание детей) (1910, 1917) и «Холида и духтарбача». Многие рассказы «Тахзиб ас-сибйан» снабжены стихотворными отрывками. В этой книге особо занимательны рассказы, в которых осуждается расточительство и

польза умеренности. «В одной западной стране горит город. Здания становятся непригодными для жилья, и жители города остаются без крыши над головою. Добрые люди с целью опоздания помощи бездомным открывают благотворительный фонд. При сборе средств, приходят в дом купца, который упрекал своего слугу за измененный расход одной стычки. Упомянутый купец с целью благотворительности дарит им десять тысяч золота, те удивляются: «Сказали: «Из-за одной спички ты ругался со слугой, а почему пожертвовал столько средств? Купец сказал: «Если б я не сэкономил одну спичку, тогда откуда я мог бы находить денег для пожертвований» Бейт:

Ба чойи зарурат бидех, то тавонӣ,
 Ки дасти ту гирад гаҳи натавонӣ.
 Валекин ба чойе, ки нафас набошад,
 Хирадманд як дона арзан накошад.
 (В нужное место дай то, чего можешь,
 В несчастные дни тебе оно поможет
 Но в то место, где пользу не принесёт,
 Мудрец не посеет даже просо одно).

Педагогическая и публицистическая деятельность С.Айни начинается ещё в ту пору, когда он жил в Самарканде и длится до конца его жизни. Айни в качестве литературного редактора работает в газетах «Шуълаи инкилоб» и «Овози тоджик», а печатается он в 1919-1920 гг. в периодической прессе под анонимными подписями «С.М.», «С.Х.», «К.А.», «С.А», «М», когда писал статьи, фельетоны и сатирические стихи в журнале «Шуълаи инкилоб», а также подписями «Бир нечалик футурист», «Сарсон», «Баттол» в узбекских сатирических журналах «Таён» и «Машраб». Затем продолжил свою публицистическую деятельность в узбекской газете «Мехнаткашлар товуши» и «Овози тоджик».

Публицистические статьи С. Айни как жанр сеюминутных забот общественной жизни отчетливо выражают отношение писателя к важнейшим политическим, социальным и культурным событиям того времени. Так, в первые годы советской власти вопросы ликвидации безграмотности и образования молодёжи были самыми важными и злободневными. В статьях «Меч и перо» (1920), «Теперь очередь за пером» (1920), «Что такое неделя детей» (1921), «На пути ликвидации безграмотности» (1921), «Помогите маленьким детям» (1921) и других С. Айни настойчиво продолжает пропагандировать архиважную просветительскую тематику. Архиважность этой тематики усиливалась в связи с важнейшим политическим событием, произошедшим в 1924 году, было территориальное размежевание среднеазиатских народов. В связи с этим, пантюркисты и тюркские националисты, избравшие путь этнического геноцида таджиков на этой земле, возчики стремились лишить их школы, просвещения и культуры. В этот чрезвычайно важный момент в периодической печати вышли публицистические статьи С. Айни «Таджикский народ и газета» (1924), «О таджикской школе и просвещении» (1924), «О таджикских школьных учебниках» (1924), «Горные таджики» (1924), «Организаторские способности у таджиков» (1924), «Таджикская печать» (1926). В этих статьях С. Айни опровергает всякие лицемерно организованные попытки международного пантюркизма закрепить победу тюркских кочевников в конце X в. стиранием следов иранской цивилизации. «Никто» не может отрицать того факта, что в Средней Азии, особенно на территориях Бухары и Туркестана, - провозглашает Айни. В статье «Таджикская печать», - обитает великий народ, называемый «таджик».

Статьи под названиями «Семиглавый див», «Осёл без хвоста», «Предсмертные агонии раненого зверя», «Нужно уничтожить всякого, кто вредит человеку» написаны в годы войны, также служили людям организовываться нравственно и физически, чтобы избавиться от тех

«вредителей», которые лишат человечество возможности своему первоначальному предназначению на земле – жить и трудиться на благо всех.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование творчества С.Айни раскрывает многогранную научную, художественную, публицистическую деятельность этой исторической личности на благо родного народа.

Основные положения литературных и научных произведений С. Айни мы рассмотрели сквозь призму трёх аспектов исследования, к которым относятся научно-литературный, научно-исторический и научно-лингвистический. В романах и повестях, рассказах, очерках и публицистических статьях, которые сочинены на различные темы повседневной жизни, речь главным образом идёт о национальном самоосознании.

В 1920 году С. Айни от поэтического творчества перешёл к прозе о просвещении и вскоре занял в ней ведущие позиции. В то же время он синкретизирует научную публицистику в новый литературный жанр, зачатки которого можно заметить в произведениях Дониша. В первые послереволюционные годы некоторые его произведения, написанные на таджикском языке, как «Бухарские палачи», «История интеллектуальной революции в Бухаре», рассказ «Трагедия одного молодого бухарского учёного» были «потеряны» в издательстве. Айни был вынужден перевести последнее произведение на узбекский язык, после чего стал писать синхронно на двух языках – узбекском и таджикском языках. После этого его сочинения на узбекском языке стали издаваться быстрее и без всяких препятствий. Но во всех случаях он продолжал защищать права таджикского народа перед лицом всевозможных ущемлений.

Литературная и научная деятельность С. Айни начала исследоваться уже с 30-ых годов 20 века. В исследовании констатируется факт, что в 20 веке художественная проза занимает особое место в таджикской литературе и связана с произведениями С.Айни, Дж. Икромии, С. Улугзоде, А.Дехоти,

Р.Джалиля, Х.Карима и Гани Абдулло, и на примере таких романов, как «Рабы», «Смерть ростовщика» и других произведений рассказывается о важнейших особенностях прозы 30-х годов в таджикской литературе.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных источников. Во введении обосновывается актуальность избранной темы, цели и задачи исследования, его научно-практическое значение, методологические основы и важнейшие источники диссертации.

В первой главе «Литературные и научные источники творчества С.Айни» дается характеристика нового общественного строя, исторической общности людей, новейшей литературы в процессе развития, обращении к фольклорным истокам и национальной классической и русской литературе. В этой главе также дискутируется о личности и творческой лаборатории С.Айни, исследуются источники и предпосылки формирования личности С.Айни, характер его художественно-эстетической мысли.

Во второй главе «Научные и исторические произведения С.Айни» на примере последней части романов «Дохунда», «Рабы», очерков «Колхоз Коммунизма» и «Исторический праздник» Айни, нескольких рассказов и очерков Хашима Карима, Р.Джалиля, Б.Азизи и М.Алихуша, романа «Шоди» Дж.Икрами, «Навобод» С.Улугзаде, повести «Джавони» П.Толиса, сборника очерков «Переселенцы» Ф.Мухаммадиева и других анализируются основные проблемы жизни села в новой послереволюционной литературе. Сравнивая эти произведения, мы высказали некоторые свои мысли. Эта глава отличается богатством содержания, тем и выдающимися литературными, научными и историческими идеями С. Айни.

В главе «Размышления С.Айни над литературным таджикским языком» рассматриваются произведения С.Айни, посвящённые языку, охватывающие широкий круг вопросов, служат в качестве теоретической и научной инструкции для решения различных проблем таджикского литературного языка. Эта часть диссертации отведена исследованию одной из важных сфер

научной деятельности Айни. Его борьба за совершенствование и демократизацию таджикского языка теснейшим образом связана с коренными изменениями, которые произошли после русской революции.

В диссертации научная и литературная деятельность С. Айни нами рассматривается в неразрывной связи с проблемами литературной, исторической и языковедческой критики. Рассуждения над личностью писателя и его произведениями в сопоставлении с произведениями других писателей привели к иным оценкам, чем прежде. В связи с этим свои выводы мы представляем следующим образом:

Во-первых, мы постарались излагать свои выводы о произведениях С. Айни, сочинённых в двадцатые и тридцатые годы прошлого века, но этот путь оказался не оптимальным, ибо темы и содержания произведений Айни тесно связаны друг с другом. Это обстоятельство же предполагает охватить всю его деятельность. Тем не менее, мы по возможности строго держались в рамках исследования.

Во-вторых, исследователи представили конкретные суждения по общим вопросам о творчестве С. Айни, но мы при рассмотрении проблем, которые уже забыты, по-новому исследовали их в диссертации. В связи с этим, темы, приведённые в диссертации, приобрели новый окрас.

В-третьих, если другие писатели в отдельности филологические или исторические, социальные темы рассматривали, то мы литературные, исторические и языковедческие проблемы рассмотрели комплексно, показали портрет С. Айни во взаимосвязи с его творчеством. В этом плане нами высказаны новые, свежие мысли о творчестве писателя.

В-четвёртых, учениками и друзьями написаны путевые заметки, воспоминания, стихи о С.Айни. В процессе исследования мы широко использовали их с целью укрепления своих мыслей.

В-пятых, такая постановка темы дала нам возможность коснуться мировоззрения литератора, его творческой лаборатории, представили духовный мир писателя, многие вопросы решили по-новому.

В - шестых, диспуты, разгоревшиеся в тридцатые годы о строе и структуре языка, стилистике старого времени и нового алфавита, которые по сей день как следует не изучены, осветили с точки зрения структуры языка, культуры таджикской нации.

В-седьмых, мы постарались отчетливо отметить вклад С. Айни в решении важнейших научных, литературных и культурных проблем в периоды до революции и после неё.

В-восьмых, С.Айни стойко противостоял пантюркистам и некоторым неученым востоковедам, которые считали, что таджикский язык - это искажённый иранский язык или тюркский язык, оказавшийся под влиянием персидского языка. Он защитил таджикский язык от клеветы и корыстных нападок указанных элементов, осветил диалектические вариации этого языка по отношению к литературному персидскому языку.

В-девятых, некоторые примечательные мысли, высказанные С.Айни в его художественных произведениях, литературной критике, научных, исторических, искусствоведческих произведениях о языке в течении долгой истории таджикской нации – от государства Саманидов до наших времён, выбраны из произведений самого Айни. Эти мысли дополнили и совершенствовали содержание языка.

Все они послужили средствами пробуждения национального самопознания и самоосознания. С. Айни различными средствами подводил своих читателей к истории, культуре, цивилизации минувших веков. С. Айни постоянно подчёркивал, что таджикский народ - это древний народ, живший там, где живет и ныне, играл огромную цивилизирующую роль на землях Хорасана и Мавараннахра.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айни С. Куллиёт, чилди 1. Ба чоп тайёркунандагон К.Айни ва Р. Ходизода. Сталинобод: Нашрдавточик, 1958. - 327 с.+ 19 с.
2. Айни С. Куллиёт, чилди 2. Ба чоп тайёркунандагон К.Айни ва А. Маниёзов. Сталинобод: Нашрдавточик, 1960. - 474 с.
3. Айни С. Куллиёт, чилди 3. Ба чоп тайёркунандагон К.Айни ва А.Маниёзов. Сталинобод: Нашрдавточик, 1960. - 620 с.
4. Айни С. Куллиёт, чилди 4. Сталинобод: Нашр. Давл. Тоҷ., 1961. - 350 с.
5. Айни С. Куллиёт, чилди 5. Душанбе: Ирфон 1963. - 275 с.
6. Айни С. Куллиёт, чилди 6. Ба чоп тайёркунандагон К.Айни ва М. Шукуров. Душанбе: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1962. - 414 с.
7. Айни С. Куллиёт, чилди 7. Ба чоп тайёркунандагон К.Айни ва М. Шукуров. Душанбе: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1962. - 646 с.
8. Айни С. Куллиёт, чилди 8. Тарбдихандагон С.М.Айни, Х.Айни ва К.Айни. Душанбе: Ирфон, 1981. -448 с.
9. Айни С. Куллиёт, чилди 9. Ба чоп тайёркунандагон К.Айни, А.Маниёзов, С.Айни. Душанбе: Ирфон, 1969.-415 с.
10. Айни С. Куллиёт, чилди 10. Ба чоп тайёркунандагон: К.Айни, Раҳим Ҳошим. - Душанбе: Ирфон, 1966. -343 с.
11. Айни С. Куллиёт, чилди 11. Китоби якум. Ба чоп тайёркунандагон: К.Айни ва Р.Ҳодизода. Душанбе: Нашрдавточик., 1963. – 506 с.
12. Айни С. Куллиёт, ч. 11. Китоби дуюм. Ба чоп тайёркунандагон: К.Айни. - Душанбе: Ирфон, 1964.- 436 с.
13. Айни С. Куллиёт, чилди 12. Ба чоп тайёркунандагон: К.Айни ва Х.Рауфов. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 770 с.
14. Айни С. Куллиёт, чилди 13. Ба чоп тайёркунандагон: К.Айни. Душанбе: Ирфон, 1977. - 430 с.

15. Айнӣ С. Куллиёт, ҷилди 14. Таърихи инқилоби фикрӣ дар Бухоро, Душанбе; “Матбуот” 2005. - 272 с.
16. Айнӣ С. Осори баргузида дар ду ҷилд. Ҷилди якум ва дуюм. Тартибдиханда ва муаллифи сарсухан Камол Айнӣ. - Душанбе: Ирфон, 1977. - 480 с.
17. Айнӣ С. Алишери Навоӣ. - Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1948. -261 с.
18. Айнӣ С. Ахгари инқилоб. Душанбе: Ирфон 1974. – 265 с.
19. Айнӣ С. Восифӣ ва хулосаи «Бадоеъ-ул-вақоеъ». Ба чоп тайёр-кунанда ва муаллифи сарсухан К.Айнӣ. -Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1956 - 316 с.
20. Айнӣ С. Дар бораи Фирдавсӣ ва «Шоҳнома»-и ӯ». - Сталинобод - Ленинград, 1940. - 60 с.
21. Айнӣ С. Рабы. Перевод с таджикского С. Бородина. – Изд. “Ирфон”.- Душанбе, 1970. - 430 с.
22. Айнӣ С. Таърихи инқилоби Бухоро (баргардонанда аз ўзбекӣ ба тоҷикӣ ва мурағиб Р.Ҳошим). Душанбе: Адиб, 1987. -240 с.
23. Айнӣ С. Заруриёти диния. Нашри илмии интигодӣ. Бо сатри эҳтимом, пешгуфтор, танзим, тавзеҳ, шарҳ. – Луғат ва феҳристҳои А.С. Муҳаммадамин. Душанбе: Диловар. 200. –225 с.
24. Айнӣ С. Литературные заметки // Правда. - 1954. – 13 декабря. -№ 347 (13280).- С. 2.
25. Айнӣ С. Марш свободы. Шуълаи инқилоб, 1919, № 23; Антология таджикской поэзии. М., Госполитиздат, 1957, С.549. В переводе И. Сельвинского.
26. Айнӣ С. Мирзо Абдулқодирӣ Бедил. - Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1954. - 340 с.
27. Айнӣ С. Мухтасари тарҷумаи ҳоли худам. Зери назар ва бо пешгуфтори М.Осимӣ. Бо кӯшишу эҳтимом ва дебочаи К.С.Айнӣ.- Душанбе: Дониш, 1978. -194 с.

28. Айнӣ С. Намунаи адабиёти тоҷик. -М.: Чопхонаи Нашриёти Марказии халқҳои Иттиҳоди Ҷамоҳири Шӯравии Сӯсиёлистӣ, 1926. - 626 с.
29. Айнӣ С. Оид ба вазъияти забоншиносии тоҷик // Шарқи сурх.-1952. № 6. -С. 3-8.
30. Аини С. Судьба одного народа // Новое время. - 1951. - № 45.- С. 7-10.
31. Айнӣ С. Таҳзиб-ус-сибён. Ба чоп тайёркунанда С.Табаров.— Душанбе: Маориф. 1994. – 45 с.
32. Айнӣ С. Мунтахаби асарҳои илмӣ дар 2 ҷилд, Душанбе: Маориф. 1994 – 45 с.
33. Айнӣ С. Таърихи мухтасари халқи тоҷик // Шарқи сурх. - 1948. - № 3. - С. 32-38; № 4. - С. 34-40.
34. Айнӣ С. Ҷавоб ё ин ки мусоҳаба // Овози тоҷик. - 1927. –16 март. -№ 138. -С. 3; 20 март. -№ 139. -С. 4.
35. Айнӣ С. Ҷойи таваллуд, вафот ва турбати устод Рӯдакӣ. Ба чоп тайёркунанда ва муаллифи дебоча К.Айнӣ // Садои Шарқ. -1975. -№ 4. -С. 110-117.
36. Айнӣ С. Шайхурраис Абӯалӣ Сино. Чопи дуюм, бо ислоҳ ва иловаҳо. - Сталинобод - Ленинград, 1941. -84 с.
37. Айнӣ С. Шайх Муслиҳиддин Саъдии Шерозӣ. Ҳаёт ва эҷодиёти ӯ. - Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1942. - 56 с.
38. Аини С. Литературные заметки // Правда. – 1954. 13 декабря, № 347 (13280). – С. 2.
39. Аини Х. Жизнь Садриддина Айнӣ (Краткий хронологический очерк). Душанбе: Дониш, 1982.- 94 с. – 25 с.
40. Абдулло Ғ. Ормон – Садриддин Айнӣ дар хотироти дӯстон ва шогирдон. Д.: Ирфон, 1968 – 106 с.

41. Азизқулов Ҷ., Муллоҷонова З. Феҳрасти асарҳои С.Айнӣ ва адабиёт оид ба ӯ. Душанбе: Нашриёти Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон, 1963. - 326 с.
42. Ақобиров А. Дунё ба умед. Роман. – Душанбе: Ирфон. – 1983. – 336 с.
43. Аминзода М. Хотираи ман дар ҳақи устод Айнӣ. Ҷашномаи Айнӣ, ҷузъи 3. Д: Дониш –1966. С. 164 – 165.
44. Аминзода М. Чанд хотирот дар бораи С. Айнӣ. Ҷашномаи Айнӣ, ҷузъи 4, – Д: –Дониш, 1971. –С. 340 – 342.
45. Асозода Х. Устод С.Айнӣ дар шиноҳти С. Улуғзода. Душанбе: Деваштич. –2001. – 112 с.
46. Атоев М. Оид ба равияи М.Горкий дар романи «Дохунда»-и С. Айнӣ. –Масъалаҳои шарқшиносӣ, серияи нав, № 145. Нашр. Ун-ти давлатии Самарқанд.–1965. -105 с.
47. Бароҳанӣ Ризо. Қиссанависӣ. – Техрон. 1368. – 741 с.
48. Бақозода Ҷ. Устод Айнӣ ва афкори адабию эстетикӣ тоҷик дар солҳои бистум. Ахбороти АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон. 1978. № 2. –С. 59 – 63
49. Бақозода Ҷ. Нависанда ва идеали замон. Душанбе: Адиб. - 1987. -256 с.
50. Бертельс Е.Э. История персидско - таджикской литературы. - М. : Изд - во восточной литературы, 1960. -527 с.
51. Бертельс Е.Э. Муқаддима // С.Айнӣ. Мирзо Абдулқодир Бедил. Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1954. –С. 7
52. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Навои и Джами. «Наука». – М., 1965. – 498с.
53. Бертельс Е.Э. Устоди донишманди муаззам! Куллиёт, ҷ. 12. Душанбе: Ирфон, 1976. - 565 с. + 206 с.
54. Бобоев Ю.И. Жанри таърихӣ ва романи «Ғуломон»-и С.Айнӣ. – Сталинобод, 1948. –253 с.

55. Болдырев А.Н. Зайниддин Васифи. – Сталинабад, 1957. – 356 с.
56. Брагинский И.С. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956.- 454 с.
57. Брагинский И.С. Проблемы творчества Садриддина Айни. - Душанбе: Ирфон, 1974. -176 с.
58. Брагинский И.С. Садриддин Айни. - Ҳаёт ва эҷодиёти Садриддин Айни. – Душанбе: Ирфон–1968.– 196 с.
59. Брагинский И.С. Айни Садриддин. Энциклопедияи советии тоҷик. Ҷилди 1. Душанбе, 1978. - С. 86-90.
60. Брагинский И.С. Садриддин Айни – основоположник таджикского литературоведения // Вопросы литературы. - 1952. -№ 3. - С. 145-155.
61. Брагинский И.С. Западно-восточный литературный синтез и творчество С. Айни. – Душанбе: «Ирфон», 1986. – 192 с.
62. Брагинский И.С. Тысяча лет таджикской литературы // Правда. - 1941. 24 апреля. -№ 113 (8521). - С. 2.
63. Виноградов Б. Забони сохта ва ё зинда? // Овози тоҷик, 1929, 12 феврал.
64. Бузург М. Як мулоҳиза дар бораи романи «Дохунда». Барои адабиёти сотсиалистӣ. – 1936, №7, с. 20.
65. Гафуров Б.Ф. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. - М.: Наука, 1972. -664 с.
66. Бурхонов М. Хотираҳои ман дар бораи Айни. Чашномаи Айни, ҷузъи 9. –Душанбе: Дониш, 2002. С. 216–220.
67. Дебоча ва маром // Овози тоҷики камбағал. - 1924. – 25 август, № 1- С.
68. Декада таджикской советской литературы в Москве... Сборник материалов. Сталинабад, 1950. ...

69. Демидчик Л.Н. Баъзе лаҳзаҳои ташаккули насри реалистии тоҷик дар солҳои сиёму // Масъалаҳои адабиёти муосири тоҷик, Душанбе: Ирфон, 1970. -293 с.
70. Дехотӣ А. Куллиёт. Иборат аз панҷ ҷилд. -Ҷилди 5, Душанбе: Ирфон, 1966. -С. 281-293.
71. Дониш Ахмад. Асарҳои мунтахаб. Сталинабад: НДТ, 1959. 288 с.
72. Зеҳнӣ Т. Ёддоштиҳои ман дар бораи устод. Садриддин Айни дар хотироти дӯстон ва шогирдон. Душанбе: Ирфон, 1968. -С. 22-29.
73. Имомов М. Ҷаҳонбинӣ ва тафаккури бадеии Садриддин Айни. Душанбе: Матбуот, 2001. -118 с.
74. Икромӣ Ҷ. Устоди ман, мактаби ман, худи ман. Душанбе: 1970 – 117 с.
75. Ирфон Ҳасан. Сафаре бо устод С. Айни. Душанбе: Ирфон. – 1968 – 49-62.
76. Намунаҳои адабиёти тоҷик (Тартибдиҳандагон: Х. Мирзозода, Ҷ.Сухайлӣ, Ҷ.Икромӣ, К.Лутфуллоева, Л.Бузургзода).- Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1940. -604 с.
77. Комиссаров Д. Айни ва мероси адабӣ // Садои Шарқ. -1973. - № 2. -С. 133-137.
78. Маниёзов А. Публицистика ва назми С.Айни (1918 – 1921). – Сталинобод: Нашр. Давл. Тоҷик, 1958. –152 с.
79. Кӯҳзод Ҷ. Як рӯзи дароз, рӯзи бисёр дароз. Повест – Душанбе: Ирфон. 1982 – 128 с.
80. Кӯчаров А. Тадқиқи текстологии «Одина»-и С.Айни. – Душанбе: Дониш, 1982. -146 с.
81. Лукницкий П. Як соати ҳаёти Айни. Садриддин Айни дар хотироти дӯстон ва шогирдон. – Душанбе: Ирфон, 1968. -С. 232-241.
82. Кӯчаров А. Масъалаҳои матншиносии адабиёти тоҷик–Душанбе: Маориф, 1994. –144 с.

83. Маҳмадаминов А. Адабиётшиносӣ ва ҳудогоҳии миллӣ. - Душанбе: Сино, 1998. -211 с.
84. Маҳмадаминов А. Поиски истины. Душанбе: Сино, 1994. – 118 с.
85. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. - Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1959. - 296 с.
86. Миршакар М. Ёди ёри меҳрубон.. Душанбе: Адиб – 1993, 5-29 с.
87. Маъсумӣ Н. Чаҳонбинӣ ва маҳорат. Душанбе: Ирфон – 1966, 22 с.
88. Мукотибаи Садриддин Айни ва Абулқосим Лоҳутӣ. Нашри дувум. Ба чоп ҳозиркунанда ва муаллифи тавзеҳот Х. Отахонова. Душанбе: Деваштич, 2003, -140 с.
89. Мирзоев А. Абӯабдуллоҳи Рӯдакӣ. Сталинобод: Нашрдавтоҷик., 1958. - 279 с.
90. Мирзозода Х. Садриддин Айни - аввалин адабиётшиноси советии тоҷик // Мулоҳизаҳо дар бораи адабиёт. - Душанбе: Нашрдавтоҷик, 1963. -С. 172 -194.
91. Мирзо Сирочи Ҳаким. Тӯҳафи аҳли Бухоро.— Душанбе: Адиб, 1992. -272 с.
92. Муллоҷонзода З. Тоҷикони ўзбакнамои Самарқанд // Тоҷикис-тони сурх. - 1929. - 1 январ. -№ 1 (3). -С. 3.
93. Муллоев А. Чехранигории ҳунари дар насри таърихӣ. Душанбе: Ирфон, 2003 – 176 с.
94. Муллоҷонова З. Аз таърихи Айнишиносӣ // Садои Шарк, 1971. № 5. –С. 125-134.
95. Муллоҷонова З. ва Файзуллоев Н. Феҳрасти асарҳои С.Айни ва адабиёти оид ба ӯ. Душанбе: Дониш, 1978. –336 с.
96. Муҳиддинуф. Мардуми шаҳр ва атрофи Бухоро тоҷиканд ё ўзбак? // Раҳбари дониш, 1928. № 8-9. -С. 15-19.

97. Мукулмонкулов Р. Назарияи адабиёт. –Душанбе: Маориф 1990. –С. 334.
98. Нафисӣ С. Мусохабат бо марди бузург // Садриддин Айнӣ дар хотироти дӯстон ва шогирдон. Тартибдиҳанда Раҳим Ҳошим. Душанбе: Ирфон, 1968. -С. 182-184.
99. Нафисӣ С. Гулчин аз девони устод Саид Нафисӣ. Техрон, 1333. -С. 160.
100. Ниёзӣ Ф. Саҳифаҳо аз ёддоштҳо дар барои устод – Садриддин Айнӣ дар хотироти дӯстон ва шогирдон. Душанбе: Ирфон, – 1968 с.
101. Ниёзмӯҳаммадов Б. Баъзе хотираҳо дар бораи устод Айнӣ // Чашнномаи Айнӣ, ҷузъи IV. - Душанбе: Дониш, 1971. -С. 289-294.
102. Ниёзов Ф. Саҳифаҳо аз ёддоштҳо дар бораи устод – Садриддин Айнӣ дар хотироти дӯстон ва шогирдон Душанбе: Ирфон, 1968 - С. 39-48.
103. Отахонова Х. Симои Айнӣ дар осори Мирзо Турсунзода // Ифтихори миллат (Маҷм. мақолаҳо). Душанбе, 2002. -С. 59–69.
104. Очерк истории таджикской советской литературы. Издательство Академии наук СССР: Москва, 1961. – 480 с.
105. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Издательство Ленинградского университета, 1966. – 399 с.
106. Раджабов З.Ш. Садриддин Айнӣ - историк таджикского народа. Краткий исторический очерк. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1951. - 87 с.
107. Раҳимзода Б. Саъдии замон. Чашнномаи Айнӣ, ҷузъи 3. Душанбе: Дониш, 1966 – 171 с.
108. Раҳимов Н. Садриддин Айнӣ - адабиётшунос, олим // Ёзбек тили ва адабиёти масалалари. - 1961. № 6. -С. 11-19.
109. Раҳим Ҳошим. Дар коргоҳи эҷодии С. Айнӣ. Душанбе: Ирфон, 1983 –272 с.

110. Раҳмонов А. Маърифати замон. Душанбе: Адиб. 1995. –112 с.
111. Раҳмонов Ш. Шеър ва Айнӣ. Дигаргуниҳои сифатию созмонӣ дар назми муосири тоҷик. – Душанбе: Маориф, 1994. -192 с.
112. Раҳмонов Ш. Маърифати забон.- Душанбе: СОНДТ. - 2008. - 208 с.
113. Раҷабов З. Адиб ва олими забардасти халқи тоҷик // Шарқи сурх. 1951. -№ 4. -С. 12-24; № 5. -С. 89-103; № 7. - С. 109-125.
114. Раҷабӣ М. Ба фикри ман. -Душанбе: Деваштич, 2003. - 213 с.
115. Раҷабӣ М., Тадқиқи таърих – тадқиқи характер. Душанбе: Адиб, 1997. – 207 с.
116. Садри Зиё. Наводири Зиёия (Таҳияи М.Шукуров ва С.Сиддиқов). – Душанбе: Адиб –1991– 123 с.
117. Сайфуллоев А. Айнӣ Садриддин. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷилди 1. Душанбе, 1988. - С. 116-125.
118. Сайфуллоев А. Мактаби Айнӣ. - Душанбе: Ирфон, 1978. - 352 с.
119. Сайфуллоев А. Романи устод Садриддин Айнӣ “Дохунда” – Душанбе: Дониш, 1966. –218 с.
120. Солженицын А. В круге первом. – М.: “Книжная палата”, 1990. – 593 с.
121. Ҳотамов Н. Як манбаи муҳим (дар бораи асари С. Айнӣ “Бухоро инқилобӣ таърихӣ учун материаллар ”// Садои Шарқ. – 1971. - № . С. 25-28
122. Сидқӣ А. Пайроҳаи зиндагӣ. – Душанбе: – Ирфон, 1984 – 224 с.
123. Сталин И. Марксизм ва масъалаҳои забоншиносӣ. - Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1953. -121 с.
124. Султанов Ю.С. Важный документ о Хамзе Хаким-заде Ниязи. – Звезда Востока, 1963, № 3, с. 150-152

125. Султонов Ш., Вишневский А. Сухан аз «Намунаи адабиёти тоҷик» // Садои Шарқ. – 1977, № 4. -С. 117-124.
126. Табаров С. С.Айнӣ - қофиласароии адабиёти советии тоҷик. Душанбе: Дониш,1977. –29 с.
127. Табаров С. С.Айнӣ ва тарҷумаи “Қамар”-и Фердинанд Дюшен. Ҷашномаи Айнӣ. Ҷузъи 2. Душанбе: Нашриёти АФ РСС Тоҷикистон, 1963. – С. 48.
128. Табаров С. Ёди устод. Садои Шарқ, 1979, № 4. – С. 123.
129. Табаров С. Ғулумон – Романи «Ғулумон»-и Айнӣ ҳамчун романи таърихӣ. –Душанбе: Адиб, 2005. -240 с.
130. Табаров С. Зиндагиномаи Садриддин Айнӣ (1875–1899). Душанбе: Матбуот 2008. – 478 с.
131. Таърихи адабиёти советии тоҷик. Инкишофи жанрҳо дар 6 ҷилду 7 китоб. Душанбе: Дониш, 1978-85.
132. Толис П. Ёди устод. Садриддин Айнӣ дар хотироти дӯстон ва шогирдон. Душанбе: Ирфон. – 1968. 218 с.
133. Тошматов Р. Олими забардасти халқи тоҷик // Ҳақиқати Ленинобод. - 1958. - 15 апрел. № 76 (4535). -С. 3.
134. Турсунзода М. Садриддин Айнӣ // Шарқи сурх. -1953. - № 4. - С. 8-22.
135. Турсунзода М. Садриддин Айнӣ. – Садриддин Айнӣ (ба муномибати 75-солагии таваллуди устод С.Айнӣ). – Сталинобод 1954. - С. 96-119.
136. Турсунзода М. Чароғи абадӣ. Ошёни баланд. «Маориф ва фарҳанг», 2011 – 192 с.
137. Улуғзода С. Аз дафтарчаи ёддоштҳои ман // Тоҷикистони сурх. -1935, 24 ноябр. № 268 (2165). -С. 3.
138. Улуғзода С. Саёҳати Бухоро бо ҳамроҳии Айнӣ. (Қайдҳои сафар). Мунтахабот. Иборат аз чор ҷилд. Ҷ. 3. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 94-113.

139. Улуғзода С. Утро нашей жизни. Сталинабад, 1954.
140. Улуғзода С. Фирдавсӣ. Душанбе: Ирфон, 1988 – 188 с.
141. Фиш Р., Ҳошим Р. Бо амри вичдон.- Душанбе: Ирфон, 1979. - 288 с.
142. Фрай Р. Наследие Ирана. - М.: Вост. литература, 1972. - 344 с. +44 с. с. библи. +76 с. илл.
143. Чиллаев К. Народный роман «Абу Муслим-наме». Душанбе: «Дониш», 1985. – 192 с.
144. Ҳалимов С. Садриддин Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик. - Душанбе: Ирфон, 1974. -136 с.
145. Ҳалимов С. С. Айнӣ дар бораи муносибати забонҳои тоҷикӣ ва форсӣ. Душанбе, 1965. - С. 297-311.
146. Ҳалимов С. С. Айнӣ дар бораи ташаккули забони адабии тоҷик. Масъалаи забони тоҷикӣ. Душанбе, 1967. -С. 93-106.
147. Ҳалимов С. С. Айнӣ - лексикограф. - Душанбе: УДТ ба номи В.И. Ленин, 1964. - 59 с.
148. Ҳодизода Р. Аз гузашта ва ҳозираи адабиёти тоҷик // Маҷмӯаи мақолаҳо. Душанбе: Ирфон, 1974. -144 с.
149. Ҳодизода Р. Оид ба аҳамияти таърихии «Намунаи адабиёти тоҷик» // Чашнномаи Айнӣ, ҷузъи III. - Душанбе: Дониш, 1966. - С. 16-21.
150. Ҳодизода Р. Ситорае дар тирашаб. Душанбе: Адиб, 1983 – 235 с.
151. Ҳодизода Р. Тадқиқоти илмии Садриддин Айнӣ оид ба таърихи адабиёти тоҷик (Қайдҳои мухтасар) // Шарқи сурх.- 1950. - № 8. - С. 98-114.
152. Ҳодизода Р. Оид ба аҳамияти таърихии «Намунаи адабиёти тоҷик»// Чашнномаи Айнӣ. Ҷузъи 3. Душанбе: Дониш, 1966 с.16-21.
153. Ҳусейнзода Ш. Айнӣ ва баъзе масъалаҳои адабиёти советии тоҷик // Баҳс ва андеша. - Душанбе: Ирфон, 1964. - С. 128-132

154. Чашнномаи Айнӣ. Ҷузъи 111. Душанбе: Дониш-1966. -175с.
155. Чашнномаи Айнӣ. Ҷузъи 4. Душанбе: Дониш, 1971. -342с.
156. Чашнномаи Айнӣ. Ҷузъи 5. Душанбе: Дониш, 1978. -228с.
157. Чашнномаи Айнӣ. Ҷузъи 1X. Душанбе: Дониш, 2002. -244 с.
158. Шарифов Х. Назарияи наср (Дар адаби форсии асрҳои 4-9 ҳиҷрӣ). Душанбе, 2004. -319 с.
159. Шарифов Х. Озурдагон ва умедворон. Душанбе: Сино, 2001. -195 с.
160. Шарифов Х. Услуб ва камолоти сухан. Душанбе: Ирфон, 1985. -172 с.
161. Шакурӣ Муҳаммадҷони Бухорӣ. Садриддин Айнӣ–равшангари бузурги таърихи тоҷикон. Хучанд: Нури маърифат, 2001. –104 с.
162. Шакурӣ Муҳаммадҷони Бухорӣ. Садри Бухоро. Чопи 2. Бо тасвех, такмил ва иловаҳо. Душанбе: Деваштиҷ, 2005. -330 с.
163. Шакурӣ М.Б. Фитнаи инқилоб дар Бухоро. Душанбе: Шухоиён, 2010. – 140 с.
164. Шодӣ Ҳаниф. Пайроҳаи охугузар. Повест. Душанбе, 1975 – 168 с.
165. Шевердин М. Социальная восточная повесть. За партию, 1928, № 4 (8) с. 110.
166. Шукуров М. Анъана, халқият ва маҳорат // Маҷм. мақолаҳо. Душанбе: Дониш, 1966. 260 с.
167. Шукуров М., Бақозода Қ . Аввалин фикру мулоҳизаҳои устод Айнӣ дар бораи Бедил // Чашнномаи Айнӣ, ҷузъи III. Душанбе: Дониш, -С. 151-158.
168. Шукуров М. Диди эстетикӣи халқ ва насри реалистӣ. Душанбе: Ирфон, 1973. -159 с.
169. Шукуров М. Нигоҳе ба адабиёти тоҷики садаи XX. Душанбе: Пайванд, 2006. - 445 с.

170. Шукуров М. Садриддин Айни. Душанбе: Ирфон, 1978. -304 с.
171. Шукуров М. Хуросон аст ин чо.- Душанбе: Интишороти Оли Сомон, 1997. -.416 с; чопи дуввум Душанбе: Дониш, 2009 –576с.
172. Шукуров М. Хусусиятҳои ғоявию бадеии “Ёддоштҳо”-и устод Айни. Душанбе: Дониш, 1966. -260 с.
173. Шукуров Қ. Чанд мулоҳизаи адабӣ. Душанбе. Нашру сол нест. -С. 171.
174. Шӯҳрати ҷаҳонии Садриддин Айни. Мураттиб К.Юсупов. Душанбе: Ирфон, 1978. – 118 с.